

ВОКРУГ **СВЕТА**

8 1969
АВГУСТ

стр. 28

стр. 16

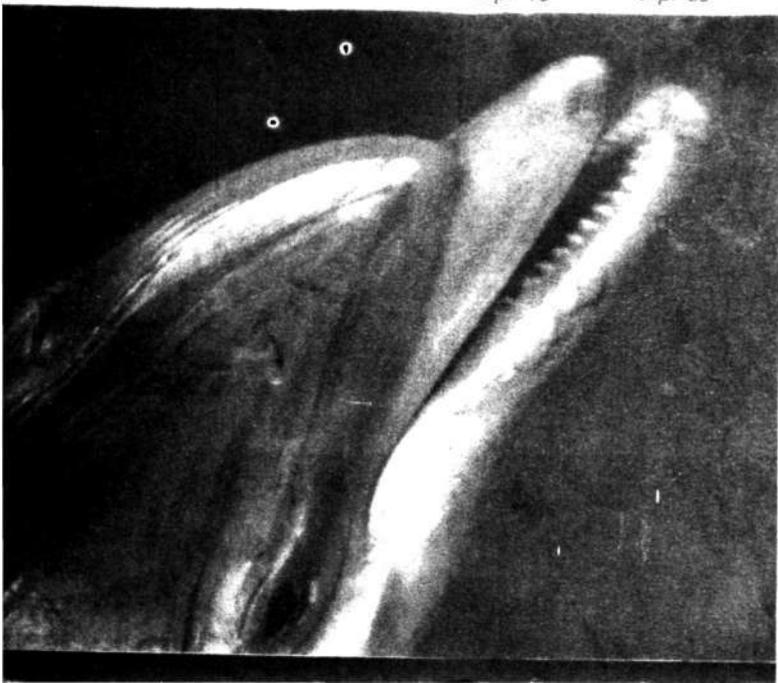
стр. 62

стр. 34

стр. 10

стр. 23

стр. 42

1969

ВОКРУГ СВЕТА

№ 8

АВГУСТ

Журнал основан в 1861 году

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

На страницах номера:

ЗА ЛЕНИНСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРИРОДЕ
Очерк о спелеологах, исследующих и охраняющих таинственный мир пещер.

Страницы дневника члена Политбюро ЦК Коммунистической партии Венесуэлы товарища Гильермо Гарсиа Понсе, участника легендарного побега из тюрьмы Сан-Карлос.

25-летие освобождения Румынии от фашистского ига. Своими воспоминаниями делится Евгений Халдей, фотокорреспондент фронтовой редакции ТАСС.

Экспедиция журнала «Вокруг света» по древнерусским крепостям. Последняя тетрадь.

В «Кают-компани» «Вокруг света»:
Возможен ли диалог человека с дельфином?

Французский путешественник Мишель Пессель рассказывает о Бутане, стране, затерянной в Гималаях.

Наши публикации:
Марк Твен, Зачарованное пустынное море.
Эрнест Хемингуэй, Один выстрел.

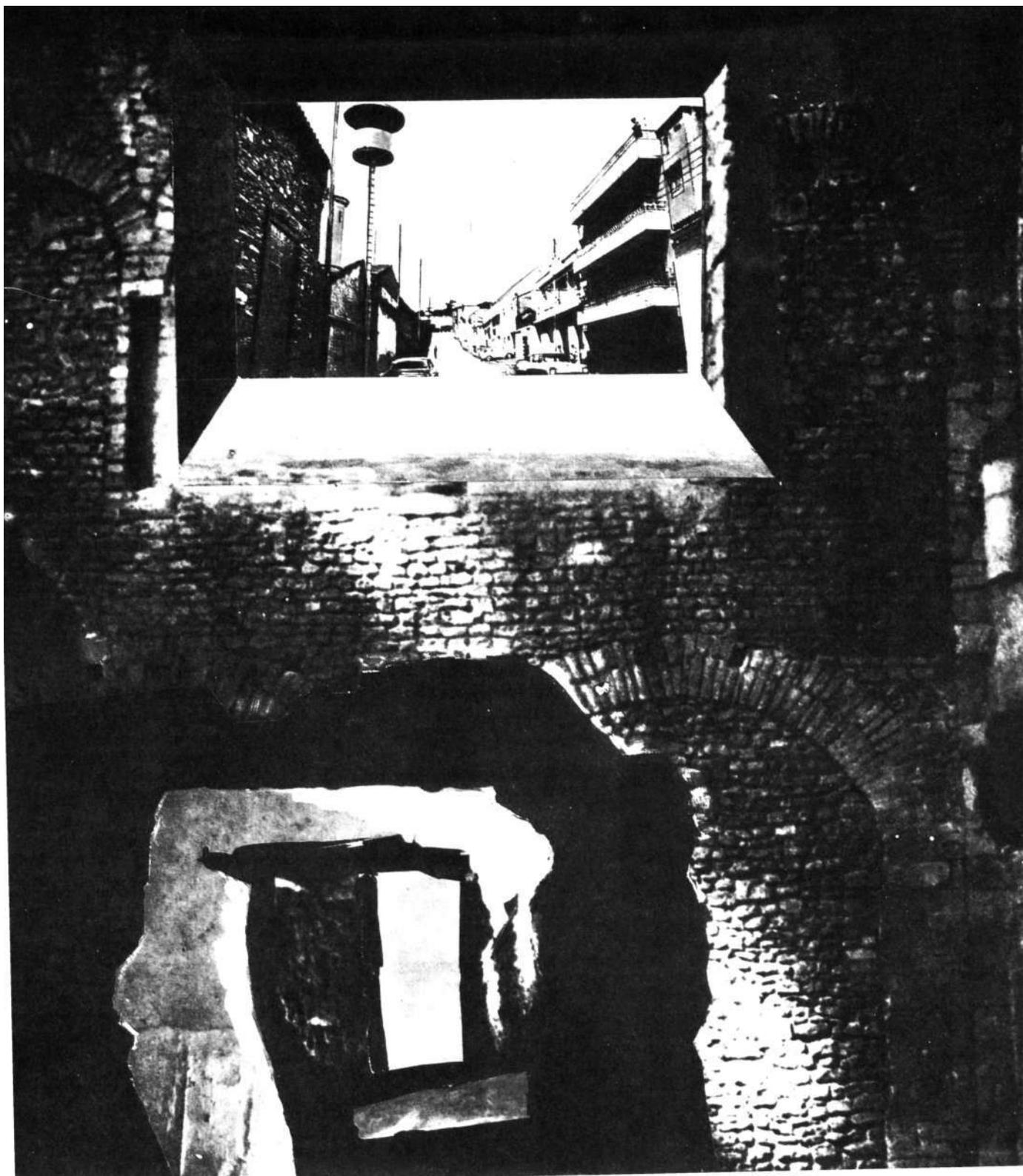
стр. 56

стр. 36

ГИЛЬЕРМО ГАРСИА ПОНСЕ

ТУННЕЛЬ „САН-КАРЛОС“

10 октября 1963 года. Меня арестовали в 5.30 вечера в доме № 17 «Н» квартала «Эль-Параисо» в Каракасе. Вооруженные агенты во главе с капитаном Карлосом Хосе Дельгадо и инспектором Марио Леала отвезли меня в центральное здание «Дихеполь»¹ в Чагуарамос. После допроса за мной впервые закрылись ворота тюрьмы Сан-Карлос.

11 октября. Я очень хорошо знаю эту старинную крепость, превращенную в тюрьму: ведь я родился метрах в ста от этих стен, между улицами Дос-Пилитас и Эль-Солитарио в квартале Ла-Пастора.

Здесь я играл в лошадки, оседлав старинную пушку, что направлена дулом на Пантеон, здесь, на старой площади, я выучился играть в бейсбол. По воскресеньям я любил глазеть здесь на церемонию поднятия флага. Гремел военный оркестр, потом звучали пасодобли, вальсы. Да и просто, сидя дома, я частенько слышал перекличку часовых у крепостных ворот.

Крепость Сан-Карлос была построена испанцами в начале XVIII века. Сначала здесь помещался гарнизон, затем — арсенал и даже какое-то время монастырь. Правительство диктатора Бетаякура решило запрятать за столетние стены крепости своих политических противников.

— Отсюда не убежите, — хвастается председатель военного трибунала Андрес Перес, отправляя очередного заключенного в Сан-Карлос.

17 октября. Внутри крепость разделена на несколько секторов. «Ветераны» утверждают, что нас охраняют по меньшей мере 300 человек. Это ретивые служаки, набранные в гвардии, в пехоте и военно-морских силах Венесуэлы. Все они прошли полугодовой курс специальной подготовки по охране политических преступников.

Полиция навербовала осведомителей среди окрестных жителей. Зеленщик на углу, приказчик в аптеке, разносчик газет, домашняя хозяйка или парень, наливающий пиво в баре, вполне могут быть агентами Г-2 — сыскной службы.

¹ «Дихеполь» — политическая полиция. По решению нынешнего правительства Венесуэлы распущена. — Прим. ред.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА:

«Благодаря решительному и стойкому сопротивлению диктаторам нам удалось добиться освобождения тысяч наших товарищей, заключенных в тюрьмы, легализации коммунистической партии, — так сказал Генеральный секретарь Коммунистической партии Венесуэлы товарищ Хесус Фариа, выступая на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве. Слова эти имеют прямое отношение к тому эпизоду борьбы венесуэльских коммунистов, о котором пойдет речь ниже.

Страницы дневника, с которыми вы познакомитесь, написаны членом Политбюро ЦК КПВ товарищем Гильермо Гарсиа Понсе. Он, как и тысячи патриотов, среди которых находились 9 депутатов-коммунистов, был брошен в тюрьму. Особо жестокие репрессии обрушились на коммунистов после того, как диктатор Бетанкур поставил в 1962 году Компартию Венесуэлы вне закона. Но и они не сломили стойкости борцов. В 1967 году мир облетела весть о том, что трое руководящих деятелей компартии — Помпейо Маркес, Гильермо Гарсиа Понсе и Теодоро Петков — совершили побег из военной крепости Сан-Карлос.

Венесуэльские товарищи передали мне этот дневник.

Валерий ВОЛКОВ, соб. корр. «Комсомольской правды»
в странах Латинской Америки

Любой подозрительный слухок, каждый сомнительный человек, появляющийся в окрестностях, — все это моментально становится известно секретной службе.

18 октября. Сегодня утром в нашу камеру вламываются солдаты. К этим обыскам — ищут оружие и «средства для побега» — мы уже привыкли. Гремят железные решетчатые двери, солдаты обшаривают каждый уголок. Придирчиво ощупывают все: одежду, матрацы, ботинки, личные вещи, пол, стены, потолок.

23 октября. Наши камеры находятся в так называемой «Дымной пещере»; раньше здесь помещалась гарнизонная гауптвахта. Это каменный мешок, куда не пробиваются лучи солнца.

В «Дымной пещере» — три камеры. В первой из них — Густаво и Эдуардо Мачадо, Хесус Вильявисенсио и я. В центральной — Хесус Мария Касал и Хосе Саласар Хименес. И наконец, в последней — Хесус Фариа.

28 октября. Сложная система часовых, сторожевых вышек, решеток, броневиков, цензуры, обысков служит только для одной цели: подавить, сломить волю политических заключенных, показать безнадёжность их положения, их борьбы. В Венесуэле много тюрем. Но своих главных врагов тюремщики предпочитают держать в неприступной крепости Сан-Карлос, в самом центре Каракаса.

29 октября. Прежде чем заключенных привозят в Сан-Карлос, большинство из них проходит через застенки СИФА, в так называемом «Белом доме», напротив президентского дворца «Мирафлорес».

Каждый раз, когда полиция пытается вырвать у заключенного признание, его ведут в специальную камеру «Ла-Кава». Она закрывается герметической дверью, оттуда не слышны крики жертв. В СИФА работают специалисты по

пыткам: они хорошо знают, куда и как нужно бить, чтобы вырвать признание. Обычно арестованного сажают на специальный стул, раздевают догола и, заломив руки за спину, приступают к делу. Побой идут иногда несколько дней и ночей подряд до тех пор, пока заключенный не «запоет».

После «Ла-Кавы» заключенного отправляют в тюрьму либо передают в трибунал, который выносит приговор. Обычно это расстрел. Осужденного бросают в кузов автомобиля и везут на какое-нибудь удаленное от населенных пунктов шоссе. Его убивают пулеметной очередью на дороге или увозят в «партизанскую зону», где он будет занесен в списки убитых при стычке с группой «бандитов» — так армия официально именует партизан.

7 декабря. Получил записку от Альберто Ловера. Это закатанная в фильтр сигареты маленькая бумажка. Он спрашивает, что я думаю о возможности побега. Я ответил, что единственная возможность убежать отсюда — это со оружием туннеля.

16 января 1964 года. Вчера в доме журналиста Элесара Диаса Ранхеля арестовали Помпейо Маркеса. Взяли также детей Помпейо — Таню и Ивана.

25 января. Нам разрешили выходить во дворик сектора Ф-2 под охраной офицера с 10 до 12 утра. Уже на другой день мы наладили контакт с Помпейо и Элесаром.

1 февраля. Идея побега под землей не оригинальна. На полу одной из камер сектора Ф-2 еще свежи следы неудавшейся попытки подкопа. Пытаться вырыть туннель из самой камеры — безумство. Как

¹ СИФА — жандармская охранка, созданная диктатором Бетанкуром. — Прим. ред.

можно спрятать вход от обысков? Охранники постоянно держат в поле зрения все камеры. Остается один выход: рыть туннель извне, от соседнего с крепостью дома к ближней камере, где находится Помпейо Маркес. Мне же надо постараться найти предлог, чтобы меня перевели в его сектор.

1 марта. Получили записку от Карлоса Самора, который после ареста Помпейо Маркеса занял пост генерального секретаря компартии. Руководителем подготовки нашего побега Секретариат назначил Альберто Ловера.

5 марта. Альберто Ловера сообщает нам, что главным исполнителем операции выбран Нехемет Чагин Симон, сириец-эмигрант, живущий в Венесуэле с 1958 года. Симон, как его называют товарищи, — бывший член Союза коммунистической молодежи Сирии, ныне член Компартии Венесуэлы.

12 марта. Симон сообщил своим товарищам в Сан-Хуане, где он исполнял обязанности казначея районной партиячейки, что на время оставляет политическую борьбу, чтобы заняться своими личными торговыми делами. Товарищи думают, что он струсил из-за усилившихся репрессий против партии, и, вероятно, презирают его...

7 июня. Симон арендовал старый бар на углу между улицами Хабонерия и Амакуро, как раз, где нам нужно. Он собирается открыть там небольшую лавочку.

15 июня. Вчера открыла свои двери лавка «Абастос Сан-Симон». После строгого допроса и обыска в лавке Симону выдали право на владение помещением и пропуск в «военную зону», а также разрешение пользоваться стоянкой для автомашин позади крепости.

17 июня. Вчера вечером в тюрьму привезли Теодоро Петкова и поместили в одной из камер «Дымной пещеры». Он был задержан два дня назад, когда ехал по дороге Боконо — Трухильо. Его выдал агент СИФА по кличке Тонино, пробравшийся в партизанское движение.

Петков прославился в свое время тем, что совершил один из самых сенсационных побегов. Он сидел в крепости Сан-Карлос и добился того, чтобы его перевели в госпиталь, симулируя тяжелую болезнь. Это было не так-то легко: он счи-

тался одним из самых опасных заключенных.

Теодоро спустился по сорокаметровой веревке с седьмого этажа в сад и исчез. До сегодняшнего дня Теодоро находился на свободе...

3 августа. «Почта» сообщает, что Симону нужно время для того, чтобы войти в доверие к соседям. Работы по сооружению туннеля сразу начинать нельзя. Нужно несколько недель для того, чтобы шпионская сеть и местные районные осведомители могли убедиться в лояльности Симона. Лавка начинает работать в 6.30 утра и закрывается в 8 вечера. Охранники крепости пользуются небольшими привилегиями: Симон отпускает им товары в кредит и по сниженным ценам. Солдаты часто заходят к нему, чтобы выпить бутылочку кокаколы, купить сигарет или просто поболтать. Симон отвел для солдат специальное помещение, где они в дни увольнения могут переодеться в штатскую одежду, дает им деньги взаймы, а в холодные вечера, когда они несут караульную службу, выносит иногда по глоточку рома.

29 декабря. Симон арендовал небольшое помещение рядом с лавкой. Там он оборудовал гараж и склад. В двери гаража свободно входит грузовичок, который потом будет вывозить землю из туннеля. У Симона сложились хорошие отношения с офицерами Сан-Карлоса и с соседями. Он уже свободно проходит на территорию крепости, солдаты к нему прекрасно относятся. По его мнению, вход в туннель должен быть в одном из углов гаража. Те, кто будет рыть туннель, должны тайно проникнуть в гараж, чтобы охрана крепости не могла ничего заподозрить. Они должны спать в гараже, там же питаться и никуда не выходить. Каждые 15 дней им будет даваться однодневный отдых.

31 декабря 1964 года. Единственной радостью накануне Нового года — это то, что в январе начнут рыть туннель.

8 января 1965 года. Секретариат компартии поручает организацию постройки туннеля товарищу Хосе Филипе.

10 января. Создана группа по сооружению туннеля под руководством Хосе Филипе. В нее входят Симон, который обеспечит легальную сторону

всего «предприятия», Карлос — «ответственный землекоп», Ибрагим, член Коммунистического союза молодежи, который будет помогать Симону.

4 февраля. Карлос с помощью зубила начал пробивать гранитный пол гаража. Рядом Симон и Ибрагим отпускают товары клиентам лавки. Они всячески стараются заглушить шум. Удары молотка не слышны из-за включенного на полную громкость радиоприемника.

Карлосу нужно сделать квадратное отверстие со сторонами в 65 сантиметров, меньше никак нельзя. Одновременно необходимо изготовить такой же квадрат из того же самого гранита, чтобы можно было надежно маскировать вход в туннель во время постоянных обысков.

21 февраля. Вход в туннель сделан. На это ушло 15 дней. Работа просто ювелирная. Хосе Филипе, который лично все проверил, говорит, что с первого взгляда обнаружить отверстие нельзя. Специальная антиакустическая прокладка выдержит любое простукивание.

13 апреля. Начальный колодец сделан, вывезено 80 мешков с землей.

Карлос проникает в лавку всегда одним и тем же способом: он ложится на дно кузова грузовичка, и Симон закрывает его ящиками с помидорами и огурцами. Таким образом, ни соседи, ни часовые ничего не замечают.

27 апреля. Землю, которую Карлос достает из колодца, сыпают в специальные мешки, обшитые внутри полиэтиленом, чтобы не оставлять по дороге следов пыли. Они хранятся в подземелье до тех пор, пока Симон не переносит их в кузов грузовика. Каждый день он выезжает из гаража на грузовичке, нагруженном пустыми ящиками, якобы для того, чтобы пополнить запас товаров. Землю высыпают в 20—30 километрах от Сан-Карлоса по дороге, ведущей в Хункито, или на старом шоссе Каракас — Гуайра.

2 мая. Работа продвигается очень медленно. Самое трудное — это доставлять землю наверх. Каждый мешок весит 50—60 килограммов. Надо наполнить его доверху, дотащить до входа, поднять в гараж и незаметно уложить в кузов грузовика.

17 мая. Длина туннеля увеличивается, и жара там, внутри, становится почти невыносимой. Нам сообщили, что Карлос в последнее время чувствует себя скверно. Запах влажной земли, недостаток кислорода вызывают приступы кашля, пот покрывает тело, заливаются глаза. После часа работы начинается ломить мышцы. Случается, что Карлос падает в обморок.

24 мая. Нас очень беспокоит состояние здоровья Карлоса. Отныне ему разрешено работать в туннеле без перерыва не больше часа. Затем он поднимается наверх, отдыхает и в течение 20 минут дышит свежим воздухом. Но если в лавке находится кто-то посторонний, он вынужден часами лежать внутри почти герметически закрытого подземелья.

Симон изобрел систему предупреждения, которой они успешно пользуются. Это несколько лампочек, которые поочередно загораются, сообщая ситуацию наверху. Красная означает, что выходить опасно. Иногда она горит два или три часа; после этого Карлос вылезает еле живой. Симону не раз приходилось вытаскивать его оттуда и приводить в чувство.

27 мая. Здоровье Карлоса продолжает ухудшаться. Наверху и внизу он должен быть предельно осторожным и не производить никакого шума. Часовые постоянно наблюдают за лавкой. Нельзя громко кашлять, разговаривать. Он должен ждать часа, когда закрывается лавка. Только тогда Симон приносит ему из близлежащего ресторанчика обед.

Туннель имеет 80 сантиметров в ширину и 1 метр 20 сантиметров в высоту. Работать приходится на коленях: долбить землю киркой или тяжелым ломом.

3 июня. Кажется, Карлос не сможет больше продолжать работу. Он все время кашляет, у него сильные боли в голове и пояснице. За последние несколько недель он похудел на 14 килограммов.

8 июня. Строительство туннеля остановилось. Хосе Филиппе ищет товарища, который мог бы помогать Карлосу. Это должен быть сильный, молодой, а главное — преданный нам человек.

27 июня. Сегодня утром ровно в 10 часов напротив лавки остановилась полицейская машина. Ибрагим, отпускаяший товар клиентам, видел эту машину, но не обратил на нее особенного внимания. Полицейские «пикапы», принадлежащие СИФА, «Джеполю» или уголовной полиции, очень часто останавливаются здесь. Он даже не удивился, когда они вошли в лавку и предъявили полицейские жетоны. Один из них спросил, где Нехемет Чагин Симон.

Это было совершенно неожиданно. Когда сириец вышел из гаража, они приказали ему идти к машине и, втолкнув его внутрь, уехали.

28 июня. Несмотря на случившееся, Хосе Филиппе приказал торговлю в лавке не прекращать, но туннель временно оставить. Никто не знает, почему арестован Симон, но думаю, что это конец...

5 июля. Никаких известий от Симона.

7 июля. Мы работаем над другим планом. Тщательно записываем все, что касается часовых и наружной охраны. Однако без вооруженной поддержки извне убежать нельзя.

12 июля. Врач настаивает, чтобы Карлосу дали отдых. Хосе Филиппе продолжает искать ему замену. Симон находится в полиции, но в лавке до сих пор не было обыска, что нас очень радует. Три дня назад опытный адвокат поехал в полицию, чтобы выяснить причину ареста Симона.

15 июля. Сегодня был особенно тщательный осмотр в «Дымной пещере», секторах Ф-1 и Ф-2. Обыск производили люди хорошо обученные и с большим опытом. Иногда нам кажется, что они, будто волшебники, угадывают самые потайные места.

19 августа. Наконец-то долгожданное известие: Симона отпустили. «Операция туннель» продолжается! Хосе Филиппе нашел надежного человека. Его зовут Нельсон Рамон, Лопес, он член Центрального совета Союза коммунистической молодежи. Только что вышел из тюрьмы «Маракайбо».

26 августа. Что же случилось с Симонем? В прошлом месяце один из офицеров крепости предложил ему купить автомобиль. Позже выяснилось, что автомобиль был краденым. Симон клялся в полиции, что ничего не знал об этом. Короче говоря, никакой связи с политикой. Симон шутит:

— Ни за что в жизни не буду больше торговать с армией!

1 сентября. Наша «почта» работает прекрасно, несмотря на все обыски, цензуру и пристальное внимание часовых. Мы имеем постоянный контакт с Политбюро, поддерживаем связь с товарищами, заключенными в концлагере на острове Такаригуа, в «Модело» и тюрьме «Маракайбо».

25 октября. Нашим планам нанесен тяжелый удар. 22 октября в печати появилось сообщение об аресте Альберто Ловеры.

Политбюро компартии поручило ему руководить осуществлением нашего побега. Теперь руководство операцией взял в свои руки Карлос Самора.

30 октября. С первых чисел октября и по-сегодняшний день полиция продолжает массовые аресты. За это время задержано 2500 человек.

10 ноября. Симон и Ибрагим пользуются каждой возможностью, чтобы определить направление туннеля. От входа в гараж до кромки тротуара — 6 метров 20 сантиметров. Этот отрезок уже пройден. Оттуда туннель должен повернуть к стене сектора Ф-2, где находятся наши камеры, — как раз к сторожевой вышке. Нужно измерить длину туннеля — от улицы до самой камеры.

Первые замеры были сделаны во время дождя, когда солдаты попрыгали в сторожевых вышках, а часовые, которые всегда стояли напротив лавки, ушли под навес. Симон привязал нитку к деревяшке и бросил ее в поток воды. Ибрагим встал на том самом месте, где туннель должен был повернуть и, как только деревяшка доплыла до него, подал сигнал Симону. Тот быстро вытащил нитку обратно. Получилось 28 метров.

Теперь остается измерить расстояние до стены крепости.

...Был обыкновенный воскресный день. Симон вместе с соседскими мальчишками затеял игру в футбол. Для солдат это было тоже развлечением. Привязав к руке тонкую ниточку, Симон направился к стене. Едва он коснулся ее, как Ибрагим обрезал нитку. Длина ее оказалась 12 метров. Итак, длина туннеля 46 метров 20 сантиметров. Внешне он будет похож на букву «Z».

16 декабря. Нельсон поистине неутомим. Он начинает работать в 7 часов утра и продвигается каждый день на 70 сантиметров.

17 декабря. Хосе Филиппе подтверждает, что к концу декабря все будет готово! Карлос Самора просит еще раз продумать дату побега и желает удачи. Кажется, что целью его жизни стало «издание книги», что на нашем языке означает сооружение туннеля.

Ну и счастливый же будет у нас Новый год!

19 декабря. Сегодня мы получили трагическое известие о расстреле товарища Донато Кармона. Его задержали 9 сентября в Каракасе агенты СИФА и перевели в концентрационный лагерь Качипо, где подвергли допросам и изощренным пыткам.

1 ноября его вывезли из лагеря вместе с Сесаром Бургильосом, Онтавио Ромеро, а также другими товарищами, личность которых не удалось установить. Под усиленной охраной военной полиции их повезли по дороге в Каньо-Крус. По прибытии на место арестованным приказали рыть себе могилы. Сесар Бургильос и Донато Кармона отказались. Кармона, обращаясь к лейтенанту Сармьенто, сказал: «Мою могилу пусть роют те, кто меня убивает».

Донато Кармона — старый профсоюзный лидер. Когда его расстреляли, ему было 58 лет. По профессии каменщик, он с 1936 года участвовал в профсоюзной борьбе. Около 30 лет был членом Компартии Венесуэлы и членом ее Центрального Комитета, играл выдающуюся роль в подпольной борьбе против режима Бетанкура. Его связывали с нами тесные узы дружбы и товарищества. Очень многим из нас он помог найти тайные убежища в период правления Переса Хименеса. Он был простым тружеником и преданным коммунистом.

21 декабря. Новое обстоятельство остановило работу в туннеле. Два дня назад судебный исполнитель наложил эмбарго на все имущество в лавке Симона, который вовремя не заплатил за аренду помещения.

Мы понимаем, что в партийной кассе очень мало денег, и ждем, что будет предпринято.

27 декабря. Наконец товарищи достали нужную сумму, и Симон возобновил контракт с хозяином помещения. Работа в туннеле продолжается. Побег придется перенести. Подождем до февраля. Еще один Новый год встретим в камере.

29 декабря 1965 года. Хосе Филипе, Нельсон и Симон, кажется, подготовили нам сюрприз к Новому году. Осталось пройти еще 25 метров. Похоже, что к концу января мы будем на свободе!

3 января 1966 года. Нельсон выбрался наверх, чтобы поест. Было 11.45 утра. Его ждал Симон.

— Смотри-ка, это я вижу здесь впервые.

Через приоткрытую дверь гаража были видны четверо солдат, простукивающих асфальтовое покрытие улицы тяжелым деревянным брусом. К одиннадцати часам охрана крепости была удвоена. Напротив лавки остановилась полицейская машина, из которой выпрыгивали солдаты.

— Надо уничтожить все следы, — сказал Симон Нельсону. — Я пойду посмотрю, что там происходит.

Симон пошел в лавку, а Нельсон и новый помощник Макс стали тщательно закрывать вход в туннель и мыть пол.

Напряжение на улице не спало. Соседи, привыкшие не удивляться обыскам, догадывались, что сегодня происходит что-то необычное. На сторожевых вышках, где обычно стояло по одному часовому, теперь торчало по нескольку касок. Каждые пять минут по улицам проходили вооруженные патрули.

Возвратился взволнованный Симон: «Солдаты говорят, что обнаружили какой-то туннель и что сейчас начнут повальный обыск. Видимо, делу конец».

— Давай подождем немного, а потом мы с Максом уйдем, — предлагает Нельсон.

В лавку входит соседка и сообщает, что полиция начала обыски в ближайших домах. Квартал занят войсками. Никому не разрешают ни входить, ни выходить.

В 10.10 группа военных входит в лавку Симона. Часть солдат сразу проходит в гараж, другие осматривают помещение лавки. Они начинают простукивать каждый квадратный метр пола.

Симон как ни в чем не было предлагает солдатам прохладительные напитки. Нельсон стоит у бара с бутылкой кока-колы в руке, а Макс печатает что-то на машинке.

В 19.50 Нельсон выходит из лавки и идет по улице Амакуро. Его останавливает солдат и требует удостоверение личности.

Нельсон спокойно протягивает документ.

В 20.30 солдаты возвращаются в казармы.

4 января. В нашем секторе тоже был тщательный обыск. Сначала в 9 часов утра. Искали не бумаги, не оружие — искали туннель.

Особенно тщательно осматривали камеру Теодоро Петкова и мою. Простукивали каждый сантиметр, изучали каждую трещину. Затем опять вернулись в час дня. На этот раз с ними был заместитель начальника крепости. Вся процедура осмотра повторилась с начала до конца.

В 18.30 — новый обыск. Нам стало ясно, что у полиции есть какие-то сведения и они их проверяют.

5 января. Сегодня целый день продолжались обыски. Солдаты переворачивали кровати, стулья, простукивали пол, стены, потолок, прикладывали ухо к полу, пытались различить подозрительный шум.

13 января. Постоянные обыски и аресты подтверждают предположение, что полиция знает о туннеле и ищет его. Необходимо проверить все звенья нашей работы. Посмотреть, не совершили ли мы какой-нибудь ошибки, и отложить работу до тех пор, пока не прекратятся обыски.

14 января. Лавка Симона открыта и продолжает нормально работать. Но Нельсон и Макс пока не спускаются в туннель. Симон предполагает, что СИФА хочет поймать их в ловушку.

28 января. Товарищи нам сообщают, что в тюрьме «Модело» и на острове Такаригуа тоже повальные обыски. Ищут туннель. Это приятная новость. Это значит, что точных данных о туннеле у СИФА нет.

3 февраля. Симон устроил в своей лавке небольшой праздник, чтобы прозондировать почву. На вечеринку приглашены офицеры крепости. Ром, виски, ликер лились рекой. Капитан Рада сидел точно над входом в туннель. «Прием» прошел на славу. На следующей неделе работы возобновятся.

17 февраля. У Нельсона новый помощник. Он каменщик и старый член партии. Туннель медленно, но верно продвигается вперед.

20 февраля. У нас установилась надежная «телефонная» связь с сектором Ф-1: мы используем небольшую трубу для стока воды. Она «работает» каждый вечер с 7 до 8.

1 апреля. Почти ничего не ем для того, чтобы похудеть. Туннель будет очень тесным. Когда я прибыл сюда, то весил 92 килограмма. Сейчас во мне 70. Не зря, конечно, Хосе Филипе рекомендует нам делать зарядку и тренироваться, ползая по-пластунски. Но это мы не можем себе позволить. Что бы подумали охранники, если бы увидели нас ползающими по полу!

16 апреля. Получили «почтовку» о том, что строительство туннеля подходит к концу, осталось всего несколько метров. Все будет закончено через

неделю. Начинается последний этап.

18 апреля. Туннель будет прорыт к камере, где сидит Теодоро Петков и я.

25 апреля. Нельсон говорит, что последние метры земли почему-то теплые и он слышит много шума.

26 апреля. Нам сообщили, что туннель дошел до нашей камеры, но мы не слышим никакого шума, и нас это очень волнует.

3 мая. Предлагаем Хосе Филипе обменяться сигналами — ударами в пол. Назначаем время: завтра в 2 часа дня. Мы должны три раза быстро ударить по полу, и он должен так же ответить.

4 мая. Подаем сигналы. Ответа нет.

7 мая. Снова пытались обменяться сигналами. Результатов — никаких.

8 мая. Помпейо вчера стучал под любым предлогом об пол, стараясь, чтобы шум дошел до Нельсона. Вчера и позавчера он подметал и мыл пол, со страшным стуком роняя ведро, передвигал с грохотом кровать. Ничего!

12 мая. Нельсон настаивает, что он находится под нашей камерой. Почему же в таком случае мы не слышим друг друга? Попробуем на следующей неделе повторить сигналы.

17 мая. Где же находятся наши товарищи? Мы ничего не слышим.

22 мая. Собравшись, мы обсудили положение. Есть два варианта:

1. Туннель отклонился и пошел к кухне гарнизона Сан-Карлоса, Поэтому там теплая земля.

2. Сделали неправильные замеры, и туннель еще не дошел до крепости. Улица очень солнечная, и земля там прогревается хорошо.

27 мая. Симон и Нельсон начали проверять все сначала, отыскивая ошибку. В воскресенье Нельсон спустился в туннель, а Симон вышел на улицу и, пользуясь расположением солдат, опять начал играть с мальчишками в футбол. Там, где должны были быть «ворота», Симон набросал тяжелых камней. Внизу Нельсон внимательно прислушивался к звукам. На третий или четвертый раз Нельсон услышал удар

Симона. Второе предположение оказалось верным. Туннель дошел только до середины улицы!

1 июня. Целую неделю Нельсон со стариком каменщиком заделывали потолок туннеля, чтобы под тяжестью машин, двигающихся по улице, туннель не рухнул.

20 июня. Хосе Филипе решил пригласить специалиста-инженера, чтобы тот правильно рассчитал направление.

27 июня. Инженер осмотрел туннель и пришел к выводу, что из-за отсутствия точных расчетов и опыта Нельсон совершил грубую ошибку. Вместо задуманной буквы «Z» у него получилась «S».

6 июля. Нельсон снова начал копать, внося в планправки инженера.

7 августа. У Симона появился новый помощник, товарищ из Союза коммунистической молодежи. Его псевдоним Эктор. Макс вернулся к работе в своей организации, но не принимает участия в активных действиях. «Команда» лавки Симона имеет строгие инструкции не заниматься политической деятельностью, не поддерживать контактов с членами партии.

20 августа. Кажется, опять ошибка. Нельсон говорит, что он прошел фундамент крепостной стены и работает под полом сектора Ф-2. Мы в этом сильно сомневаемся. Ведь туннель находится на глубине всего 6 метров. А фундамент этой колониальной постройки заложен очень глубоко.

29 августа. Снова договорились обменяться сигналами. Каждое утро мы с Теодоро поднимаем тяжелые гири, которые нам принесли друзья, спортивные журналисты. Иногда мы «нечаянно» роняем их на пол. С разочарованием «читаем» ответ: нас не слышно. Теперь можно утверждать абсолютно точно: и на этот раз — ошибка.

5 сентября. Сегодня утром мы с удивлением услышали шум вблизи от нашего сектора. В 7 часов утра, когда нам принесли завтрак, мы узнали, что солдаты начали вскрывать пол в столовой охраны для ремонта. Отбойные молотки с гулом вгрызаются в бетонные плиты. Если туннель проходит под столовой, то все пропало.

9 сентября. Еще одно плохое

известие. У крепости между улицами Йойо и Пантеон солдаты начали рыть траншею. Лейтенант йепес, проходя мимо лавки, бросил: «Продолжают искать туннель».

10 сентября. Условились временно прекратить работы. Солдаты роют траншею далеко от туннеля, но лучше всего пождать.

15 сентября. На следующий день, после того, как Нельсон и старик прекратили работу и ушли из лавки, начались обыски.

1 октября. Нельсон сообщает, что он наткнулся на неожиданное препятствие, которое не позволяет продвигаться дальше. По нашим предположениям, это фундамент крепости Сан-Карлос. Наконец-то!

4 октября. «Почта» заработала с новой силой.

Нельсон пишет: «Книга попала в типографию. Работа по изданию продолжается».

Хосе Филипе: «Негр говорит, что книга поступила в типографию. Остальное он берет на себя. За «сигналом» я прослежу».

Мы: «Вы уверены? Смотрите не испортите гранки».

Хосе Филипе: «Нет, я абсолютно уверен. Книга в типографии».

Мы: «Успех! Издавать ее нужно постепенно. без спешки».

6 октября. Нас особенно беспокоит последняя фаза строительства туннеля. Фундамент крепости значительно осложнит всю работу. Старинные колониальные постройки отличаются удивительной твердостью. Испанцы замешивали известь на молоке. Пробить эту толщу не так-то легко. К тому же любой посторонний шум немедленно привлечет внимание часовых.

15 октября. Алонсо Паласиос сообщает нам из сектора Ф-1, что один из заключенных — Ноэль Айяла — слышит изпод пола какой-то странный звук. Это нас испугало. Наверное, товарищи опять ошиблись и начали пробивать каменную толщу в 6 метрах от нашей камеры.

16 октября. Айяла подтвердил, что он продолжает слышать этот шум.

3 ноября. Хосе Филипе снова пригласил инженера в туннель. По чертежу, сделанному Теодоро Петковым, уже не трудно установить, где находится Нельсон. Инженер установил, что снова допущена ошибка, и сказал, что нужно вернуться немного назад, а оттуда рыть еще 6 метров прямо до нашей камеры.

7 ноября. Сегодня ко мне подошел Густаво Вильяпаредес: «Товарищ, мы вступаем в год 50-летия Великой Октябрьской революции. Дай бог, чтобы мы вернули его на свободу...»

Я поблагодарил его взглядом, а про себя подумал: «Это вполне возможно, если Хосе Филипе, Нельсон и Симон справятся со своей задачей».

12 ноября. За два с половиной года прорыт 77-метровый туннель, товарищи вынули более 500 мешков, то есть около 25 тонн земли. Расходы, которые партия потратила на строительство этого туннеля и осуществление всей операции, уже составили около 200 000 боливаров.

20 ноября. Вчера мы впервые услышали приглушенные удары под полом нашей камеры. Сначала мы не могли понять, откуда они доносятся, и по очереди с Теодоро принакали ухом к полу. Для верности позвали Помпейю, чтобы он тоже послушал. Сомнения рассеялись — туннель находится под нами.

1 декабря. Последние дни отчетливо слышим, как Нельсон пробивает бетонную толщу под нашей камерой. Он специально использует ручную дрель, чтобы производить меньше шума. Но для нас, три года ждавших этого звука, ручная дрель кажется отбойным молотком.

2 декабря. Мы передали Хосе Филипе, чтобы Нельсон работал только в строго определенных часы: с 10 до 12 утра и с 3 до 5 вечера. В это время мы имеем возможность заглушать шум работающей дрели.

4 декабря. Нельсон попросил еще раз проверить правильность выхода. Для этого я сажусь на кровать и, напевая, будто механически ритмично ударяю каблуком в пол.

6 декабря. Вчера в лавке Симона снова был обыск. Нельсон спустился в туннель ровно в 10 утра. Через 10 минут загорелась красная лампочка. Си-

мон крикнул ему: «Лучше, если ты отсюда вылезешь. Они шарят повсюду, не пропускают ни одного человека».

Нельсон быстро выбрался наверх, закрыл вход, подмел в гараже.

— Ну как? — спрашивает он, завершив уборку.

— Слишком много солдат. Явился даже сам полковник Таманьо.

Нельсон быстро переоделся и хотел было выйти на улицу.

— Подожди, возьми лучше бутылку с кока-колой и сиди, будто ты один из клиентов.

Нельсон уселся за стойку. — Сейчас можешь выходить, — шепчет ему Симон.

В 10 метрах от лавки его останавливают и требуют документы. Нельсон спокойно протягивает удостоверение. Часовой начинает обыскивать его, выворачивает карманы, расстегивает пояс, проверяет рукава. Убедившись, что все в порядке, ему возвращают удостоверение и отпускают. На улице Амакуро — вновь знакомый крик: «Стой!» На этот раз только проверка документов.

9 декабря. Вчера мы начали обмениваться «приветствиями» с Нельсоном.

Он отстукивает нам: «Добрый день, товарищи!», пять быстрых ударов.

Теодоро с радостью отвечает ему пятью короткими ударами: «Удачи тебе, дорогой друг».

Закончив работу в 12, он прощается с нами до трех, а в 5 часов вечера мы желаем ему спокойной ночи. Мы хотели бы сказать очень многое Нельсону. С каждым днем мы все больше проникаемся любовью и уважением к этому человеку, которого никто из нас никогда в жизни не видел. Трудно даже себе представить, что ему приходится переносить, находясь около двух лет под землей, каторжным трудом и невероятным нервным напряжением добиваясь нашего спасения.

10 декабря. Мы договорились с Хосе Филипе об условных предупреждающих сигналах для Нельсона. Три быстрых удара — знак опасности. Четыре быстрых удара — путь свободен.

14 декабря. Стуки под нашей камерой становятся все более отчетливыми.

15 декабря. В Сан-Карлосе заключенные протестуют против плохой еды. Кто-то из сектора Ф-2 предлагает объявить голодовку. Возразить нечего: еда действительно отвратительная. Однако мы хорошо представляем себе последствия. Нас могут перевести на остров Такаригуа и тогда — прощай, туннель.

21 декабря. Сегодня утром мы здорово переполошились. В 9 часов утра сержант Колминарес начал обыск. Но ведь ровно в 10 часов Нельсон отстучит нам 5 заметных ударов!

Обыск очень тщательный, и охранники медленно приближаются к нашей камере. 9.35. Солдаты закончили осмотр камер и начали простукивать стены и пол. Неожиданно мы услышали пение «Интернационала». Это в секторе Ф-1 закончился обыск. 9.55. Солдаты все еще толпятся в камере. «Все в порядке, сержант», — невольно заискивая, пытаюсь я выпроводить Колминареса. Но он, видимо, не спешит.

Стрелка подошла к 10. Наконец сержант медленно встает и выходит, гулко хлопнув дверью. И тут же, почти синхронно, раздаются пять быстрых ударов: «Доброе утро!»

31 декабря 1966 года. Вот уже четвертый Новый год встречаем мы в камерах крепости Сан-Карлос. Для меня это уже пятый год заключения, включая тот, 1962-й, когда я находился в тюрьме Байка.

Эдуарде Мачадо подходит, чтобы поздравить меня с Новым годом, и я, обняв его, шепчу: «В этом году обязательно будем на свободе!»

3 января 1967 года. Нельсон сообщает, что туннель будет закончен к концу января.

5 января. Принято окончательное решение: побег 5 февраля. Этот день выбран не случайно. В воскресенье в Каракасе будет карнавал. В такие дни обычно не бывает обысков.

8 января. Побег должен быть совершен после 7 часов вечера. В 6 часов заканчивается уборка, принесят ужин, дежурный офицер приходит потом в наш сектор только в 8.30. А затем на следующий день в 6 часов утра.

9 января. Хосе Филипе передает, что весь транспорт, предназначенный для операции, будет готов к 5 февраля. Мы выедем из гаража Симона на две грузовичка, покрытые ящиками и картонками; в разных районах Каракаса пересядем в легковые машины, затем еще в одни, и только после этого нас развезут в безопасные места.

18 января. Получили «почтовку» от Карлоса Саморы. Он тоже с нетерпением ждет выхода в свет книги. Одновременно сообщает порядок, в

котором мы должны выходить: сначала Помпейю, затем я, замыкать цепочку будет Теодоро. Интересуется, все ли в порядке у нас с дыханием. Отвечает, что да.

25 января. Мы чувствуем, что Нельсон уже добрался до самого пола и только тонкий слой цемента отделяет нас от входа в подземелье. Мы видим, как подпрыгивают пылинки на полу, когда он начинает работать дрелью.

3 февраля. Вот уже два дня, как мы не слышим внизу никакого шума. Нельсон закончил основную работу, и мы осторожно, как дети, трогаем пол между койкой Теодоро и столиком. Звук глухой, как из пустой бочки. Не дай бог, если сейчас снова придут с обыском.

5 февраля 1967 года. Наступил долгожданный день!

В 8 часов утра Нельсон снова спускается в подземелье. Надо проверить все детали. «Осторожно, не шуми, — предупреждает его сириец. — Сегодня воскресенье, все очень тихо».

Нельсон недолго пробыл в туннеле, но все проверил очень тщательно. Деревянные крепления прочно подпирают свод, везде чисто. Он еще раз проверяет электропроводку и лампочки.

Мы, в свою очередь, готовимся к решающему шагу. Нервы напряжены до предела, но внешне каждый держится спокойно. Накануне побега Помпейю должен поговорить с Вильяпаредесом, а Теодоро — с Саесом Мерида. В это время, в 5.30, я буду во дворе. В 6.30 Теодоро зайдет в камеру. Затем войду я, и через пять минут — Помпейю. В 7 часов мы должны быть готовы.

В 9.30 утра Симон выходит из лавки. У него последнее совещание с Хосе Филипе. Они сверяют маршрут грузовика и места стоянок автомобилей, в которые мы должны потом пересесть. Хосе Филипе дает последние указания. Симон спокоен и решителен. В 10.30 он заходит в гараж и вместе с Эктором снимает заднее сиденье, чтобы в кузове поместились три человека.

— Где Нельсон? — спрашивает Симон.

— Он опять там, — кивает Эктор.

— А гидравлический домкрат?

— Уже внизу.

— Хорошо, я пойду в казино крепости посмотреть, что делают офицеры.

Симон стал уже своим человеком у охранников и спокойно входит на территорию крепости. Через полчаса он возвращается.

— Все в порядке. Они говорят о карнавале и ипподроме.

В 17.15 в нашу камеру входят разносчики ужина. Сержант Сильва Остос делает поверхностный осмотр. Он закрывает дверь до 8.30. В 17.30, согласно нашему плану, сообщаем обо всем Вильяпаредесу и Саесу Мерида. Вильяпаредес кладет мне руку на плечо и говорит: «Желаю успеха!» Видно, что старик очень взволнован. Его лицо приняло торжественное выражение, и глаза блестят. «Смотри, чтобы тебя не схватили, не делай глупостей там, на воле!» — советует он мне.

Затем по очереди прощаемся с Саесом Мерида.

6 часов 30 минут вечера.

В лавке Симон отдает последний приказ: «Все по ме-

стам». Заводит мотор грузовичка. Эктор еще раз осматривает кузов. На улице часовой, позевывая, топчется на своем месте. Нельсон спускается в туннель.

В тюрьме оживление: начался карнавал. Часовые gazeют на улицу.

Теодоро и я готовы. Помпейю, расстав все свои бумаги по карманам, прощается с товарищами.

18.55. Помпейю дает четыре быстрых удара в пол. Снизу слышим ответ. Через несколько минут опять удары: «Мы готовы, начали!»

Я чувствую, как пол зашевелился, и бетонная плита приподнялась. Внизу горит свет. Появляется взволнованное лицо Нельсона Лопеса. Шурысь, он смотрит на нас и спрашивает:

— Ну как, все в порядке? Тогда пошли!

Я спускаюсь в туннель, вижу, как впереди Нельсон ползет на коленях, тороплюсь за ним.

...Симон как ни в чем не было громко говорит:

— Ладно, на сегодня хватит. Закрывай лавку.

Автомобиль медленно трогается. Снова голос Симона:

— Поеду посмотрю на карнавал. Если рано вернусь, разопьем бутылочку.

— Хорошо, Симон, — отвечает ему кто-то.

Мы едем. Вдруг грузовик замедляет ход. Это, должно быть, пост. Затем опять набираем скорость, поворачиваем налево и удаляемся от Сан-Карлоса. Наконец слышу, как Теодоро восклицает: «Свершилось!»

КАНАТОХОДЦЫ С МАЛАИТЫ

(К первой странице обложки)

Шаг, еще шаг, быстрая пробежка по упругой веревке, и парень уже на борту корабля.

«Что привезли нынче? Соль? Отлично, давайте ящик».

И вот обратный путь с грузом — шаг, еще шаг, ноги медленно перебирают предательски раскачивающуюся веревку, свободная рука перехватывает веревочные «перила».

Вода — привычный пейзаж для жителей тихоокеанских островов. Ее здесь куда больше, чем суши. К ней не только привыкают, не только приспособли-

ваются к ее изобилию — на нее начинают смотреть как на продолжение земли.

К острову Малаита, что в архипелаге Соломоновых островов, подходит корабль, вмиг с земли перелетают на него сходни-веревки, и вот побежали уже по ним грузчики с корзинами кокосовых орехов и торговцы кораллами, добытыми здесь же, или просто добрые знакомые тех, кто прибыл из-за далекого горизонта.

Бывает, конечно, что и оступаются канатоходцы. Но случается это так редко, что становится событием, достойным специального снимка, на память.

«Слух для нас то же самое, что для вас зрение. Учите это!»

«Вы подозреваете, что у нас есть свои школы, университеты? Возможно, возможно...»

«Мы согласны учиться вашему языку. Быть может, не только языку. И может быть, не только учиться...»

**ОНИ МОГУТ ОДНОВРЕМЕННО
ГОВОРИТЬ, СВИСТЕТЬ И ШЕПТАТЬ.**

**СИМПОЗИУМ ДЕЛЬФИНОВ
АТЛАНТИКИ.**

**«КОГДА Я ИЗЛУЧАЮ ДЛИНУ ВОЛНЫ N,
ВОЗНИКАЕТ ОБРАЗ Z.»**

**РАСШИФРОВКА
НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА.**

**«ЭТО РЕПЕТИЦИЯ ВОЗМОЖНОЙ
ВСТРЕЧИ В КОСМОСЕ...»**

КУДА ПРИВЕДЕТ

До сих пор человек беседовал с животными только в сказках. Но сейчас, как известно, предпринимаются серьезные попытки сделать эту необычную ситуацию реальной. Речь, разумеется, идет о дельфинах.

Писалось и говорилось о них в последнее время много. Но как при раскопках дотопле неведомой цивилизации каждый снятый слой преобразует картину увиденного, так и здесь всякий сколь-нибудь значительный успех поворачивает проблему новыми неожиданными гранями. Об этом и шел разговор в «кают-компании» «Вокруг света», куда мы пригласили кандидата биологических наук В. М. Бельковича и доктора биологических наук А. В. Яблокова — ученых, занимающихся изучением дельфинов.

Разговор начал А. В. Яблоков.

«Наше мышление настолько своеобразно, что для вас мы существа как бы с другой планеты. Но вы еще нас поймете, надеюсь!»

НЕВЕДОМАЯ ДОРОГА?

ЯБЛОКОВ. Условимся прежде всего вот о чем: те выводы, с которыми мы хотим вас познакомиться, — это, как правило, даже не первое приближение к истине, а лишь поиск такого приближения. Рядом со мной сидит мой коллега Белькович. Мы работаем в одной лаборатории, работаем над одним и тем же, работаем дружно, и тем не менее наши взгляды на природу дельфинов порой весьма расходятся по самым существенным пунктам. настолько неясна проблема!

Особенно это относится к оценке их умственных способностей. Однажды в лабораторию, где на столах находились банки с заспиртованными мозгами дельфинов, зашел один крупный специалист по высшей нервной деятельности. Его спросили: «Что находится в банках?» И он не задумываясь ответил: «Человеческий мозг!»

В этой ошибке нет ничего удивительного. У дельфина огромный и развитый мозг (я говорю не о всех видах дельфинов, а лишь о таких, например, как афалина, косатка и белобочка). И по объему, и по сложности строения, и по внешнему виду он чрезвычайно похож на человеческий. Объем информации, которую он перерабатывает, должно быть, колоссален. В этом дельфиний мозг тоже близок к человеческому. И уже одно это заставляет нас предполагать в дельфине незаурядный интеллект.

ЖУРНАЛИСТ. Энгельс писал: «Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: индукция, дедукция, следовательно, также абстрагирование..., анализ незнакомых предметов..., синтез... и, в качестве соединения обоих, эксперимент... По типу все эти методы — стало быть, все призна-

ваемые обычной логикой средства научного исследования — совершенно одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени (по развитию соответствующего метода) они различны... Наоборот, диалектическое мышление — именно потому, что оно имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий, — возможно только для человека...» Означает ли усилившийся интерес к дельфинам, что у них перечисленные качества заметно повышены по сравнению с другими животными и что, следовательно, возможно установление какого-то особого типа взаимопонимания между ними и людьми?

БЕЛЬКОВИЧ. Тут есть одно серьезнейшее различие, которое невероятно затрудняет подход к дельфину. Сам человек и все те высшие животные, которых он до сих пор изучал — обезьяны, собаки, лошади и так далее, — живут в воздушной среде. Дельфин — в водной. Поэтому и образ его жизни и работа мышления коренным образом отличаются от всего, с чем нам приходилось сталкиваться в исследованиях. Процентом девяносто всей информации о внешнем мире человек получает через зрение. На слух падает лишь девять процентов информации, а на обоняние и осязание — всего лишь один. У дельфинов все иначе! На первом месте у них, судя по всему, стоит кожное чувство. Они «видят» кожей в такой же мере, в какой мы видим глазами. Мы даже не можем представить, какой тут перед ними открывается мир. У нас даже нет аналогий! Для нас вода — просто вода, холодная или теплая, грязная или мутная, а он различает в ней тысячи оттенков, переходов, «неровностей», «шероховатостей», «выпуклостей», невесть что еще, чему у нас в языке и соответствия-то нет. Накладывает ли эта особенность свой отпечаток на характер мышления дельфина? Несомненно.

Зрение и слух у дельфинов развиты примерно в одинаковой мере и тоже развиты прекрасно.

ЖУРНАЛИСТ. Но ведь есть и другое мнение? Дж. Лилли — известный американский исследователь дельфинов — считает, например, что слух играет в жизни дельфинов несравненно большую роль, чем зрение. Вот что он пишет в своей последней книге «Мир дельфинов»:

«В нашем, так сказать, «зрительном общении» мы сильно зависим от зрения. Мы очень внимательно следим за лицом человека, с которым говорим. Следим за жестами, движениями — иначе говоря, за внешним обликом.

Но если мы окажемся под водой и будем (подобно дельфину) смотреть друг на друга посредством звуколокатора — сонара, что мы увидим?

Кожа, мышцы, жировая ткань, по сути дела, прозрачны для распространяющихся в воде звуковых волн. Только кости и содержащие воздух полости внутри тела отразят звук. Следовательно, мы смутно увидим контуры тела и довольно ясно кости и зубы; всего четче будут выделяться наполненные газом пустоты — части кишечника, воздушные пазухи в голове, полость рта, гортань, трахея, бронхи, легкие, всякие пузырьки воздуха внутри тела или на теле. Вообразите, как неловко почувствует себя привыкший к условиям человека, видя, что делается в желудке и легких собеседника...

Так что при дельфиньем образе жизни выражение лица нам мало бы что дало. Вместо этого мы, вероятно, пытались бы передать свои чувства при помощи воздушных мешков в голове. По движению пузырьков воздуха всякий знал бы, когда

вы сердитесь или когда вас мутит. Было бы очень просто определить ваши подлинные чувства.

Следовательно, мы можем предположить, что в мышлении дельфинов, а значит и в их речи, акустические образы играют такую же ведущую роль, как у нас зрительные. Например, понятие, которое в их языке соответствует нашему глаголу «смотреть», если, пренебрегая стилем, перевести его на наш научный язык, будет, вероятно, выглядеть так: «Когда я излучаю длину волны N, возникает образ Z. Когда я перехожу на длину волны M, образ меняется на X». Наверное, в сознании дельфина этому выражению есть емкий эквивалент.

А так как у нас нет встроенного в организм источника света, который бы позволял видеть предметы в темноте, подобно тому как их «видит» дельфин посредством сонара, у нас отсутствуют и подходящие понятия, чтобы выразить то же самое просто и ясно. Приходится подыскивать зрительные аналогии и приспособлять свое мышление к миру объектов и звуковых отражений, окружающему дельфинов. Трудно даже вообразить, как сложно будет нам из-за этого понимать дельфинов, а дельфина — нас.

БЕЛЬКОВИЧ. Конечно, в водной среде зрение не должно играть ведущей роли. Даже в прозрачной воде оно обеспечивает видение на десятки метров, тогда как слух и звукокация, которой вооружен дельфин, позволяют ему «разглядывать» косяки рыб и препятствия, удаленные едва ли не на километры. Но это не значит, что у дельфинов плохое зрение. Если подходить чисто арифметически, то получается такая картина: от поверхности кожи к мозгу одного из исследованных дельфинов тянулись 156 тысяч «нервных проводов» — нейронов. Зрение было подключено к мозгу с помощью 114 тысяч аналогичных «контактов», а слух — с помощью 112 тысяч. А густота нервной проводки, подключенной к тому или иному из органов чувств, — важное, хотя и не окончательное свидетельство степени их развития.

ЯБЛОКОВ. К этому надо добавить, что у дельфинов, судя по некоторым данным, чрезвычайно развито обоняние. Известно, что они выгускают в воду огромное количество разнообразных выделений специальных желез. Какова их роль? Может быть, посредством этих выделений они оставляют в слоях воды некие сигнальные метки, так сказать, «пишут химическими чернилами»? Что тут происходит, совершенно неясно. У животных вообще широко развит «химический язык», но тут мы слепы, как кроты, потому что с обонянием у нас — хуже некуда. Здесь нам пока что не поможет даже аппаратура, ибо только сейчас стали появляться приборы, которые чуть лучше нашего носа улавливают некоторые запахи. Вот и судите, возможен сейчас или нет полноценный контакт с дельфинами в этой среде, которая для них, очевидно, важнейшая и в которой мы «неграмотны».

Предположим на мгновение, что интеллект дельфинов равноценен нашему. Но равноценный не значит одинаковый! Он не может быть одинаковым, потому что образ жизни иной, среда иная, восприятие внешнего мира тоже иное. Значит, и понятия иные. Точек соприкосновения может оказаться чересчур мало! Образ жизни, резко отличный от нашего собственного, должен сформировать очень непохожий тип сознания.

ЖУРНАЛИСТ. Иначе говоря, для нас дельфин — это высокообразованное существо как бы с другой планеты...

ЯБЛОКОВ. Пожалуй, такая аналогия уместна.

БЕЛЬКОВИЧ. Мне лично кажется, что один из основных путей изучения мышления дельфинов — это осознание особенностей их стайного образа жизни. Пока все говорит о том, что, исследуя образ жизни дельфинов, мы столкнулись с явлением, раньше нигде не встречавшимся, — с социальной стаей.

ЖУРНАЛИСТ. Зачатки социального отмечены в муравьиных сообществах...

БЕЛЬКОВИЧ. Это не тот случай! Поведение муравьев жестко запрограммировано, инстинктивно; все «социальное» в их сообществе — это застывший стереотип. Скорей уж следует сравнивать социальные зачатки, присущие стадам человекообразных обезьян. Но и это не совсем то. Структура дельфиных стай чрезвычайно сложна. Приведу такой пример. Описан случай, когда несколько десятков тысяч дельфинов одного вида вдруг сосредоточились на «пяточке» в 20—30 квадратных километров. Что такое несколько десятков тысяч дельфинов? Это половина дельфиного населения такого океана, как Индийский или Атлантический! И все собралось в одно место... Зачем?! Почему?! Уж, во всяком случае, не для «совместной трапезы», потому что, сколько бы там ни было пищи, такое собрание дельфинов уничтожило бы ее в мгновение ока... Так что же их побудило собраться в эту сверхстаю? Гадать сейчас совершенно бесполезно. Мы мало знаем о том, как дельфины живут на свободе. Мы все еще гости в океане. С одной стороны, человек в последние годы как бы приблизился к океану. Акваланги, подводные дома, многочисленные океанографические экспедиции... А с другой стороны, человек, как это ни парадоксально, отгородился от океана. Что я имею в виду?

Раньше, в эпоху парусных судов, лишь немногие ученые бороздили океан. Зато в те времена корабли не вступали в обитателей океана так, как они их вслугивают сейчас. Ведь плыть на теплоходе или пароходе — это почти то же самое, что вломиться в джунгли на тракторе. Возникает противоречие: мы хотим наблюдать животных в естественной обстановке, а современное судно исключает эту возможность. Поэтому ученые с чрезвычайным интересом относятся сейчас к плаваниям под парусами и на плоту. Именно здесь человек оказывается наедине с океаном.

Но вернемся к дельфинам. В периоды так называемой сезонной дифференциации дельфиных стай, когда самцы живут отдельно от самок с детенышами, мы провели исследования и обнаружили, что стаи, оказывается, формируются не только по поло-возрастному признаку. Известно, что у дельфинов только в строении костей плавников существует до сорока анатомических отличий. Удалось установить, что в дифференцированных стадах находятся только такие особи, у которых имеется не более трех-четырех различий в плавниках. Значит, дельфины собираются в стаи не только по видовым и поло-возрастным признакам, но и по каким-то другим, возможно, генетическим, родственным. Вероятно, такие стаи самок с детенышами — это своеобразные университеты подрастающего поколения. Установлено, например, что «речь» молодого дельфина гораздо беднее и проще «речи» пожилого. Эти и некоторые другие данные заставляют предположить, что «курс обучения» подрастающего поколения непрост и что интеллектуальное развитие дельфина — процесс постепенный и медленный.

ЖУРНАЛИСТ. Но неужели вся огромная, как вы

уже говорили, информационная мощь дельфиного мозга тратится исключительно на охоту, воспитание подрастающего поколения, борьбу с хищниками и так далее? Только на это, и ни на что другое?

ЯБЛОКОВ. Вопрос, на который, пожалуй, пока нет ответа.

ЖУРНАЛИСТ. Бьт может, допустима такая параллель? Интеллектуальная мощь мозга первобытных охотников расходовалась в основном на добычу пищи (хотя искусство и зародилось давно), на что расходуется и интеллект дельфинов. А анатомически мозг первобытного охотника мало чем отличается от мозга современного человека.

ЯБЛОКОВ. Заманчивая, но вряд ли точная параллель, хотя бы уже потому, что на добывание пищи дельфины тратят не так уж много времени. Тут все крайне сложно. Ведь надо учитывать и такое еще обстоятельство: человеческий род существует вряд ли более 1,5 миллиона лет, тогда как дельфины, чей облик весьма близок к современному, судя по палеонтологическим данным, появились 40—50 миллионов лет назад. Много ли известно нам о их прошлом? Время, прошедшее от самых древних письменных свидетельств о дельфинах до наших дней, на этом фоне всего лишь мгновение. Лилил уверен, что дельфины уже во времена древних греков искали контакта с человеком и что сейчас они снова пытаются понять нас. Но им это сделать еще труднее, чем нам.

А понять дельфина невероятно трудно. Неволя (даже с «целью контакта») дельфина, понятно, отнюдь не прельщает. Вообще изловить представителей «умных» видов дельфинов очень непросто...

БЕЛЬКОВИЧ. Наш знакомый опытный черноморский рыбак как-то рассказывал нам, что в те годы, когда охота на дельфинов еще не была запрещена, они нередко встречали одного дельфина, про которого все знали — поймать его невозможно. Дряхлый такой, зеленый от старости дельфин... Так вот, было известно, что если этот дельфин присоединится к какой-нибудь стае — пищи пропало! Охотиться на такую стаю бесполезно: перехитрит, уведет, что тут ни делай...

ЯБЛОКОВ. Судя по нашему опыту, в этом рассказе рыбака нет преувеличения. Но поймать дельфина — это еще полдела. Нередко пойманный в сети дельфин тут же умирает от инфаркта или инсульта (что, кстати, свидетельствует, очевидно, об огромной эмоциональной впечатлительности дельфинов, тонкости и сложности их чувств). Но вот дельфин, наконец, благополучно выловлен, помещен в бассейн и, наконец, поддался приручению. Вы думаете, он со всяким будет общаться? Ничего подобного! Даже среди ласковых, доброжелательных людей он выберет не любого. Здесь у него какой-то свой, очень индивидуальный подход. Кстати сказать, однажды мы пригласили одного крупного специалиста по высшей нервной деятельности, который много экспериментировал и с обезьянами и собаками, но в изучении дельфинов не видел большого смысла: животное, как и все, что в нем особенного? Однако, познакомившись с дельфинами, он невольно воскликнул: «Какие они у вас все разные! Каждый — индивидуальность!»

Эти слова для нас тем более ценны, что экспериментатор великолепно знал, сколь индивидуальны и обезьяны и собаки. Но дельфины его поразили.

И был однажды случай, который поставил нас в тупик. Как-то раз отделили от стада самку и попытались наладить с ней контакт. Удалось. Но

вскоре она заболела. Ее пустили обратно в бассейн, где находилась стая, и тут началось нечто непонятное. Она — к стаду, а стадо ее не принимает. Нечисто! Одна попытка, другая, третья... И вдруг самка разгоняется — и головой о стенку бассейна! Удар ее оглушил, но она очнулась — и снова головой о стенку! И так одиннадцать раз, пока не погибла.

Как объяснить этот случай? Я считаю, что это было нечто вроде самоубийства.

БЕЛЬКОВИЧ. А я считаю, что нет. До недавнего времени мы не знали, как умирают дельфины в море. Картина прояснилась лишь недавно. Заболевший дельфин в стадии агонии развивает бешеную скорость и мчится по прямой, пока не наступит конец. Здесь было то же самое. Самка смертельно заболела. Она и рванулась, как в открытом море...

Почему ее не принимало стадо? Можно, конечно, предположить, что стадо (дельфины были неприрученные) отвергло «изменницу», вступившую в об-

ДОМ ДЕЛЬФИНА И ЧЕЛОВЕКА

Граница пролегла примерно в полуметре от пола. Все, что ниже, принадлежало дельфину, все, что выше, — человеку. Полукомната-полубассейн с мебелью и бытовыми удобствами, включая телевизор. Каждый из обитателей находился в привычной среде (если, конечно, пренебречь такими пустяками, как вечная сырость).

Человек по имени Маргарет Хау, ассистент доктора Лилли, и молодой озорной дельфин по имени Питер провели в этой «квартире» два с половиной месяца. Таким было условие эксперимента: Дж. Лилли и Маргарет Хау хотели выяснить, что же получится из длительного круглосуточного общения с дельфином. Чему он научится не только на уроках «по расписанию», но и в совместных играх, в постоянной «атмосфере человеческой речи», при тесном контакте с человеком.

«Жить круглые сутки вместе с дельфином — дело очень не легкое, — спустя месяц после на-

чала опыта написала в отчете Маргарет Хау. — Я даже не подумывала, что будет так тяжело. В отличие от собаки, от кошки, от человека дельфин ведет себя скорей как ваша тень, чем как товарищ по комнате. Если ему это позволить, он от вас никогда не отстанет» (подчеркнуто Маргарет).

Сначала положение оказалось критическим, и в строчках дневника Маргарет слышится отчаяние:

«У меня все голени в ссадинах, потому что он без конца толкает их рылом и передней кромкой грудных плавников. Мне это совсем ни к чему. Мы не уживемся с дельфином, пока он не усвоит, что способен причинить мне боль... Не могу я работать, зная, что Питер, если вдруг рассердится... способен меня ранить. В этом смысле мы имеем дело с «диким животным» и должны его одомашнить или цивилизовать».

Далее, однако, взаимоотношения стали налаживаться, и строчки

отчета звучат более обнадеживающе:

«На то, чтобы «поладить» с Питером, ушло немало времени, но пока дело идет неплохо. Первое время Питер здорово шипался (у дельфинов это принятый способ общения). Тогда я стала ходить с метлой. Это его укротило... Но скоро метла мне надоела, и я решила искать другой выход.

Да и Питер как будто почувствовал что-то неладное и тоже захотел исправить положение. Вдруг начал вести себя очень ласково... Я стала ходить без метлы. Питер по-прежнему сопровождает меня и подталкивает мордой, но чаще всего держит рот закрытым и не шипит меня... Речь идет о серьезной ломке инстинкта, и я ценю каждую его попытку».

В обучении на первых порах тоже возникли столь серьезные затруднения, что Маргарет даже подумывала о замене Питера другим, более «усидчивым» дельфином. Однако, подводя месячный итог, она тем не менее отметила: «Сейчас все вроде бы наладилось, и уроки больше доставляют удовольствия нам обоим. Достижения Питера сводятся к следующему: он умеет слушать, научился молчать. Теперь он отзывается почти исключительно звуками, подобными человеческой речи, дельфиньи «высказывания» слышатся лишь изредка. Кое-как воспроизводит слова «ball» (мяч) и «hallo» (алло). Не очень четко, но все-таки... Явно отрабатывает «л» и «м»...

Конечно, записи получаются очень скучными: я без конца твержу одно и то же слово, а Питер отзывается по-разному... Придется публике еще подождать лихих записей. Когда глухонемой учится говорить, в этом нет ничего захватывающего дух. Это не очень приглядное, скучное, медленное, томительное дело. И почти такое же сложное, как то, которым заняты мы с Питером».

Второй месяц принес неожидан-

щение с человеком. Но это слишком человеческая точка зрения. Самка была больна, и дельфины просто никак не могли ей помочь. Может быть, боялись заразиться, поэтому и избегали ее.

ЯБЛОКОВ. На одном случае, конечно, рискованно строить вывод. Поэтому я не стану настаивать на высказанном предположении. Узнаем дельфинов получше, тогда все и выяснится.

ЖУРНАЛИСТ. Вы считаете, что с дельфином в будущем все-таки удастся поговорить?

БЕЛЬКОВИЧ. Опять же ответа нет. Дельфины между собой широко общаются — это ясно. Информацию они, видимо, передают друг другу огромную, но уже здесь далеко не все очевидно. Можно лишь сказать со всей определенностью, что дельфины обмениваются не односложными понятиями, как, например, птицы или другие млекопитающие. Но уж слишком их «речь» отличается от нашей! Дело не только в различии звуковых частот.

на стр. 47 •

ное открытие. Маргарет все это время учила дельфина не только языку, но и новым играм с предметами. И вдруг она заметила, что дельфин тоже учит человека!

Вот как это описывает Маргарет:

«...У нас хорошо шла такая игра: мы кидали друг другу мяч с расстояния нескольких футов — это называлось «лови». От раза к разу, почти незаметно, бросок Питера укорачивался, и я должна была подходить все ближе, чтобы поймать мяч. Скоро это вылилось в новую игру, при которой я стояла перед Питером и буквально клала мяч ему в рот... Прежде я очень пугалась, если Питер, играя, открывал рот. Теперь же Питер держался очень смиренно, да и мяч во рту все равно не дал бы ему очень сильно укубить меня, и я приняла его игру. Обратите внимание, что для начала Питер так держал мяч, что рот его не мог закрыться. Понемножку Питер начал сдвигать мяч во рту так, что челюсти уже могли как следует сомкнуться. Тут я слегка осадилась назад, пока Питер своей мягкостью и смирением не убедил меня, что речь идет «о развлечении», а не о том, чтобы «проверить Маргарет». Я почувствовала себя как-то глупо и в то же время порадовалась, что Питер придумал такой тонкий, деликатный способ помочь мне преодолеть страх перед его зубами... Теперь Питер замирает, держа мяч в полуоткрытом рту, а я глажу ему десны и губы.

Едва был сделан первый шаг, как Питер исподволь начал готовить следующий. Держа мяч в передней части рта и неплотно прикрыв челюсти, он начал осторожно водить кончиками челюстей вверх-вниз по моей ноге. Я не сводила глаз с мяча, зная, что с мячом во рту Питер не сможет сжать челюсти...

Тогда, передвинув мяч во рту таким образом, что челюсти совсем раскрылись, он стал водить

вверх-вниз по ноге уже не кончиком рыла, а всеми зубами. Затаив дыхание я в оба следила за мячом, который меня страховал, меж тем как дельфиньи зубы тихонько скользили по моей ноге...

Но Питер этим не ограничился. Медленно, как бы «нечаянно», мяч выпадает у него изо рта. Я сразу потребовала, чтобы он снова взял мяч в рот... Но он весь ушел в забаву и как будто не слышит. Я уступаю Питеру. Его челюсти ходят вверх-вниз по моей ноге без мяча, Но храбрости у меня хватает только на несколько секунд.

Однако Питер снова и снова затевает эту игру... И постепенно я начинаю чувствовать себя уверенней. Теперь Питер просто приближается ко мне с открытым ртом... Я стою неподвижно. Питер тихонько захватывает ртом мою голень. Широко раскрывает челюсти и начинает водить зубами вверх-вниз по моей ноге. Затем — по второй. Мое колено целиком исчезает в его пасти.

...Я еще настороже, но Питер уже убедил меня, что у дельфинов принято так играть. И эта дельфинья игра, видоизмененная им с учетом моей уязвимости, доставляет мне истинное удовольствие!

Во всем этом меня особенно поражают две вещи. Во-первых, всесторонняя подготовка, которую Питер провел, чтобы я усвоила, что мне можно играть в эту игру. Мне мешали всякие страхи... Питер явно это уразумел и нашел отличный способ и реквизит (мяч), чтобы успокоить меня... Он дал мне понять, что я могу на него положиться. Так он утвердил взаимное доверие. Могла бы я придумать такой план?»

Интересна еще одна запись, сделанная уже в конце эксперимента:

«Несколько раз обстановка меня настолько угнетала, что я буквально плакала... Питер сам

каждый раз приводил меня в чувство. Вот один пример: принимая на ночь душ, я стою по колено в морской воде, потом вытираюсь и иду вброд к кровати. Понятно, до постели я добираюсь с мокрыми ногами. Даже когда вытрешь их полотенцем, все равно простыня делается липкой, а если Питер украсил мне ноги ссадинами, их разъедает солью и они болят. От неуютной обстановки, от усталости и одиночества нервы внезапно сдают, и мне становится так жалко себя, что слезы начинают литься сами собой. Вдруг, обычно после того, как я притихну, Питер, подплыв к постели, начинает громко и отчетливо издавать звуки, подобные звукам человеческой речи. Я раздвигаю занавеску против брызг и протягиваю руку к моему энергичному, сверкающему глазами товарищу, который притащил мяч и зовет меня поиграть так настойчиво, с такой убедительностью в голосе, что я не могу не отозваться на его призыв. Соскальзываю в воду, беру мяч, и жалость к себе постепенно отступает, вытесненная мыслью о том, как многого мы уже добились с Питером».

Как и было запланировано, через два с половиной месяца человек расстался с дельфином. Эксперимент окончился, дав материал для серьезнейших размышлений.

«Наша главная цель, — пишет Дж. Аилли, — добиться межвидового общения, чтобы можно было обмениваться информацией описательного, прогностического и познавательного характера. До тех пор пока мы с дельфинами живем врозь, разум дельфина остается для нас непроницаемым, а разум человека — недоступным для дельфина».

Очевидно, в недалеком будущем мы окажемся свидетелями новых, более длительных и смелых опытов ученых по установлению контакта между человеком и дельфином.

ВРЕМЯ ПОДНИМАЕТСЯ В ГОРЫ

Всю ночь покрывшийся красной сыпью ребенок метался в забытьи. Только к утру он успокоился.

— Мы знаем, что хворь от дурного глаза, — со вздохом сказал мне владыка. — Но, может, у вас есть с собой какие-нибудь пилюли?..

«Вот, — подумал я, — эта фраза, пожалуй, как нельзя лучше отражает образ мыслей жителей Тонгса. Да и не только Тонгса. Ее бы мог произнести обитатель любого монастыря, любой деревушки Бутана — страны величиной со Швейцарию, затерявшейся среди Гималаев».

После четырех дней тяжелого пути передо мной приоткрылись толстенные ворота цитадели Тонгса — громадной крепости-монастыря, куда запрещен вход женщинам и чужестранцам. Не без тревоги я протянул стражнику свой «кашаг» — пропуск с двумя драконами на королевской печати. Его мне выдал в столице Бутана Тхимпху секретарь королевской канцелярии.

— Не беспокойтесь, — улыбаясь, сказал мне по-английски секретарь. — Предъявите «кашаг» при въезде в крепость, вас примут, устроят и накормят.

И все же сомнения меня не оставляли. Как будет действовать этот «сезам, откройся!» в краю, где за последние десять лет все «туристы» были персональными гостями королевской семьи, а приезжих европейцев можно пересчитать по пальцам?

Но «кашаг» безотказно действовал и в четырех днях пути от столицы.

1500 ВИРАЖЕЙ НА 145 КИЛОМЕТРОВ ПУТИ

Моему появлению у ворот крепости Тонгса предшествовало множество событий. Начало путешествия было многообещающим: мне не пришлось ломать голову, как добираться до Бутана. Выйдя из самолета на аэродроме крохотного индийского городка Хасимара, в Западной Бенгалии, я, к моему своему удивлению, увидел «джип» бутанского правительства! Да; ошибки быть не могло: на номере машины ясно выделялись буквы «БТН» и несколько цифр, написанных по-тибетски.

Как попала сюда, в это заброшенное королевство, современная машина? Через несколько дней я узнал, что после пограничного конфликта, развязанного Китаем в 1962 году, «великий северный сосед» слишком настойчиво стал интересоваться пограничными с Тибетом маленькими княжествами.

Ходили упорные слухи, что Китай намерен «освободить Бутан от ига империализма». И бутанцы, памятуя о культурном разрушении Тибета, с которым их страна тесно связана языковыми и духовными узами, стали серьезно опасаться за свою судьбу. Это заставило бутанское правительство принять спешные меры — в частности, создать современную армию. Она небольшая, несколько тысяч человек, но, учитывая природные условия и дьявольский рельеф страны, представляет серьезную силу. В обмен на поставки риса и леса индийское правительство направило в Бутан военные машины и партию стрелкового оружия.

Мой «джип» помчался по новой дороге от пограничной деревушки Пунчолонг к столице Бутана — Тхимпху. Раньше этот путь занимал несколько дней пути верхом по горным тропам. Теперь к Тхимпху ведет проложенная динамитом 145-километровая трасса, насчитывающая полторы тысячи виражей! Путь сократился до восьми часов в сухой сезон и растянулся на несколько недель во время дождей.

Головокружительная страна! Рельеф местности таков, что жители соседних долин зачастую знают друг о друге меньше, чем жители Патагонии о датчанах. Чтобы отправиться туда, нужна немалая отвага. Я убедился в этом позже, выйдя из столицы в путешествие по стране. Ежедневно я шел пешком или ехал верхом на яке по двенадцать часов: взбирался на почти вертикальные стены по вырубленным в скале ступеням, из тропической зоны поднимался к вечным снегам, вновь спускался. А по прямой выходило едва три километра.

У каждого моста, перекинутого через пропасть, можно видеть развевающиеся молитвенные флаги: все мосты, даже самые длинные, по 70 метров в пролете, сплетены из бамбука; и, ступая на них, вы вручаете богу душу. Пройдя качающийся под ветром мост, путник непременно укрепляет на той стороне флаг, чтобы отблагодарить Будду за содействие.

Но что стоили эти усилия по сравнению с десятилетиями переговоров и ожиданий разрешения посетить этот край! Сегодня, в 1969 году, о Бутане мы знаем меньше, чем о джунглях Новой Гвинеи или Амазонии. Достаточно сказать, что это единственное место в Азии, где до сих пор не произведена картографическая съемка.

Неизвестно, и сколько в Бутане жителей, ибо переписи там никогда не производилось; полагают, что

Выносливостью бутанки соперничают с мужчинами. Недельный поход через пятитысячный перевал на рынок — дело привычное для жителей гор.

около миллиона. Неведомые этнографам племена заброшенных долин говорят на неизвестных диалектах и живут вне тревог и сомнений, раздражающих остальную планету.

Бутан остался заповедным краем для диких животных. Буддизм запрещает своим приверженцам убивать даже блох: ведь любое живое существо, по их верованиям, может оказаться перевоплощением человеческой души. На юге страны, где граница Бутана смыкается с джунглями Ассама, находится, пожалуй, самый густонаселенный естественный заповедник Азии. До сих пор не делалось попытки провести перепись имеющихся там видов животных. Не удивительно, что несколько лет назад в Бутане была неожиданно открыта новая порода обезьян. Сразу же за этим обнаружили, что олень шу, который, как считали зоологи, исчез с лица Земли в начале века, доньше прыгает по земле Южного Бутана, причем в большом количестве.

Я давно уже просил разрешения посетить страну, но лишь в этом году, десять лет спустя после первой попытки, наконец, получил его.

За эти десять лет я научился говорить по-тибетски, и большинству бутанцев удавалось понимать меня. Кроме того, я приобрел некоторый опыт житья в Гималаях. Кстати, забегая вперед, скажу, что онто, этот опыт, и подвел меня. Мои слишком простые, претерпевшие в дороге немало невзгод одежды, рюкзаки и алюминиевые котелки заставляли меня краснеть в гостях у местных вельмож, которые принимали меня в парадных шелковых тогах, опоясанные серебряными мечами с золочеными рукоятками, и угощали меня яствами на серебряных блюдах.

Юный тибетец Тенсинг, которого я нанял проводником и поваром, составлял весь мой почетный эскорт. Разве мог он тягаться со свитой, необходимой, по убеждению бутанцев, каждому значительному лицу! Нет, положительно мне следовало позаботиться о собственной импозантности!

МЕНЯ ПРИНИМАЕТ КОРОЛЕВА

Перед выходом из столицы в пешее путешествие по стране меня приняла королева. Ее маленький дворец прилепился у подножья крепости Паро. Дело в том, что даже властительница страны не имеет права жить в цитадели: вход туда разрешен только мужчинам. Дворец королевы — воспроизведенная модель жилища богини из тибетской мифологии.

Сад густо засажен ивами, которые окунают свои ветви в многочисленные ручейки; берега покрыты желтыми и оранжевыми ирисами. В центре вымощенного двора на столбах возвышается четырехэтажная пагода. По углам королевского сада стоят домики для детей и приглашенных.

Королева, женщина красивая и умная, как, наверное, и подобает королеве, больше часа беседовала со мной. Одет она была в широкую тибетскую тогу. Как ни странно, но в ее облике больше всего поражали длинные волосы. Дело в том, что бутанки очень коротко подстрижены, что, кстати, придает им чертовски современный вид.

У входа во дворец человек пятьдесят — придворные слуги и секретариат королевской канцелярии — ждали босиком приказаний Ее Величества. Передо мной в дом зашел мужчина с озабоченным

¹ Язык бутанцев представляет собой ветвь тибетского языка. — *Прим. ред.*

лицом, неся огромную бронзовую урну, откуда вырывались пары благовоний. «Это раб, — объяснили мне, — он целый день обходит дом и окуривает комнаты палочками можжевельника». А перед приходом гостей это делают особенно тщательно. В доме королевы нет света, но на леопардовых шкурах стоят несколько европейских кресел, купленных в Индии: это деликатный знак внимания для тех, кто не привык сидеть часами, подобрав под себя ноги, в позе «лотос».

Королева, которая легко говорит по-английски, с энтузиазмом излагала мне проекты, призванные в недалеком будущем превратить меновое хозяйство ее страны в современную денежную экономику. Там же во дворце я осмотрел шикарные подарки, преподнесенные королеве редкими гостями. Обычаи страны требуют, чтобы ответные подарки были бы не менее ценными.

Я, к сожалению, смог подарить королеве только скромный флакон парижских духов и серебряный кубок. Разумеется, я преподнес в начале аудиенции и белый шелковый шарф «ката», без которого невежливо являться к любому гималайскому двору.

Королева прекрасно осведомлена о положении женщин в Европе. Кстати, в Бутане — пожалуй, этого нет нигде больше в Азии — женщины играют не меньшую, чем мужчины, роль в семье. Зачастую именно они распоряжаются семейным бюджетом.

У некоторых бутанок по несколько мужей. Откуда в Бутане «избыток» сильного пола? Об этом я узнал позже, уже в монастыре.

ЧАЙ ПО-МОНАСТЫРСКИ

Под вечер четвертого дня пути я увидел впереди возносящиеся вверх белокаменные стены монастыря. Пронзительный свист стражника на башне, оберегающего покой 300 жителей и 150 монахов цитадели Тонгса, оповестил их о моем приближении. Я предъявил в воротах свой «кашаг», и стражник поспешил уведомить феодала.

В долине Ха растет ячмень, из которого в Бутане пекут лакомства, а также варят некрепкое пиво, называемое «чан». Женщины высушивают ячмень на солнце, а затем провеивают его, ритмично вскидывая зерна маленькими лопатками.

Музыка и танец — обязательные предметы обучения в монастырской школе. Юный послушник обязан уметь играть на флейте, барабане и хумцо — длинной, трехметровой, трубе, схваченной серебряными кольцами.

Мужчина во дворе крепости играл с ребенком. Но привлечь его к себе, приласкать он бы не смог при всем желании: на шею у сидящего висел громадный деревянный ошейник.

— Это солдат, пойманный на воровстве, — сказал мне местный владыка. — Так мы наказываем воров.

Тот, кого в крепости почтительно называли «хозяин закона», вышел ко мне в сопровождении стремянного, вооруженного громадной саблей с серебряным эфесом. Стремянный держал под уздцы маленькую тибетскую лошадку; ее сбруя была украшена бирюзой, а седло покрыто богатым ковром.

Загрохотал барабан в честь выхода владыки. Я почтительно склонил голову.

Несмотря на всю помпезность, «хозяин закона» встретил меня приветливо и, я бы сказал, попросту. Он даже любезно обошел со мной владение, давая короткие пояснения.

— Здесь вы будете спать...

Монах обвел рукой голую комнату.

— Мыться можно там, — добавил он, когда мы вышли в темный коридор, и показал на бронзовую урну с водой. — Еду мы готовим внизу. На этаже разводиться огонь запрещается...

Мы пошли через анфиладу громадных пустых залов, коридоров, пересекли мощный двор, где метался ледяной ветер. Я поежился, зато мой проводник Тенсинг заметно повеселел — предстоящий ночлег его устраивал, а холод — холод в здешних местах царит почти восемь месяцев в году, так что какой смысл обращать на него внимание! К тому же, насколько было видно, в этот вечер ни один очаг не светился в громадном четырехугольнике старинной крепости.

Я давно уже хотел поближе познакомиться с тем, что представляет собой ламаистский монастырь. Монастырь в Гималаях не только обитель. Это может быть и одинокий замок, где в одной-единственной келье живет отшельник, и даже целый город с населением, доходящим до шести тысяч душ. В Гималаях, где расстояния измеряются в днях, а то и в неделях пути, в монастырях находят приют караваны и одинокие путники вроде меня.

Я разложил в пустом помещении свою алюминиевую раскладушку и оглядел расписанные стены, где свирепые божества скалились на безмятежного Будду. Очень уютно, если не считать холода...

Проснулся я от того же — от холода. Взглянул на часы: пять утра. Пора вставать? Да. Через полчаса послышался низкий рев. Я выглянул в окно, распахнув деревянный ставень: на низкой крыше каменной пристройки два монаха дудели в длинные трехметровые трубы.

По этому сигналу обитатели монастыря разом зашевелились. В спальнях молодых послушников монахи-надзиратели зашелкали бичами — это дополнительный «стимул» для лежебок. По сигналу труб послушники должны немедленно вскочить и свернуть свой спальный коврик. Одевание тоже не составляет проблемы, ибо послушники, как и монахи, спят в одежде. Это тога из крашеной верблюжьей шерсти и жилет из красного шелка.

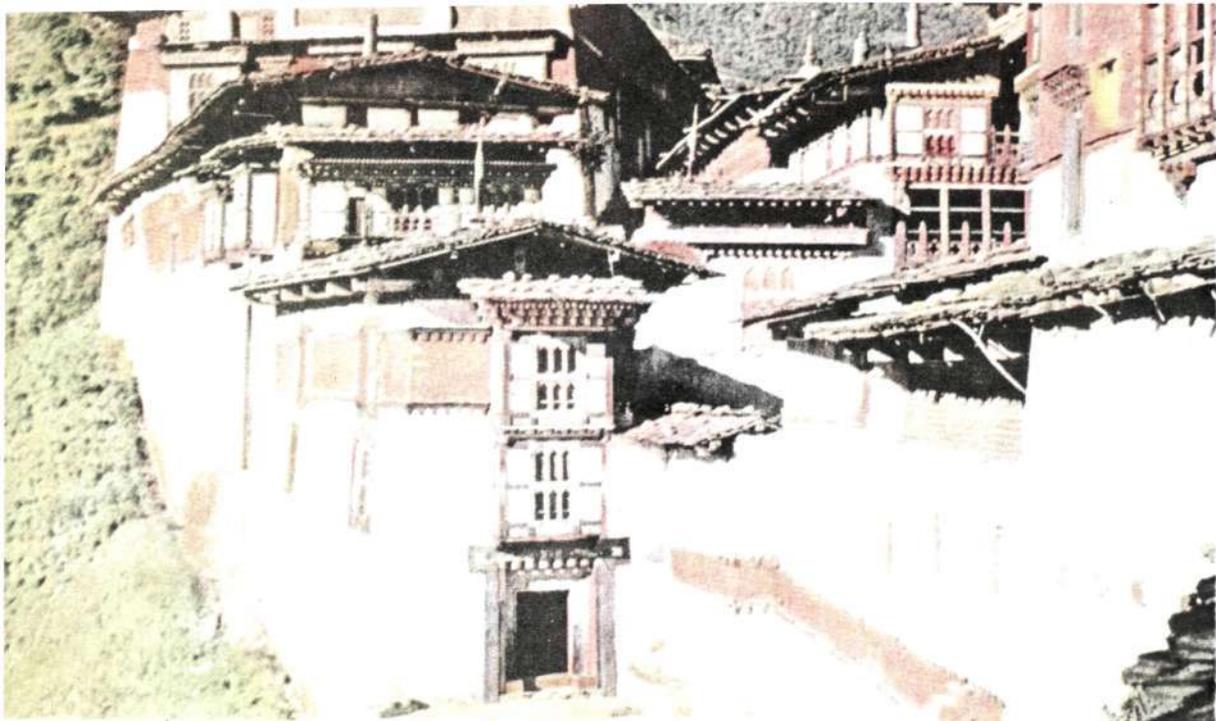
Итак, день начался. Я спустился с Тенсингом на кухню, где молча суетились монастырские обитатели возле двадцати очажков из глины. На стенах помещения лежал слой копоти толщиной в несколько пальцев. Дым ел глаза.

— Вам нужна вода?

Совсем юный монашек протянул мне глиняную кружку.

— Можете занять мой очаг, я уже сварил.

Бутанцы не без опаски относятся к огню. В Высоких Гималаях дерево — редкость. Если полы в чьем-нибудь доме или в монастыре сделаны из дерева, об этом не преминут с гордостью упомянуть.

Поэтому его так и берегут от огня. Огонь — бич старых монастырей. Нет ни одного, который бы в своей истории не насчитывал один, а то и несколько больших пожаров. Пожары тем более опасны, что воды под рукой, как правило, нет, ибо монастыри строят у обрывов или на склонах недоступных утесов, то есть довольно далеко от реки.

Вот и в моем монастыре послушники совершали омовения лишь раз в неделю. Они спускались процессией к реке, стирали свои тоги, окунались с головой и резвились при этом, словно школьники на загородной прогулке. Но замечу сразу, этот гигиенический обычай наблюдается далеко не во всех монастырях: на тибетском плато, в Мустанге и в Непале вода ледяная.

Юный монашек, которого звали Дава, что в переводе значит Луна, уступил мне место и понес наверх свой чай. Вообще этот напиток не имеет ничего общего с тем, что потребляем мы, но куда калорийнее нашего чая. Посудите сами — в монастырский чай входят следующие составные части: масло,

Гималайский монастырь — это и крепость, и обитель, и гостиница, и тюрьма одновременно. Строят их, как правило, в неприступном месте — на откосе или вершине горы, чтобы обитателей не застали врасплох.

Через горные пропасти перекинута плетенная из бамбука мосты. Бамбук не только удобный строительный материал — гибкий, прочный, но и надежная система обороны. Раньше при опасности мосты эти свертывали, как ковровую дорожку, и тем самым надежно изолировали себя от непрошенных гостей.

Монахи дено и ночью без усталости отгоняют «злых духов». Костюмы играют в этом существеннейшую роль: у персонажей ритуальных танцев строго определенные маски и тоги.

ячье молоко, соль, если есть, сырое яйцо и, наконец, немного плиточного чая. Все это перемешивается масляной (последний инструмент — общественный; он постоянно находится при кухне, и им пользуются по очереди). Затем в этот чай (или, если хотите, суп) высыпают вареный рис или ячменную муку.

СПАСАЙТЕ ВАШИ ДУШИ!

Идти в послушники — единственный выход для младшего отпрыска в многодетной семье. В Бутане каждый клочок пригодной для обработки земли зовут собственным именем. И крестьяне, следуя вековой мудрости, не делают его, а передают целиком старшему сыну. За это он должен содержать младшего брата, отданного на учебу в монастырь. Бедные ученики ищут монастыри побогаче, где раз в три дня бесплатно дают еду, или работают на состоятельных монахов.

Ламу-послушника слишком часто и несправедливо называют бездельником. Ошибочно. Во-первых, каждый член братии должен платить — деньгами или работой — «за науку». Послушники сами делают бумагу, сами изготавливают из сажи и жира чернила, возделывают монастырское поле, пасут скот, сами чинят крышу и стены своей обители. Кроме того, они готовят на продажу посуду, ткани, великолепные резные поделки, шьют меховые одежды, выделывают шкуры.

Немыслимо, чтобы буддийский монах не ведал искусства танца. Танец едва ли не важнейшая часть культа. В танце монахи демонстрируют верующим устрашающую власть злых духов, а также благосклонность истинного божества к своим стойким поклонникам. В танцах разыгрывают эпизоды из жизни великих лам.

Мне довелось присутствовать на «Пляске смерти», отгонявшей зло от селения. Интересно, что в пляске участвовали лишь «статисты». Это были рабы, потомки пленных, захваченных во время войн, а они случались часто в те времена, когда каждая крепость воевала с соседней. Рабы ежедневно танцуют «Пляску смерти»; и горе тому из них, кто не воспринимает эту работу всерьез, — он тут же получает удар кнутом по ногам...

Интересно, что, несмотря на обилие монастырей, в каждой бутанской деревне есть свой колдун, который успешно конкурирует с монахами.

— Я покажу вам колдуна, который воскрешает мертвых, — почтительно сказал мне мой проводник Тенсинг, когда мы подошли к деревне Лхунци.

Он привел меня к человеку с довольно зловещей физиономией, который популярно объяснил мне суть своего метода.

— Чтобы оживить покойника, — сказал он мне, — я прижимаюсь своим ртом к его рту, беру его под руки и танцую, вдыхая в него свою жизнь.

Поскольку в деревне не было подходящего покойника и в ближайшее время он, слава богу, не предвиделся, я не смог проверить эффективность этого способа.

КОГДА ДАВА СТАНЕТ ВЗРОСЛЫМ

История Бутана до сих пор не рассказана. Но бутанцы, похоже, не торопятся раскрывать миру свои сокровенные тайны. В сокровищницах их главных монастырей хранятся тысячи книг, где записаны хроники великих князей и лам, властителей крепостей

Тонгса и Пунакха, Джакара и Лхунци. Какой счастливый архивист получит допуск к ним?

Я смог войти лишь в молельню — гунь-кхань в цитадели Тонгса. Это место уединенного размышления, расположенное над часовней, но, кроме того, своеобразный арсенал. Сюда тоже запрещен вход женщинам и непосвященным. Но, учитывая благосклонность королевской семьи, меня первого из европейцев впустили в гунь-кхань.

Монах показал мне внушительную коллекцию сабель, инкрустированных золотом дубин, кольчуг, серебряных шлемов и щитов из шкуры носорога.

— А это что? — спросил я, показывая на длинные кожаные цилиндры, опоясанные металлическими кольцами.

— Пушки конца прошлого века, — ответил мой гид. — Они сделаны из многих слоев ячых шкур, скрепленных вместе и прошитых проволокой. Стволы получаются крепкие и в то же время более легкие, чем из металла. Англичане были потрясены, увидев их в действии, — добавил он с улыбкой.

Действительно, когда солдаты английской королевской армии отважились вступить в Гималаи, на них вдруг обрушился огонь с таких уступов, куда, казалось бы, абсолютно невозможно затаскать артиллерию. Британское командование недооценило выдумку обитателей Гималаев: подумав только, шить пушки из кож и поднять их в самые недоступные места! Бутанские князья заставили почтенного лорда Эшли Идена подписать весьма унизительный договор, который Лондон поспешил вскоре расторгнуть.

Сегодняшний день Бутана во многом обусловлен долгодетней изоляцией страны, недоверием его обитателей к чужестранцам. Однако сейчас, безусловно, Бутан хочет впустить XX век в ворота своих крепостей. Два года назад в стране королевским указом были открыты 125 начальных школ.

Я присутствовал на экзамене. Но не в образовательной школе, а в монастырской — таких пока большинство. Для того чтобы перейти в следующий ранг, монах-послушник должен выдержать экзамен.

Экзамены эти устраиваются во дворе монастыря. Абитуриент садится на «скамью ответов», а перед ним на низеньких стульчиках восседают экзаменаторы. Если ученик ошибается в ответе, он получает символическое наказание — щелчок по лбу и уступает свое место следующему. Только пройдя без единой запинки сквозь коварные ловушки вопросов, послушник получает свое первое звание. Это не просто, как и в нашей академии, — в каждом монастыре может быть строго определенное количество монахов среднего и высшего ранга. А сейчас, после бегства книжников и ученых лам из Тхогста, где монастыри были разгромлены «культурной революцией», а ценнейшие библиотеки сожжены, вакансии особенно дефицитны.

Юный послушник Дава внимательно слушал вопросы, но, видно, мысль его не была готова к глубинам ламаистской мудрости. Минут через пять он стал с куда большим интересом разглядывать мои горные ботинки.

— А ваша страна далеко? — спросил он.

— Довольно далеко, — ответил я.

— Сколько дней шагать? — уточнил Дава.

— Башмаков не хватит, — решительно сказал я.

Дава подумал еще немного.

— Стану взрослым, приду к вам в монастырь, — сказал он наконец. — У меня рису хватит.

Перевел с французского
М. МАРЬЯШИН

«Все мировые расстояния сократились и стали ничем... Таинственное и сказочное не может достигнуть хорошего эффекта без помощи отдаленности; а отдаленности уже больше нет», — помнил Марк Твен в своей записной книжке в апреле 1896 года.

Оставался малоисследованным в то время район Антарктики, и писатель перенес туда действие своего рассказа, тема которого волновала его творческое воображение уже давно, — легенда о зоне вечного покоя и мертвых кораблей.

Еще за тридцать лет до этого, в 1866 году, во время поездки на Сандвичевы острова, он приводит в своих заметках слова моряков о «переменных ветрах и страшных штормах», когда корабли «долгие месяцы дрейфуют между островами».

А спустя шестнадцать лет, в 1882 году, он опять вернулся к той же теме в набросках задуманного им рассказа о путешествии на воздушном шаре: «Самые страшные минуты, какие мне пришлось пережить? Это было, когда я поднялся на аэростате и, видимо, попал в тот легендарный слой, оказавшись в котором вы там и остаетесь, — не под-

нимаясь и не опускаясь на протяжении многих лет, остаетесь навсегда, — и встретил там сначала один аэростат, потом второй, и мы висели неподвижно один возле другого...» Все та же зона вечного покоя, только не на море, а в воздушном океане.

И опять, в 1883 году, пометка в записной книжке: «Жизнь внутри айсберга... Их всех находят мертвыми и замороженными через сто тридцать лет. Айсберг движется по широкому кругу, год за годом, и каждые два-три года вдалеке появляются обломки их корабля».

Ко вот в конце 1896 года, работая над книгой «По экватору», Твен решил включить в нее рассказ о зачарованной зоне, вложив его в уста старого моряка, встреченного на корабле во время плавания в Тихом океане. Твен, видимо, почти закончил рассказ, но по неизвестной причине отказался от своего намерения, отложил рукопись в сторону и больше к ней не возвращался.

И рукопись тоже попала, можно сказать, в зону вечного покоя: она пролежала в архиве без движения семьдесят лет и лишь недавно опубликована в США.

На огромном расстоянии один от другого в Мировом океане разбросаны участки, где никакой компас не приносит пользы. Попадая в эти заколдованные зоны, компас сходит с ума, его стрелка крутится то в одну, то в другую сторону и не находит себе места, компас в ужасе, в отчаянии, его невозможно успокоить. Моряку остается прокладывать курс по солнцу, луне и звездам, когда они видны, или по догадке, если их нет, пока зачарованная зона не останется позади. Самый страшный и самый большой из этих участков находится в глуби пустынных

океанских просторов между мысом Доброй Надежды и Южным полюсом. Он имеет форму окружности, пятьсот миль в диаметре; четыре пятых этого диаметра хлещут, бьют, рвут вечные штормы, окутывают тучи и туман, пронизывают бурные концентрические течения; но в центре есть зона шириной в сто миль, внутри которой штормы и течения спадают; а в центре этого центра находится последняя циркулярная зона шириной примерно в пятьдесят миль, где остаются лишь едва заметные признаки течений, где вовсе нет ветра, даже мимолетного дуновения легкого бриза, а всюду тишина, мир, торжество вечного покоя.

На нашем судне есть загорелый седой моряк, которого однажды занесло в это необычайное место; и как-то на днях, после полуночи, я спустился в кубрик и уговорил его о нем рассказать. Мне указал на этого моряка казначей нашего судна, сказавший, что с ним приключилась странная, любопытная история. Я удержал ее в памяти, насколько смог, и на следующий день записал — своими словами, конечно, — его слова я запомнить не мог. Он сказал, что большой наружный круг с бурны-

Рисунки В. ВАКИДИНА

ми течениями, о которых я уже говорил, известен среди моряков как Скаковой круг дьявола, а зону затишья в центре они называют Нескончаемое воскресенье I. Вот его рассказ.

Мы оказались в этом месте потому, что нас постигла кара: судьба покарала капитана нашего корабля. Вот как это было. Мы попали в штиль далеко на юге, в самый разгар лета, — была середина декабря 1853 года. Корабль наш был бриг, с очень хорошим ходом; назывался он «Мейбл Торп»; груз — продовольствие и взрывчатка для новых золотых рудников в Австралии; капитан Элиот Кейбл, грубый и жестокий человек, но настоящий капитан, что верно, то верно. Слово его было закон, на всем корабле никто не посмел бы ему перечить.

Теперь вернусь немного назад. Месяца за два до этого, когда мы еще стояли в порту, в самый день отплытия, на корабле появилась большая красивая собака и принялась бегать взад и вперед,

¹ В мае 1896 года, будучи в Претории (Южная Африка), Марк Твен написал: «И всюду широкие пустынные улицы, глубокая воскресная тишина, таинственное и давящее отсутствие жизни и движения. Это пуританское воскресенье, каким оно было два века назад, опять вернулось на землю». Вероятно, под впечатлением этой картины Твен назвал зону вечного спокойствия «Нескончаемое воскресенье». — *Прим. пер.*

низко опустив морду, видно, кого-то искала — наверное, хозяйна. Матросы поймали ее, заперли внизу, а спустя час мы отчалили. Чудесная была собака! Игривая, веселая, привязчивая, добродушная, — никогда не видел собаки с таким ласковым, приятным нравом. Не прошло и двух дней, как этот пес стал любимцем всей команды. Мы устроили ему уютное логово, ну просто княжеская постель; и на корабле не нашлось человека, который не поделился бы с ним обедом, а он всегда такой преданный, благодарный. И понятливый тоже; понятливый и старательный.. Он сам додумался стоять на вахте вместе с нами. Он нес вахту на левом борту и был на месте, как только пробьет восемь склянок; нам не приходилось ему кричать: «Эй, шевелись, на вахту!» Даже тянул снасти, помогая ставить и убирать паруса, как если б знал их не хуже любого ветерана. Команда гордилась им, да и могло ли быть иначе?

Значит, как я уже говорил, месяца через два после отплытия мы попали в штиль. Была теплая ночь, тихая, наводящая сон, расслабляющая; и вахтенные на палубе, и впередсмотрящий, и все другие крепко спали, включая собаку, — ее место было внизу, и в полночь она там улеглась. Так вот, примерно через час после полуночи у двери капитана раздался громкий лай, в дверь царапались. Капитан выскочил из каюты и увидел собаку, которая в диком возбуждении кинулась бежать и прямо-таки говорила ему, чтобы он бежал за ней, бежал быстро. Понимаете ли, в трюме начался пожар, и собака его учуяла. Капитан устремился вниз, а собака бросилась будить других.

Боже, боже, мы спаслись в самое последнее мгновение! Огонь подобрался к бочонкам с порохом, и через минуту или две

мы взлетели бы на воздух. Буквально в полсекунды капитан отбросил бочонки, и угроза миновала, так как главный груз пороха лежал дальше, ближе к носу корабля. Мы все сбегали вниз. Бледные? О, мы стали бледные, словно призраки, когда поняли, насколько были близки к гибели. Чуть опомнившись, мы бросились к собаке, принялись ее обнимать, гладить.

Капитан зарычал на нас:

— Ласкайте ее теперь, негодяи! Это она спасла мне жизнь, а не вы, ленивые клячи. Никогда не любил собак, ну, а теперь, если кто станет их бранить, непременно расскажу про этого пса.

Бочонки с порохом полетели за борт, а мы заметались по кораблю, подтащили к шлюпке продовольствие и воду, захватили и компас, и секстант, и карту, и всякие прочие мелочи. Собака нам помогала, работала не хуже других, тащила то одно, то другое, а затем топталась у шлюпки, наблюдая, как мы спускаем ее в воду. Понятливый пес? О, вы не поверите, какой он был понятливый, какой умный!

Когда все, кроме капитана, сели в шлюпку и бушующее пламя осветило океан, капитан привязал собаку к грот-мачте, спустился к нам, взялся за румпель и сказал:

— Готово. Отчаливай!

Мы на мгновение онемели, а потом все разом закричали:

— Как же, капитан? А собаку оставим?

Он в ярости заорал:

— Слышали команду? Отчаливай!

Верите, слезы потекли по нашим лицам. Мы говорили капитану: «Слушайте, собака нас спасла. Как же мы ее оставим? Позвольте, капитан! Возьмем ее с собой».

— Что? На этой скорлупе? Да вы понимаете, о чем говорите? Собака займет места больше, чем целая семья с детьми. Да и сожрет не меньше. Ну, ребята, вы меня знаете, — закончил он, вытаскивая старый револьвер с барабаном. — Отчаливай!

Ох, тяжело было смотреть, как вела себя несчастная собака! Сначала она прыгала, дурачилась, лаяла, радостная и веселая, но когда увидела, что мы отплываем, затихла и стояла неподвижно, глядя на нас; казалось, поняла, но не могла поверить. И какой она выглядела красивой,

какой прекрасной в багровом отблеске пожара! Это был огромный сенбернар с кроткой, доброй мордой и мягкими, ласковыми глазами, какие бывают у собак этой породы.

Очень скоро убедившись, что ее покинули, она как бы обезумела; поднялась в ярком свете на задние лапы, кидалась, рвалась, тянула веревку, выла, стояла, просила, — да, просила настолько понятно, как если бы говорила нам: «Не покидайте меня, пожалуйста, не покидайте, я ни в чем не виновата». Но вот пламя охватило и поглотило ее, она два или три раза страшно взвыла, и все было кончено. Матросы плакали, как дети.

В глубине сердца мы верили, что судьба покарает капитана. И она его покарала, как вы увидите.

II

Когда наш корабль потонул, мы были в Индийском океане — примерно в пятистах милях к югу от Порт-Наталя и примерно на таком же расстоянии к юго-востоку от Кейптауна в Южной Африке. Капитан прокладывал курс по звездам и взял на север, так как думал, что мы находимся немного южнее пути, которым пользуются суда, идущие в Наталь или Австралию. Подул свежий ветер, и мы шли хорошим ходом. Часа через четыре забрело утро, и первое, что мы увидели на горизонте к западу от нас, были смутные очертания верхнего рангоута какого-то корабля. Он шел на восток, пересекая наш путь. С радостными криками мы изменили наш курс, чтобы плыть навстречу ему. Но радость наша была меньшей, чем можно было ждать, так как нас не оставяла мысль, что бедную собаку напрасно обрекли на гибель; если бы мы ее взяли, она не отняла бы у нас ни места, ни пищи.

Капитан считал, что он родился счастливым, и сказал сейчас об этом своему помощнику; встречая с этим кораблем, сказал он, чистая удача, и никому другому так не повезет. Да, конечно, дело выглядело так, но в то же время мы думали: а повезло ли кораблю, который к нам приближался? Мы боялись, что наш капитан принесет ему несчастье, что его самого, а вместе с ним и нас, постигнет беда в наказание за то, как он обошелся с собакой, которая нас спасла. Это и случилось, как я уже говорил.

Примерно через час мы были на борту корабля; оказалось, мы его знали, и команду тоже; это был такой же корабль, как наш, и принадлежал он той же самой компании, и стоял на погрузке в одном порту с нами, и взял такой же груз — продовольствие для новых рудников и кое-что еще, например свечи, порох, фитили и тому подобное. Корабль назывался «Аделаида». Он вышел из порта на неделю или дней на десять раньше нас, но мы, очевидно, опередили его, пользуясь попутным ветром. Его капитан умер с месяц назад от какой-то болезни, и его молодая вдова, миссис Мосли, все время горевала и плакала; она страшно боялась, как бы что не случилось с ее маленькой дочуркой. Двое из команды корабля умерли от той же болезни, так что на нем остались помощник капитана, второй помощник и пять матросов. Теперь вместе с нами находилось семнадцать мужчин, а еще женщина и ее ребенок.

Наш капитан сразу же принял командование и начал отдавать приказы, ни с кем не считаясь, — такова уж была его манера. Это был неверный подход, он породил враждебность.

Капитан назначил вахты, и корабль продолжал свой путь в Австралию. Ветер посвежел, небо потемнело, и меньше чем через час поднялся страшный шторм. Мы убрали паруса и беспомощно неслись, подгоняемые ветром, прямо на юго-восток. Неслись день и ночь, день и ночь целых восемнадцать суток, ни разу не увидев ни солнца, ни луны, ни звезд, — сотни и сотни миль дрейфовали по бушующему морю, не имея понятия, где мы находимся, если не говорить о прикидках, сделанных вслепую.

Последние два-три дня капитан ходил бледный, а теперь на него просто страшно было смотреть. Мы узнали причину от его помощников: капитан полагал, что сейчас мы южнее острова Кергелен — может быть, почти на полпути между ним и Южным Полярным кругом. Эта новость заставила и всех нас побледнеть: если так, мы приближаемся к Скаковому кругу дьявола.

Когда этот холодный, хмурый восемнадцатый день подходил к концу, все были на палубе, — даже те, кто отбыл вахту, все, как один; все молчали; никто даже словом не перекинулся с теми, кто стоял рядом; всех интере-

совало только одно — компас. Капитан стоял на носу корабля и наблюдал за стрелкой, ничего не говоря. Офицеры и команда столпились вокруг компаса на корме и следили за ним в полном молчании. Опустилась ночь, густой, как чернила, мрак заливал корабль; ветер свистел в гольях снастях; шквалы со снегом, градом, крупной следовали один за другим; дикая ночь, пронизывающий холод, волны вздымают корабль, кружат и бросают из стороны в сторону.

Ни зги не видно; не различишь свою собственную руку, поднятую к лицу, — все теряется во мраке, все, кроме двух или трех лиц, склонившихся над лампой компаса, которые выделяются во тьме, словно лица бестелесных привидений.

Вдруг раздалось проклятие, возгласы ужаса, и лица исчезли, на их месте показались другие. То, чего ждал каждый из нас, случилось, — компас безумствовал. вихрь затянул нас в Скаковой круг дьявола.

Большинство из нас всю ночь оставалось на палубе. Некоторые пошли спать, но какой это был отдых — короткий сон, кошмары, внезапное пробуждение в холодном поту.

Когда наступил день, мы едва его заметили, так мало он отличался от ночи. И весь день было то же самое; мы слышали крик чаек, но не видели их, только изредка большой белый альбатрос смутно пронеслся во мгле, как призрак.

Мы пережили девять таких дней и ночей — все тот же ревущий ветер, и вздыбленное море, и бурные вихри снега, града, крупы, и крик чаек, и проносящиеся во мраке альбатросы; а потом, на десятое утро, буря начала утихать, море успокаиваться, порывы ветра становились все слабее и реже, мрак смягчался и рассеивался, чаек было все меньше; и примерно в полдень нас вынесло из высокой стены мрака и туч к спокойному морю, ясному небу, глубокой, глубокой тишине. Черная изогнутая стена описывала гигантский круг; она была так высока, что ее дальняя сторона круто вздымалась над морем, хотя находилась в пятидесяти милях от нас. Мы оказались в западне; и эта западня — Нескончаемое воскресенье.

Нам не нужно было говорить об этом; каждый знал сам. И

каждый из нас содрогнулся, почувствовал безнадежное отчаяние.

Неделю мы медленно дрейфовали вдоль стены туч, отходя от нее все дальше и дальше; а когда отошли на десять-пятнадцать миль, остановились и, казалось, намертво приросли к месту. Мы кидали за борт пустые бутылки и следили за ними. Они совсем не двигались — во всяком случае, в каком-либо одном направлении. Иногда бутылка оставалась там, куда ее бросили; иногда мы обнаруживали, что час спустя она передвинулась на пять или шесть ярдов вперед или на столько же ярдов назад.

Ужасающая тишина и отсутствие жизни. Не видно ни птицы, ни какой-либо твари; гладкую поверхность моря никогда не прерывает плавник; ни малейшее дуновение ветерка не освежает мертвый воздух, не слышно никаких звуков, даже самых слабых, — всюду гробовая тишина. Мы и сами не проявляли признаков жизни, а сидели порознь, каждый сам по себе, погруженные в свои мысли, почти не двигаясь. Среди этой глубокой инертности, этого всеобщего паралича жизни и энергии, если говорить об одушевленных существах, была одна вещь, у которой энергия переливалась через край, бушевала, буйствовала; это был компас. Его стрелка кружилась, металась, не зная покоя ни на минуту. Компас вел себя, как смертельно напуганное существо, охваченное безумным страхом за свою жизнь. И он пугал нас, нам невыносимо страшно было видеть его отчаяние, его безнадежную борьбу; мы начинали верить, что он наделен душой, и эта душа — в аду.

Никогда уже больше у нас не случалось непогоды, — над головой всегда ясное небо, ни клочка облаков, ни единой снежинки, ни капли дождя, только застывший ледяной воздух; яркая белая камка на палубе, рангоуте, снастях, — корабль, казалось, сделан из сверкающего инея. Тянулись дни; нас смертельно утомило однообразие неизменно ясного неба, и мы с какой-то тоскливой завистью смотрели, как в далекой темной стене глухо полыхают сквозь тучи молнии.

Попытаться выбраться отсюда? Ох, никто не хотел! Что это даст? Но капитан, конечно, сделал такую попытку, это было в его характере. Он посадил команду на одну из шлюпок и отплыл. На некоторое время они исчезли за стеной облаков; затерялись в ней,

понятно, — компас не помогал — и чуть не пошли ко дну в бурном море. Они не так уж долго пробыли за глухой стеной; течения скоро вынесли их обратно в Нескончаемое воскресенье. Наш корабль стоял довольно далеко, но был еще виден; капитан вернулся на борт и никогда ни слова не говорил о своей попытке. Он был сломлен, как и мы; ходил такой же подавленный и, думаю, молил бога о смерти. Мы все молили о ней.

Однажды утром, когда мы уже семь месяцев находились там, постепенно продвигаясь, дюйм за дюймом, все ближе и ближе к середине круга, внезапно корабль охватило возбуждение, все задвигались, — впервые за долгое время, так что это казалось чем-то странным, новым, неестественным, будто никто раньше ничего подобного не испытывал; мы были тогда словно трупы, трупы людей, умерших много лет назад, — мы забыли сильные ощущения, не понимали их.

По палубе стремглав промчался матрос с криком: «Корабль! Корабль!» Унылые люди, безучастно сидевшие или дремавшие там и сям, смотрели на него как бы в полусне, с досадой; от его криков у них болела голова, он их раздражал; их мозги настолько оступели, что его слова сначала не доходили до них, они давно отвыкли говорить друг с другом. Но, конечно, скоро они его поняли и тогда очнулись, пришли в страшное возбуждение, как я уже говорил.

Мы действительно различили вдалеке корабль; когда осветлело, увидели другой, потом еще один, и еще, и еще — целый флот кораблей, разбросанных кругом, на расстоянии примерно мили один от другого. Мы ослепнели от удивления. Когда они пришли и как попали сюда столь внезапно, да еще так много? Мы были вне себя от радости. Может быть, они принесут нам спасение. Если эти корабли смогли для чего-то прийти сюда, они наверняка сумеют и выбраться отсюда.

Какая началась суматоха, спешка! Мы спустили шлюпки, и меня назначили загребным на шлюпку старшего помощника капитана. Я был рослый двадцатитрехлетний парень и считался уже опытным моряком. Прежде всего мы подняли на бизань-мачте флаг — перевернутый*, конечно, —

* Перевернутый флаг — сигнал бедствия.

и, оставив под ним плачущую от радости молодую вдову с дочуркой, отчалили ясным морозным утром.

До ближайшего корабля было добрых двенадцать миль, но мы pokrыли их за три часа, — без паруса, понятно, ветра не было. Когда корпус корабля до половины поднялся над горизонтом, мы стали подавать сигналы, но не получили ответа; примерно в это время мы уже смогли разглядеть, что корабль довольно старый и ветхий. Чем ближе мы подходили, тем более ветхим он казался, и мы не заметили на нем никаких признаков жизни, никакого движения. Мы начали подозревать истину, а очень скоро убедились в ней, и наше настроение упало. Да, это была всего лишь, можно сказать, ободранная старая калоша, старый, гнилой каркас: реи торчали как попало, кое-где висели куски истлевших парусов. Мы прошли под кормой корабля и увидели его название; буквы потускнели, мы едва их разобрали. «Горацио Нельсон!» У меня перехватило дыхание. Я знал этот корабль! Когда я был десятилетним мальчишкой, мой дядюшка Роберт отправился на нем в плавание старшим помощником капитана; с тех пор о нем ничего не слышали — тринадцать лет.

Вы, наверно, уже догадываетесь, что мы увидели: среди подернутых инеем обломков, устилавших палубу, — в точности как на нашем корабле — повсюду лежали люди, а двое или трое сидели, поддерживая голову рукой, поставленной на колено, — так непринужденно! Но нет, это были не люди, а иссохшиеся кожанные фигуры. Мертвецы уже двенадцать лет. То же самое было у нас перед глазами семь месяцев: мало-помалу мы станем такими же, как они. Здесь предсказана наша судьба — вот о чем мы думали.

Я нашел своего дядюшку; я его узнал по цепочке от часов. Он меня баловал, когда я был мальчишкой, и я заплакал, увидев его таким. Таким... Но я и сам, наверно, скоро буду таким. У меня еще сохранились его часы и цепочка, можете посмотреть, если хотите. Часы остановились в двенадцать минут четвертого, не знаю, дня или ночи. Но он уже умер, когда кончился завод, только это и могли показать часы.

Вахтенный журнал корабля перестали вести через такое же время, как мы, — через три дня

после того, как они попали в Нескончаемое воскресенье. В журнале те же однообразные записи, что и в нашем, и почти одинаковыми словами; потому пустота, и эта пустота красноречивее слов,— она выражала отчаяние. Записи показывали, что «Горацио Нельсон» был затянут в Нескончаемое воскресенье 2 июня 1840 года.

Мы осмотрели один за другим все корабли и везде находили ту же страшную картину. И всюду, за исключением одного корабля, вахтенный журнал кончался на третий или четвертый день пребывания в этой смертельной ловушке. Если один день абсолютно похож на другой, зачем о них писать? И что писать? Мир продолжает существовать, но История пришла к концу. «Горацио Нельсон» попал сюда предпоследним—одно китобойное судно из Новой Англии занесло в этот круг шесть лет назад. Английский корабль «Эвридика», простоявший тут тридцать три года, был переполнен мужчинами и женщинами. Мы увидели на его борту 260 иссохших трупов — это были, очевидно, каторжники, отправленные в Австралию, и их охрана: мы нашли в трюме кандалы, больше двухсот комплектов. Одно испанское судно находилось здесь шестьдесят лет. Но самым старым из всех, хотя, пожалуй, в самом лучшем состоянии, оказался английский военный корабль «Роял Брунsvик». Он погиб со всей командой в первом же плавании, как говорят старинные хроники, — и даже баллады, — но вот он перед нами. Он здесь с 10 ноября 1740 года — сто тринадцать лет!

Видимо, из-за чистого, сухого, морозного воздуха некоторые вещи хорошо сохранились, например одежда. На расстоянии казалось, что люди на этом корабле еще живы, так естественно они выглядели в своей забавной старинной форме. Мы увидели там и адмирала — старого адмирала сэра Джона Тэрлоу; мне пришлось читать о нем в исторических книгах, он служил еще при Мальборо, был тогда гардемарином. На нем была треуголка и большие эполеты, как будто его нарядили для Музея восковых фигур мадам Тюссо: мундир в золотых галунах, настоящее золото, не потускнело. Сидя на лафете пушки, он устало откинул голову на ствол; на коленях старый кожаный портфель, под рукой перо и пустая чернильница.

У него был благородный, величавый вид, точно он сошел с картины — старый боевой английский адмирал, один из тех, что сделали Англию владычицей морей. По общему побуждению, без приказа, мы выстроились перед ним и обнажили головы. Затем капитан Кейбл вышел вперед и хотел взять портфель, но из-за своей неповоротливости слегка толкнул локоть адмирала, и тот опрокинулся на палубу. Он упал мягко и бесшумно, словно мундир, набитый шерстью, и в воздухе поднялось легкое облачко пыли; наверно, подумали мы, он

внутри развалился. Мы опять обнажили головы, подняли адмирала, почтительно отнесли в его каюту и положили на покой. И мы увидели на этом корабле, насколько сильно отличается дисциплина в военном флоте и торговом. Вахтенный журнал здесь продолжали вести, пока оставался в живых хоть один офицер. Видите, как крепко власть и сознание долга держат обученного моряка. Когда люди начали голодать и умирать, они...

Перевел с английского
Г. БАБЕНЫШЕВ

На этом рукопись обрывается. Твен привел нас в зачарованную зону, показал плененные в ней корабли. Нам осталось спастись из нее вместе с моряком, от имени которого ведется рассказ. Как представлял Твен обратный путь, когда прервал работу над рукописью? Мы этого не знаем. Никаких заметок, открывающих его замысел, писатель не оставил.

А какой выход из создавшейся фантастической ситуации видите вы, уважаемые читатели?

ЗА ЛЕНИНСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРИРОДЕ

Их тысячи только в нашей стране. В известняках, гипсах, в соляных пластах... На Кавказе, Урале, в Крыму, под Тернополем и Красноярском, в Архангельской области и в Туркмении... Пещеры. Неиссякаемый источник знаний о Земле, ее истории, ее обитателях, источник, который сама природа предоставляет людям. Исследователи самых различных направлений становятся сегодня участниками спелеологических экспедиций — гидрологи, минералоги, кристаллографы, биологи, палеонтологи, археологи, физиологи... Ведь в пещерах, под землей, можно многое узнать о путях подземных вод и образовании минералов, увидеть естественные геологические обнажения и рисунки древнего человека, оставленные им много веков назад на стенах

своего первого дома; можно испытать воздействие на психику человека закрытого пространства и исследовать живые организмы, приспособившиеся к существованию в вечной темноте.

«Исследовать и охранять!» — девиз спелеологов. Охранять от тех «туристов», которые нещадно руют красоту пещер, не задумываясь над тем, что великолепный, полный загадок мир подземелий природа создавала миллионы лет и что, разрушенный, он не восстановим. Охранять для ученых, для настоящих туристов, которым путешествия под землю приносят радость открытий...

Несколько лет назад президиум Центрального совета по туризму принял постановления, в которых ставилась задача разведки и изучения пещер, «с тем чтобы эти замечательные памятники природы стали достоянием широких масс трудящихся». Проводить в жизнь эти решения взялась большая армия советских спелеологов.

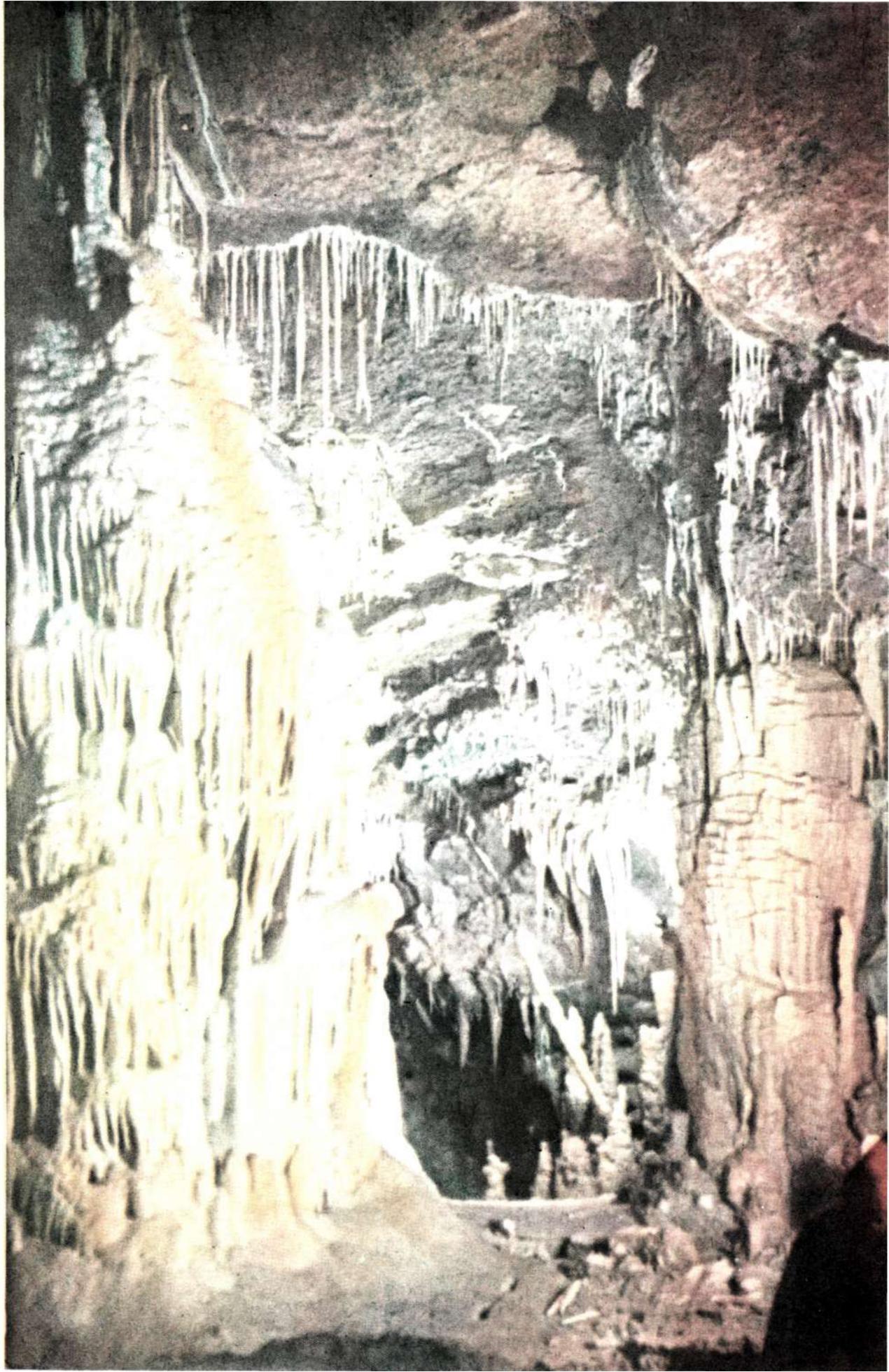
Мы предлагаем читателю рассказ об одной из подземных экспедиций.

В. ДЕМИДОВ

ШТУРМ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ

Крыша палатки светилась, как промасленная бумага. Вот уже два дня она не просыхала. Пятипалые широкие листья приклеились снаружи. Владимир еще секунду не вылезал из мешка, слушал. Тихо. Кажется, дождя нет. Значит, сегодня... И так уж заждались. Вот тебе и Кавказ, солнечный Кавказ! Погодка-то прямо ленинградская.

Илюхин выскочил наружу. Разминаясь, огляделся.

Сырая пелена тумана растворила вершины каштанов, наполнила всю котловину прелыми запахами. В воздухе висела пронзительная морось, но все-таки это не дождь. Из мороси вставал недалекий хребет.

«Штурм. Сегодня — штурм», — подумал Илюхин и поглядел туда, где должны были быть входы под землю, входы в пещеру Географическую. Туман там висел особенно густо. Владимир представил, как нырнет в шель Нудного хода, и азарт близкого штурма заполнил его радостным холодом.

...Дождь, ливший несколько дней, спутал планы экспедиции. По ложбинам возле лагеря бежали мутные ручьи; конечно, в пещере потоки тоже взбухли. Лезть под землю в это время было опасно. Правда, один раз, когда дождь приутих, спелеологи все же решились рискнуть. Группа красноярцев ушла на разведку. Ребята прошли первый узкий лаз, который кто-то окрестил «шкуродером». Лаз оправдал такое имя — после него комбинезоны выглядели печально. Но вскоре к первому имени как-то само собой прибавилось второе — «трамвай». По-видимому, и здесь, в подземелье, не забывались городские часы «пик».

Спелеологи благополучно прошли «шкуродер-трамвай», за которым, они знали, можно будет передохнуть и выпрямиться в довольно широкой и высокой галерее. Но отдыхать не пришлось...

Галерею затопил поток. Он хрипел и стонал от ярости. Скованный известняковыми стенами, он бил в камень и тащил с собой в тартарары глыбы.

Группа снова винтилась в «трамвай», радуясь, что путь отступления пока свободен...

Да, дождь мог преподнести сюрпризы. Но сегодня он, наконец, иссяк, только сеял последнюю томительную пыль, и Владимир надеялся, что и под землей вода теперь войдет в свои берега.

Лагерь просыпался. Десять палаток и еще одна — штабная — наполнились голосами, хохотом, движением. Кто-то уже колдовал у костра, и скоро вся поляна оживила.

Экспедиция называлась «Сибирской». Основу ее составляли красноярцы, и руководителем был Игорь Ефремов, красноярец; треть ребят была из Новосибирска, да еще один отряд пришел из Сочи: как-никак от их родного города до Географической — рукой подать.

Сам Илюхин — москвич. Но почти всех знал по прошлым спелеологическим слетам и штурмам пещер. Собрались в экспедиции опытные спортсмены. И это не было случайностью — глубина подземной пропасти внушала уважение. Географическая была разведана до глубины 150 метров. Но на том не заканчивалась. В прошлом году первая штурмовая группа сумела пройти лишь до первого сифона. Теперь, в 1967 году, предстояло заглянуть и дальше. Новичкам, несомненно, тут делать было нечего.

Новички... Лет десять назад ему, Владимиру Илюхину, теперешнему председателю Всесоюзной секции спелеологии, а тогда просто «пещерному туристу», и в голову бы не пришло делить своих товарищей на новичков и на многоопытных спелеологов.

Секции спелеологов в отдельных городах возникали сами по себе. Они почти не были связаны друг с другом, и часто соседи даже и не догадывались, что где-то рядом существуют такие же, как и они, одержимые пещерными скитаниями ребята.

Летом 1959 года в «Комсомолке» появилась крошечная заметка: «Пещеры зовут романтиков». Заметку написал симфероплец, сотрудник Института минеральных ресурсов Дублянский. Вероятно, ни сам автор, ни спелеологи тогда не предполагали, что эти несколько газетных строчек помогут им найти друг друга и объединиться.

В том же году Владимир Илюхин, собрав группу «пещерников», отправился в Крым.

Весь отпуск они работали на Ай-Петринской яйле вместе с Виктором Николаевичем Дублянским и Борисом Николаевичем Ивановым, тоже симферопольцем, одним из самых известных специалистов по карсту и селям. Эта экспедиция запомнилась и москвичам, и симферопольским спелеологам, и ленинградцам, разыскавшим Дублянского после заметки в «Комсомолке». И дело было не только в том, что тем августом они провели захватывающие штурмы и исследования двух пещер — Каскадной и Скельской...

Когда прозрачные сумерки начинали далеко внизу затягивать пепельной дымкой Мисхор и Алупку, когда ярче разгорались неоновые огни поселка Ялты, а сосновые леса ай-петринских склонов казались туманными озерами, спелеологи собирались на метеостанции. Здесь, на временной базе, сбросив комбинезоны, они фантазировали, спорили и обсуждали то, что волновало их давным-давно.

Что есть спелеология? Симбиоз спорта и науки? А если так, то где разыскать таких универсалов, спортсменов-ученых, или, может быть, их надо готовить? Вспоминали строки Кастере: «Таковыми часто бывают спелеологические открытия: от головокружительной акробатики, самых энергичных видов спорта, от самых рискованных трюков спелеолог-исследователь переходит к наблюдениям, к чисто научным, иногда философским размышлениям...» И снова спорили — доступна ли спелеология многим или это счастливый удел избранных? Как организовать, стянуть, объединить в одно целое уже существующие секции? Всем было ясно одно: пора кончать одиночные поиски.

Спустя некоторое время под эгидой Центрального совета по туризму возникла Всесоюзная секция спелеологии. Был проведен I Всесоюзный слет спелеологов. В разные концы страны отправлялись всесоюзные экспедиции: первая, вторая, седьмая... Они приступили к планомерным поискам и разведке. Было найдено и описано по всей стране около трех с половиной тысяч пещер. В 1956 году были известны едва ли две сотни...

Илюхин, Мартюшев и Бондаренко продирались в темноте Нудного хода. Их троице да еще двум ребятам, работающим отдельно с водяным нивелиром, предстояло провести топографическую съемку пещеры Географической. Перед топографами ушла под землю штурмовая группа. Она имела свою задачу — прорваться за первый сифон и по возможности обследовать пещеру до конца.

Владимир перевернулся на бок, левую руку

выбросил вперед и нащупал следующий уступ, правой отжался от скалистого основания трещины-хода и подтянулся на полметра вперед. Еще раз, теперь уже отталкиваясь ногами, продвинулся сантиметров на тридцать... Гидрокостюм противно скрипел, задевая за скалистые клыки. «Пожалуй, метров шестьдесят-семьдесят прошли», — прикинул Владимир и тут же уперся каской во что-то мягкое. Посветил фарой — подметки Мартюшева...

— Боб, отдыхаешь?

— Ага, вспотел немного. — Боб говорил словно в трубу. Потом он быстро подвигал ногами, подбирая их под себя, и спросил: — Как думаешь, метров сто пятьдесят одолели?

У Географической было два входа — Нудный и Основной, где, если не считать известного «трамвая», можно было выпрямиться в полный рост. Но «трамвай» по сравнению с мытарствами хода Нудного был прогулочной дорожкой, потому что был короток. Длина же Нудного около шестисот метров. И каких метров! Все их надо было пройти боком. В довершение всего Нудный был изломан 199 поворотами...

Конечно, можно было бы топографам воспользоваться более легким Основным ходом. Но, подумав, решили, что этот ход лучше отдать полностью в распоряжение штурмовой группы экспедиции. Вдруг что-то из необходимого снаряжения придется спускать под землю, или случится какая беда, потребуются срочно внизу спасотряд, — нет, лучше иметь Основной ход все время свободным. Вот почему они трое и штурмовали эти шестьсот метров, обдирая о камни гидрокостюмы и чертыхаясь.

Непроницаемо черный ход уводил топографов все глубже и глубже. Но вот, наконец, они выбрались в галерею, где встречались оба хода. Отсюда начиналась дорога, по которой только что прошла штурмовая группа.

Топографы миновали Глиняный зал, высокий, гулкий, как в церкви, и оказались у первого лаза, до потолка заполненного водой. Сифон. До сегодняшнего дня ни один человек не был за этой преградой. Сейчас уже за сифоном шли ребята из штурмовой группы.

Метров семьдесят топографы карабкались под водой, хватая ртом воздух в редких пазухах — воздушных карманах. За первым сифоном их ждал глубокий колодец. Мартюшев осветил его отвесные стены: блеснули дюралевые ступени — лестница была заботливо отведена из-под водопадов и прикреплена к стене шлямбурными крючьями.

Колодцы чередовались с узкими трещинами-ходами. Своды трещин, темно-серые стены известняка, однотонные даже под лучом фары, действовали угнетающе. Наконец топографы догнали штурмовую группу. Ребята молча стояли перед вторым сифоном.

Он был страшен и красив. В огромную крутую трещину, разорвавшую пласты известняка, устремлялся поток. Он не был похож на обычную подземную речку или ручеек, которые бегут не торопясь в вечном мраке и тишине и то и дело разливаются мертвыми озерами. Здесь, перед вторым сифоном, вода, словно беря разбег, вписывалась в поворот каменного русла и потом сразу бросалась по наклонному дну — в трещину. Так на трековых гонках велосипедисты замирают на секунду на борту бетонной чаши и затем сломя

голову, бешено раскачиваясь в седлах, срываются вниз...

Игорь Ефремов готовился нырнуть в трещину: если за сифоном обнаружится продолжение галереи, Географическая, может быть, побьет рекордную глубину Назаровской пещеры на Кавказе — 330 метров.

«Топотройка», пожалев, что штурм сифона увидеть не придется — ждала работа, — медленно отправилась наверх, в обратный путь. Теперь к обычным трудностям подъема прибавились тяготы подземной топосъемки.

Никто из них троих не был профессиональным топографом. Владимир, к примеру, кандидат физико-математических наук, сотрудник Института кристаллографии, еще лет двадцать тому назад и не представлял, что вот так будет ползать по пещерам, тянуть мерную ленту и брать отсчеты компаса. Вначале ему казалось, что знания и технику топографов и маркшейдеров без труда можно приспособить и для съемки пещер. Но оказалось, что громоздкую технику под землю, в узкие лазы и в колодцы с камнепадами не заставишь. И спелеологам пришлось разрабатывать собственную методику топосъемки пещер, модернизировать и приспособлять к подземельям приборы, искать формулы, с помощью которых можно было бы определить объем сложнейших полостей. Топографические планы нужны были и спелеологам, и строителям, и ученым-карстологам.

Конечно, и после того, как методика была разработана, лазанье по вертящимся тросовым лестницам с сорокаметровой пластиковой трубкой водяного нивелира и мерным пузырьком не становилось слаще. Зато потом, словно в награду, где-нибудь у стола чертежников, можно было разом увидеть всю пройденную пещеру, памятную живыми деталями: водопадами, дворцовым великолепием сталактитовых залов, шепотом ручьев и жемчужной капелью...

Правда, Географическая ничем особенным, кроме своей глубины, порадовать не могла. Была она гола и промита бешеными потоками, продута сырыми сквозняками. Французы такие пещеры называли «пропастями». У нас их нарекли «шахтами». И то и другое название к Географической шло: местами она и правда выглядела как рудничная шахта и дышала холодной бездной. Уже потом, после экспедиции, топографы вычертили ее схему: рисунок напоминал веревку со многими извивами; линия шла то перпендикулярно, то параллельно поверхности.

...Владимир вылез из очередной щели. Поднял фару — свет уперся в пустую темноту. Колодец. Словно труба... По стене змеилась лестница, рядом покачивалась мерная лента: Мартюшев только что поднялся по качающимся ступеням.

Ощущение пространства, которое давал колодец, действовало успокаивающе. Нет, Владимир никогда не испытывал приступов клаустрофобии — боязни закрытого пространства — и знал о таких вещах только по рассказам. Ему самому не раз приходилось читать лекции в школах юных спелеологов; и он обязательно начинал свой рассказ с перечисления тех «боязней», которых не должно

¹ Недавно титул рекордсмена по глубине (в нашей стране) был передан новой кавказской пещере — Октябрьской. Глубина ее, как установили исследователи, — 400 метров.

быть у спелеолога: боязни темноты, воды, одиночества, высоты. Другое дело, что под землей почти каждый турист и исследователь испытывали постоянное чувство осторожности: вот сейчас случится что-то неожиданное... И все-таки в колодцах было веселее. Только вот водопады хлестали здесь, сбивая с ног. Казалось, что на тебя направлен широкий, метр-два в диаметре, шланг. Было холодно. Спасали гидрокостюмы...

Вспомнился французский геолог-спелеолог Мишель Сифр, который добровольно провел в подземном одиночном заточении два месяца, и его мысли о том, что пещеры могут стать идеальным местом для некоторых видов тренировки космонавтов. Действительно, в пещерах, которые сами по себе уже являются естественными сурдокамерами, присутствует и тот элемент возможной неожиданности, который соответствует условиям космического полета.

Когда позади остался шестой колодец и ход немного расширился до размеров небольшой комнаты, топографы решили перекусить. Эта полость уже была облюбована под столовую штурмовой группой — на плоской глыбе спелеологов ждал примус и кое-какие консервы. Примус устрашающе пыхнул высоким пламенем и загудел ровно и сердито. Трое уселись вокруг него, как могли бы сидеть где-нибудь возле костра в тайге, под высокими кедром и далекими звездами. Но им было и так хорошо, потому что как раз вот о таком отпуске, о таких днях они мечтали весь год; и потому еще, что впереди их ждал длиннющий первый сифон, а в сифоны всегда ныряешь с замирающим сердцем.

Подземные полости, заполненные водой, — враг номер один для спелеологов. Это было известно с тех самых пор, как знаменитый французский спелеолог Кастере впервые в мире — лет сорок назад — штурмовал первый сифон. Многие трагедии под землей были связаны с сифонами...

Теперь топографам предстояло пройти сифон еще раз — много метров под водой в каменном туннеле, — и пройти не просто так, а со съемкой.

Но сифоны были не только бедой; они вместе с глубокими колодцами и «шкуродерами» служили как бы средством обороны, которые выдвигала сама природа, защищаясь от алчных до сувениров «туристов». Да, были и такие среди любителей подземных путешествий.

Многие помнили красоту крымской пещеры Ени-сала II: ее подземные галереи и залы, похожие на залы древних храмов, кальцитовые натёки — драпировки, столбы, кристаллы и друзы... Теперь от нее остался, если так можно выразиться, лишь остов, точно пустые стены дома, предназначенного на слом. Пещеру до черноты закоптели факелами, выискивая, что бы еще можно здесь отбить или откопать. Анакопийскую пещеру тоже испакостили до неузнаваемости, но кальцитовые украшения остались в целости — их было невозможно достать из-за огромной высоты зала. В Каповой пещере на реке Белой, где впервые в Советском Союзе была обнаружена живопись палеолитического возраста и куда ученые ездили расчищать эти уникальные красноохристые фигуры древних животных, появился самодовольный автограф: «АСЯ. ХИМФАК. МГУ». Вспомнив эти метровые буквы, выжженные коптящим факелом прямо по бережно расчищенным рисункам, Вла-

димир внезапно озлился, как тогда в Каповой: «Химфак, МГУ... Каково, а?»

Спелеологи видели, как в знаменитой Красной пещере, в которой до сих пор сохранились многочисленные свидетельства жизни древнего человека, бродили толпы туристов. Они были раздосадованы, что наиболее доступные этажи подземных пустот уже «очищены», и искали пути, чтобы проникнуть во дворцы за сифонами. И тяга отколоть лишний сталактит или друзу там, в нетронутых залах, была так непреодолима, что наиболее отчаянные пытались штурмовать сифоны, экспериментируя с подручными дыхательными аппаратами — кислородными подушками и камерами автомашин.

Когда Владимир увидел первую истерзанную пещеру, он понял раз и навсегда, что спелеологи не имеют права равнодушно взирать на это: настала пора остановить тот развеселый люд, который безо всякой остротки мог утащить домой воз отбитых сталактитов. В прошлом неоднократно принимались решения об охране крымских пещер, но одиночкам-энтузиастам было не под силу проводить их в жизнь. Не было организации, которая кровно интересовалась бы исследованием и сохранением пещер. Теперь такая организация существовала. Существовала армия спелеологов, и — что очень важно — были выделены средства для превращения некоторых пещер в туристские объекты.

...В темной глубине колодца слышались шорохи, голоса. «Наверное, обычные шутки подземной акустики», — решили топографы. Бывает, журчащий ручей вдруг начинает бормотать человеческим голосом — торопливо, взалб, как в бреду, или звук падающих капель, резонируя, становится похожим на шаги приближающегося невидимки. Но на этот раз голоса звучали уж очень правдоподобно. Штурмовая группа!

Бондаренко, он же Боня, разлил по кружкам бульон. Всем его не хватило, и теперь примус старался над следующей порцией. Быстрота, с какой возвратилась штурмовая группа, объяснилась тотчас: штурм второго сифона не получился. Игорь смог пройти под водой метра три, не больше. Он мотался в бурном потоке на страховочной веревке, как воздушный шарик, и его вытащили подальше от греха. Было похоже, что без акваланга в нижний сифон лучше не лезть. Но кто возьмется с 25-килограммовым аквалангом пробраться по «шкуродеру», не говоря уж о Нудном, да еще так, чтобы ни разу не задеть скалу — в баллонах более ста атмосфер, малейшая неосторожность — и беда! Задача...

Глядя на ребят, отогревающих ладони кружками с горячим бульоном, на расстроенное лицо Игоря, на всю ватагу, расположившуюся здесь, в двухстах метрах под землей, Владимир внезапно ощутил прилив того чувства, что было сродни далекой и счастливой мальчишеской уверенности: только захоти — сбудется! Не прошли сегодня сифон? Не беда! Не исследована до конца Географическая? Еще вернемся... Это была уверенность, рожденная не только внезапным хорошим настроением, близостью друзей, но и недавними победами спелеологов: в Львовской области они открыли самую длинную в мире среди гипсовых пещер —

тридцатипятикилометровую Оптимистическую. Казахские спелеологи провели несколько экспедиций в Чимкентской области и разработали четыре комплексных маршрута по пещерам. В Краснодарском крае нашли и разведали около 30 пещер...

— Наверху дождь, — сказал тихо Игорь, аккуратно опуская в ящик трубку самодельного телефона. Телефон этот действовал безотказно, и штурмовая группа всегда брала его с собой с удовольствием. — Наверху дождь, — повторил Игорь и повернулся в сторону сифона, будто так сразу и начнется потоп. — Что будем делать?

Выбирать-то особенно было не из чего. Если дождь будет набирать силу постепенно и не сразу захлестнет потоками подземные галереи и колодцы, можно попробовать успеть выскочить на поверхность. Но по пути все равно придется снимать навешенные лестницы — если вниз устремится вода, понесутся каменные лавины, как рассказывали позавчера красноярцы, — снаряжение погибнет... Можно было попробовать отсидеться здесь, в столовой. Или в крайнем случае пробраться за сифон в Глиняный зал, но тут уж и вовсе не было никакой гарантии, что и столовая и Глиняный зал в конце концов не окажутся затопленными до потолка.

Штурмовики, торопясь, собирали снаряжение. Мартюшев, Илюхин и Бондаренко отправились к сифону.

— Точка! — крикнул Боб и замер.

Илюхин стянул перчатки, достал из-за пазухи пикетажку — книжку с листами миллиметровки — и расстегнул кобуру компаса.

— Длина — восемь сорок! — продолжал Боб чуть громче обычного. — Ширина — полметра ровно, высота — два двадцать!

Боня рисовал в блокноте абрис хода. Илюхин взял три отсчета азимута. Потом спрятал пикетаж-

ку и, как на поводке, привязанный в Мартюшеву мерной лентой, прошел шагов десять.

— Точка! — снова крикнул Боб.

В сифоне, в подводном лазе, пришлось ползти на спине. Высота его — сорок сантиметров — не всегда позволяла сунуть руку за пикетажкой. Лежа на спине достать ее было легче. Точки выбирали в воздушных карманах-пазухах, где голову можно было поднять из потока. Вернее, точки выбирал Мартюшев. Илюхин же во время очередного отсчета, случалось, оказывался в воде. Тогда, отыскав очередную воздушную полость и отдышавшись, приходилось орудовать компасом, восстанавливая примерное направление пройденного пути. Но такие огрехи подземной съемки были неизбежны.

В одном из редких расширений сифона мимо них проскочили штурмовики.

— Около Глиняного ждем! — бросили они на ходу. — Поторапливайтесь!

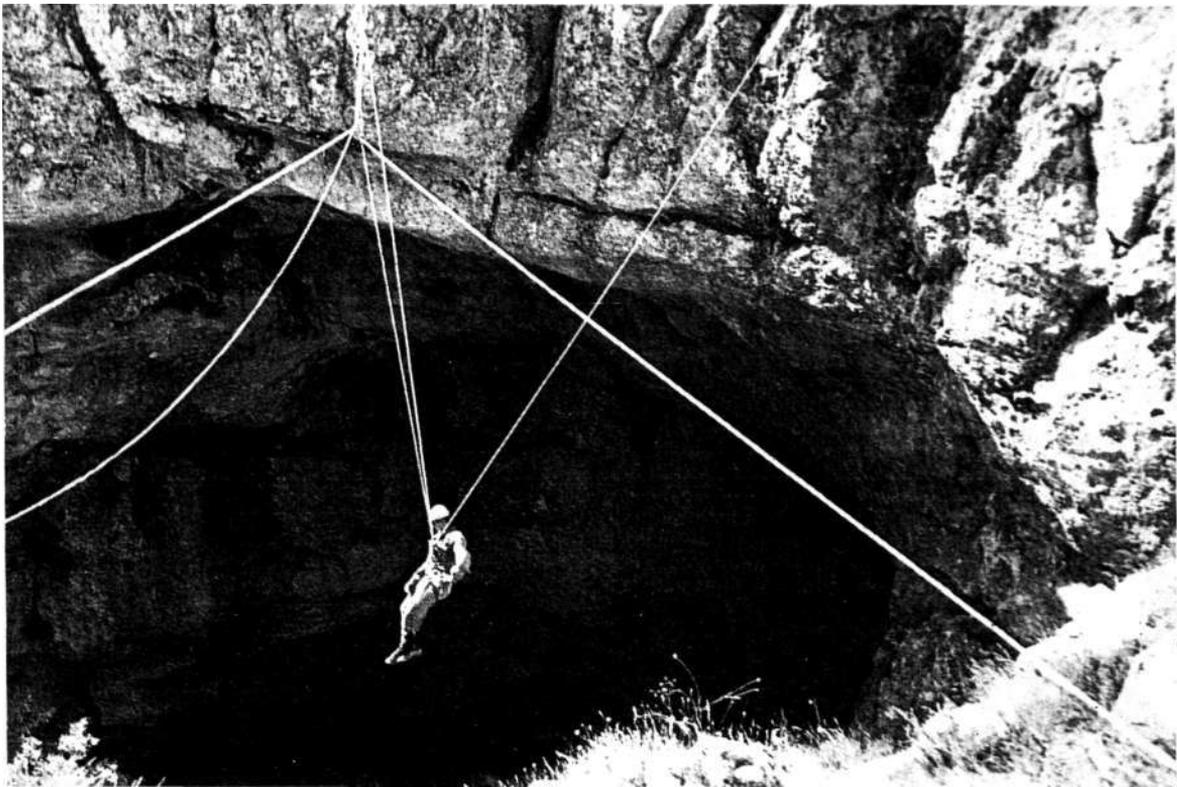
...Высокий зал после сифона показался дворцом. Надо было бы передохнуть, но дождь-то наверху не ждал. Только почему это штурмовая группа так спокойно расположилась?

— А дождь кончился... Переживания отменяются! — весело пробасил кто-то из штурмовиков.

Они вышли на поверхность через тридцать два часа: Географическая была обследована и измерена до второго сифона. Дождь перестал совсем, и даже морось растаяла в теплом воздухе. Ребята, отдав встречающим мотки лестниц, веревок, гроздь карабинов и крючьев, устало поплелись к лагерю. Они долго плескались в ручье, отмывая с гидрокостюмов и с себя жирную глину.

Забравшись в спальный мешок и блаженно вытянув ноги, Владимир сразу погрузился в дремоту; и сквозь наступающий сон перед ним вновь выглянула трещина на дне Географической — начало непройденного сифона. «Что там, интересно, за ним? Надо будет еще раз спуститься...»

Фото В. ИЛЮХИНА

ЖАРКОЕ МОЛОДЕЖНОЕ ЛЕТО

Летом 1969 года на 1100 строек Румынии пришли работать около двухсот тысяч молодых энтузиастов. Стройки самые разные: местные, призванные оказать помощь сельскому хозяйству, и национальные — такие, как шоссе и аэропорты. Кроме того, в «титовский список» молодежных строек вошли и семь крупных ирригационных систем в засушливых районах республики.

МОСТ ЧЕРЕЗ ДУНАЙ

Пролет в полторы тысячи метров соединил оба берега, открыв путь для железнодорожного и автомобильного транспорта из Джурджуэня в Вадул Оий.

Мосты на румынском отрезке строились и раньше. Почти два тысячелетия назад архитектор Аполлдор из Дамаска построил для римского войска мост, следы которого можно и сейчас увидеть возле Турну-Северина. Второй мост был построен в Черноводде в начале этого века. Третий румынский мост появился в прошлом десятилетии. Этот мост, связавший Румынию с Болгарией, недаром называют мостом дружбы: в его строительстве принимали участие специалисты и строители Румынии, Болгарии и Советского Союза. И вот над широким Дунаем повис новый красавец мост. Четвертый!

СТРОИТЕЛИ СТАРИНЫ

Одна из самых удивительных строек Бухареста называется «Зона Куртя Веке» — Зона Старого Дворца. На восьми гектарах будут вновь созданы — в точном соответствии с недавно обнаруженными древними гравюрами — семь торговых улиц, устланных дубовым тесом, лавки кустарных изделий, кожевенные, скорняжные мастерские, корчмы и постоялые дворы. И тогда в центре современного Бухареста откроется своеобразный «живой» музей древней румынской архитектуры.

ПЕШКОМ ВОКРУГ СВЕТА

Это удивительное путешествие было совершено почти 60 лет назад. Участниками его были четыре румынских студента. В течение года они тщательно изучали маршрут, климат, историю и обычаи 74 государств, через которые должны были пройти. Весь путь они проделали в румынских национальных костюмах, давая концерты, знакомя с румынским народным искусством людей, живущих на различных меридианах земного шара.

Путешествие четырех молодых людей было исполнено опасностей. Румынские путешественники попали в плен к аборигенам племени бангуй в Австралии; спасались от охотников за головами в джунглях Южной Америки, просиживали целые ночи на деревьях, чтобы не угодить в пасть к нильским крокодилам. Один за другим погибли на чужбине Александру Паску, Георге Негрянэ, Пауль Пьерву. Единственный выживший, преподаватель географии Думитру Дан, завершил путешествие...

Сейчас пенсионеру Думитру Дану семьдесят восемь лет. Он живет в городе Бузэу. Только в последние два года он получил сто восемьдесят приглашений из разных уголков страны и прочел свыше двухсот докладов о своем необыкновенном кругосветном путешествии.

КОНСТАНЦА, БУХАРЕСТ И ДАЛЬШЕ...

Четверть века прошло с тех пор, как я прошел улицами румынской столицы. После жестоких боев за Констанцу, главный военно-морской порт Румынии, — в то время я, корреспондент фронтовой редакции ТАСС, находился на одном из десантных кораблей из отряда Цезаря Куникова — путь наших войск лежал на Бухарест. На случайно подвернувшемся самолете мне удалось перелететь на один из пригородных аэродромов Бухареста. Город встречал Советскую Армию. Люди вышли на улицы, по которым двигались наши части, и громко скандировали: «Слава вам! Слава вам!», «Красной Армии — ура!» Это было двадцать третьего августа сорок четвертого года... Радость освобожденного Бухареста выливалась слезами, металась зажигательным танцем, плыла песней, пестрела полевыми цветами и была особенно, почти физически ощутима на фоне пораненного войной города.

Пока по улицам Бухареста тянулись унылые вереницы пленных фашистов, пока в казармах коммунисты проводили разъяснительную работу с солдатами румынской армии, пока в городе и по всей стране налаживалась нормальная жизнь, на Дунае наши инженерные части с помощью румынских понтонеров уже начали перебрасывать мост на правый берег Дуная.

С тех пор за годом год вот уже двадцать пять лет я с интересом и, скажу больше, с чувством какой-то сопричастности читаю о жизни Румынии. Вот совсем недавно из поездки по Румынии возвратился один мой добрый знакомый. Много интересного и дорогого сердцу рассказал он мне. У Красной Гривицы, завода-ветерана, раскинулись несчетные кварталы нового Бухареста, в городе выросла многоэтажная громада редакции «Скинтейн», а в самом центре широко разостлалась площадь Республики. Толпы гуляющих вливаются на площадь с бульваров, с Калья Виктория — улицы Победы.

А по Дунаю скользят многоместные «Ракеты» и неспешно следуют своим курсом большие корабли с грузами — из Будапешта, Варны, Александрии, Марселя, Неаполя, из Одессы. Они идут в Констанцу — ту самую Констанцу, куда в начале нынешнего века пришел из Одессы революционный броненосец «Потемкин», в ту самую Констанцу, которую мы освобождали после того, как отбили родной Севастополь, в ту самую Констанцу, которая выросла сейчас в огромный морской порт с грузооборотом в восемь миллионов тонн.

Хорошеет социалистическая Румыния. Но как бы ни была прекрасна страна, она во сто крат краше, когда ты знаешь, что в ней живут друзья, к которым ты двадцать пять лет назад приходил на помощь.

ЕВГЕНИЙ ХАЛДЕЙ

Один Выстрел

Мы заканчивали завтрак возле плавательного бассейна. Стоял жаркий для Кубы день, потому что не было ветра. Но возле бассейна, в тени под деревьями было прохладно, а если войти в воду поглубже, то даже почти холодно.

Я не видел этих двух негров, пока они не очутились рядом с нашим столом, установленным для прохлады под тенью сплетенных ветвей. Я сидел и смотрел на отражения бамбуковых стволов в воде и, когда поднял голову и увидел у стола этих двоих, понял, что начал сдавать. Они подошли, держась вне моего поля зрения, но я должен был их заметить, когда они огибали душевой павильон.

Один из них был очень крупный и крепкий. Лицо его казалось мне знакомым. Второй был его guardaespaldas. Это значит — охраняющий от выстрелов в спину. Ему не обязательно быть таким могучим, и он всегда дер-

жится чуть позади и крутит головой, как подающий в гольфе, когда игра только началась. И у него бывают боли в шее, как у начинающего игрока в гольф или как у оставшегося в живых пилота-истребителя, когда противник в воздухе силен.

У того, который выглядел, как увеличенный экземпляр Джо Уолкотта, было ко мне письмо. От него самого. С ним, как оказалось, случилась неприятность, и он должен срочно уехать в одну южноамериканскую республику. Его облыжно обвиняют в том, что он якобы сидел во втором автомобиле, когда было совершено нападение, при котором два человека было убито и пять ранено. Такие налеты называются «первый-второй». На первой машине едут к добрым знакомым, предварительно удостоверившись, что они дома и никого не ждут. Не останавливаясь, проезжают мимо, делая несколько выстрелов по окнам. Это — вызов. Добрые знакомые, не пострадав и не побоявшись, выбегают на улицу с оружием в руках, и тогда появ-

ляется вторая машина с главными налетчиками и стирает их с лица земли.

Так вот этот человек был, как он мне сам объяснил, облыжно обвинен в том, что он будто бы находился в числе главных налетчиков. Его уже не первый раз облыжно обвиняют. Но он утверждал, что он друг моего друга, которого застрелили на улице с тридцатью пятью центами в кармане и который за всю жизнь гроша медного не присвоил и не сколотил себе богатства, хотя занимал правительственный пост. А это в наши времена кое-что да значит, как вам, джентльмены, должно быть известно.

Этот мой друг, которого застрелили на улице, был отличным футболистом. Он состоял в местной университетской команде полузащитником. Он был председателем спортивных обществ республики, когда его убили. Никто не понес наказания за это убийство. Говорят, что он был несколько скороват на расправу, но я никогда не слышал, чтобы он расстрелял не того, кого надо.

Рассказ написан в 1951 году.

Как бы там ни было, когда его убили, в кармане у него оказалось тридцать пять центов, и у него не было счета в банке и не было при себе оружия.

Так вот, этому человеку, который назвался его другом, и лицо которого мне было знакомом, требовалось пятьсот долларов. Я сказал ему, что это пустяки. Дай бог, его не успеют ни в чем облыжно обвинить до того, как он эмигрирует.

И вот в атмосфере этих бесконечных «пиф-пафов» я намерен написать две тысячи слов об охоте на антилопу, когда ты стреляешь в антилопу, а она ответить тебе тем же не может.

Существует два — вернее, даже три — способа охоты на вилорогую антилопу. Один — это подстрелить самца, который пасется за оградой и считает тебя за своего. В день открытия охотничьего сезона его убьет какой-нибудь хлыщ, которого заманила в Вайоминг реклама, гласящая, что «антилопа гарантируется», и который внимательно озирается по сторонам, ища эту обещанную антилопу. Нередко при этом животное бывает ранено в брюхо и пытается убежать с вываливающимися внутренностями или перебитой ногой. Но ведь оно паслось за оградой, джентльмены, и каким роскошным украшением будут у вас в доме его рога!

Еще на равнинах и на пересеченной местности между Каспером и Ролинсом в Вайоминге на антилопу охотятся с армейских грузовиков — эти берут сразу много охотников; или с «джипов» — на них помещаются всего несколько; или с бронетранспортеров — места хоть отбавляй, зато на удобства рассчитывать не приходится. Но ведь ваша цель — антилопы, ребята, и возможность пострелять вам обеспечена. Названные экипажи доставят вас в непосредственную близость с этими свирепыми животными, и вы покажете — или не покажете — свою меткость. Задержите дыхание, наведите мушку или крест оптического прицела под лопатку зверю и спустите курок. Трофей ваш, ребята, если вы целились правильно и если выбрали крупного самца, а не самку, приняв уши за рога. Не исключено, что вы прострелите ему обе лопатки навзлет, и он еще жив; и, когда вы пойдете с ножом, будет стараться встать, глядя вам в лицо. И по его глазам вы прочтете:

«За что? Ну что я, черт возьми, такого сделал?»

И есть третий способ: вы охотитесь в горах, пешком или верхом на лошади, и никто вам антилопы не гарантирует.

Автор этого рассказа после долгих лет пришел к выводу, что убивать нехищное животное иначе как для еды — грешно, и признает себя кругом виноватым. В наши дни, при современной холодильной технике, когда можно хранить мясо сколько угодно, число охотников значительно возросло. Настолько возросло, что ваше счастье, если за три дня разрешенного отстрела какой-нибудь молодчик хоть раз не трахнет в тебя или по твоей лошади. В таких случаях ответ возможен

один: сразу же стреляйте в ту сторону, только пониже над землей. Потому что антилопа, олень, лось не стреляют в ответ и каким бы ни был спортивно отсталым молодчик, открывший огонь, эта аксиома ему доступна. Если вы и попадете в этого сукина сына, то все равно это будет лишь несчастный случай на охоте. Всегда стреляйте в ответ, если стреляют в вас.

И не вздумайте вывешивать белый флаг. Вас примут за белоголового орлана. А если вы начнете махать красным платком, которые мы носим на стетсоновских шляпах с тех пор, как развелось столько любителей охоты, могут решить, что это лисица, а то и вовсе подрывной элемент. Но я не знаю такого случая, что-

Рисунки В. КОЛТУНОВА

бы после вашего ответа те выстрелили бы снова. Особенно если пустишь пулю пониже, на уровне ног.

Конечно, охотник может отправиться в горы с мегафоном за спиной и, когда в него выстрелят, просто крикнуть в мегафон: «Эй, братцы-охотники, пожалуйста, прекратите огонь! Я животное о двух ногах и плачу подходящий налог; в этом году охотничий сезон на нас еще не открыт. Вы обознались, приятель!» А можно сказать и короче, по-военному: «Отставить огонь! Это я!» Но пока вместе с лицензией не выдают мегафоны, я лично — за то, чтобы немедленно выстрелить в ответ, если какой-нибудь брат-охотник откроет по мне огонь. Потому что, может быть, он даже вовсе и не брат-охотник. Он может оказаться старым знакомым или другом детства и отрочества.

Так вот, насчет антилоп в горах. Забавная в тот раз была охота. Вместе со мной ездил трое сыновей, и один из них, Джек, — он служит капитаном в Берлине — любитель рыбной ловли. Он задумал половить лососей. Из двух других один был все время с нами, а второй присоединился к Джеку в операции «Вернись без лососа».

Мы рассчитывали найти крупных самцов-антилоп в молодом сосняке у верхней границы леса. Но кто-то успел их спугнуть. Во всяком случае, что-то было не так и притом надолго. Антилопы

держались на кручах, могли видеть вас за милю и вообще были пугливы и настороженны.

Ночевали мы внизу на берегу реки в хижине одного типа по прозвищу Старожил. Тогда еще не было ДДТ и инсектицидных шашек, и Старожил разводил у себя не скотину, а неистребимых насекомых. Он называл Тэйлора Уильямса, которому в то время было далеко за пятьдесят, «молodyм человеком», а меня — просто «мальш». Он говорил:

— Мальш, из тебя получится хороший наездник, и стреляешь ты неплохо; ты еще в жизни кое-чего добьешься, и я буду гордиться тобой.

И еще он говорил:

— Мальш, если эти мальчики и вправду твои, надо им что-нибудь выпить.

И спрашивал:

— У вас что есть?

Мы приехали из Солнечной долины, штат Айдахо, и там мы немного размякли — от прохладного бассейна, и от ночей в «Пивной бочке», от колеса рулетки; но Старожил живо привел нас в чувство. Мы поднялись на вершину хребта, откуда открывался вид до самого Мидлфорка за горами, красивее которых я не видел. Мы ездили с горы на гору, потом назад по предгорью и дальше вниз, к подножьям холмов, на равнину. И все время видели антилоп; они издалека следили за нами и уходили. Под Тэйлором была белая лошадь, и Старожил

начал говорить о нем: «Тот молодой парень на белой лошади. Пукает антилоп до смерти».

Первый день был суббота, и вечером в Голдбурге, где у них какая-то шахта, как всегда по субботам, был большой сабантуй. Дети легли спать в автомобиле, а мы с Тэйлором Уильямсом и одним парнем по кличке Дикий Билл, который и правой и левой лупил, как Стэн Кетчел, отправились в Голдбург. Старожил остался дома — кормить своих насекомых.

Вечер выдался горячий, хотя я лично уклонялся от всех потасовок. Случай подрасться подворачивался раз десять — если у кого кулаки чесались. Тэйлор не дерется, потому что ему уже не зачет, и я тоже стараюсь не драться. Зато Дикий Билл, который был у нас коноводом, углядел в толпе помощника шерифа из соседнего городка, не то он когда-то давал показания против Дикого Билла, не то еще чем-то перед ним провинился, но только Дикий Билл отозвал его в сторону и сделал из него котлету. Дикий Билл умел врезаться — будь здоров! При каждом ударе слышно было, как в помощнике шерифа что-то трещит. Помощник шерифа дрался неплохо, но тут ему был не зал суда. Кончилось тем, что помощник шерифа и сам как-то весь затрещал и рухнул. Мы утихомирили Дикого Билла, оказали первую помощь тому парню и уехали домой. Веселье

в Голдбурге после драки заметно поубавилось.

На второй день было то же, что и в первый. Антилопы замечали нас за полторы мили, повернув красивые коричневые головы, смотрели через плечо и вдруг пускались наутек — только белые подхвостья мелькали. Мы снова поднялись на вершину хребта. Мы описывали петлю вокруг зарослей кустарника, а потом устремлялись прямо в чашу. Изъездили все склоны вдоль и поперек, держась с той стороны, которая не просматривалась антилопами, спешившись, на четвереньках карабкались наверх и, затаившись, в бинокль озирали окрестность. Скакали в гору, под гору и вокруг подножья горы. К тому времени нас оставалось: Джиджи, мой младший, который сидел в седле, словно так и родился; Тэйлор Уильяме, старый кавалерийский полковник, который с трескот ярдов мог всадить вам пулю в лоб из чужого ружья; Старожил, от которого нужно было держаться все время с наветренной стороны, потому что, вероятней всего, это его запах распугал антилопу; и я верхом на славной кобылке, у которой мозгов было побольше моего. Это была старая ковбойская лошадь.

Так прошел второй день, и когда под копытами зашуршала глина, а потом береговой галечник и мы пересекли по деревянному мостику и углубились в тополевую рощу, уже взошла луна. Отлично было в такой вечер слезть с лошади и слушать в хижине Старожила рассказы наших незадачливых рыболовов, да к тому же мы привезли с собой лимонов и мешали виски с лимонным соком. Старожил сказал, что в жизни не пил смешанных спиртных напитков, но сегодня попробует.

— Сколько же вам лет, старина? — спросил я его.

— Сынок, — ответил он, — когда убили генерала Джорджа Амстронга Кистера¹ на Литл-Биг-Горн, я был уже не первой молодости.

Это было явное вранье, и тогда я спросил, сколько, он думает, лет Тэйлору.

— Он еще мальчик, — ответил Старожил.

— А мне? — спросил я.

— Ты еще только начал жить.

— А как же мои сыновья?

¹ Американский генерал, убит в 1876 году, во время войны с индейцами.

— Они все не стоящие, кроме того, который, видать, был отлит прямо в седле.

— Откуда вы родом?

— Кто его знает, я забыл.

— Вы когда-нибудь бывали в Монтане?

— Конечно.

— А в Вайоминге?

— Бывал. Во время драки с путейскими, когда пытались провезти бревна в Форт.

Это опять было вранье, и я спросил, знал ли он Тома Горна.

— Тома-то? Я слышал, как он обратился к ним сверху, перед тем как ему надели мешок на голову, — да нет, что я, Тому мешок не надевали. Так вот он сказал: «Джентльмены, все, чего мне нужно в жизни, — так это пара башмаков потяжелее да лестница повыше. И прощаю врагов моих. Аминь!» Все плакали, один Том не плакал. Он стоял на помосте, и видно было, что особенный человек, но все, чего он хотел, — это пару башмаков потяжелее и лестницу достаточной высоты, чтобы веревка как следует натянулась. Самое это дрянное дело, если веревка не натянется. Я с детских лет понасмотрелся, как вешают, и знаю, что это — последнее дело. Просто месть под маской закона.

На следующий день мы вышли чуть свет — лошади были оседланы, ружья стояли готовые, а у Дикого Билла распухла кулаки и на сердце скребли кошки. Все видели, что помощник шерифа был слабак, и Дикий Билл вспомнил об этом среди ночи, и ему стало стыдно, потому что он-то был боксер и мог побить любого. Кроме того, он сломал помощнику шерифа челюсть; мы слышали, как она хрустнула. И теперь у него болели руки — как напоминание о вчерашней драке. С нами он не поехал. Остался при хижине и скотном дворе — переживать муки раскаяния из-за этой сломанной челюсти.

И вот мы выезжаем на заре. На равнине еще туман. Вскоре мы начинаем подъем в гору сквозь заросли шалфея.

— Ну как, по-вашему, полковник, будет нам сегодня удача? — спрашиваю я Тэйлора.

Джиджи спит в седле, предоставив лошади самой выбирать дорогу.

— По-моему, мы их возьмем, — отвечает Тэйлор. — Мы третий день ездим и не стреляем, они к нам немного привыкли, и сегодня некоторые из козлов останутся стоять на месте. Они не знают,

что мы за птицы, ведь они любопытны и постараются это выяснить.

Мы действовали, как всегда, — набрали высоту, прочесали вверху молодой сосняк, заглянули в каждую впадину и ложбину, взбирались на кручи, а затем начали спуск наискось по склону.

Эту стайку мы застигли в чаше молодого сосняка — то ли они спали, то ли щипали траву. Открытым оставался только один путь. Я слез с лошади, прихватил свой старый винчестер. Мы теснили их вперед. Потом я кинулся бежать туда, где они должны были проскочить. Туда было ярдов двести — двести пятьдесят. И когда они посыпались вниз по склону, я выбрал самого крупного самца, навел впереди него, плавно спустил курок, и пуля перебила ему шею. Это был очень удачный выстрел.

Старожил сказал:

— Вот негодник. Я ведь говорил, что когда-нибудь ты еще в жизни кое-чего добьешься.

Тэйлор спросил:

— А вы знаете, сколько пробежали и с какого расстояния угодили в него? Я пойду измерю шагами.

Мне это было безразлично, потому что охотничьим рассказам все равно никто не верит и потому, что наслаждение было бежать и стараться, чтобы не так колотилось сердце, когда вскидываешь ружье и задерживаешь в груди воздух, чистый и ароматный, и, вскидывая, навести чуть вперед и плавно спустить курок.

На этом кончается рассказ об антилопах.

Перевел с английского
Н. КОЛПАКОВ

ВЕТЕР И ВЬШКИ

Фото В. МИШИНА

Здесь, на севере Сахалина, — всегда ветер. Зимой он дует с материка, неся с собой якутский холод. Летом — с моря, принося туманы и опять-таки холод, холод студеного Охотского моря.

Ветер корежит лиственницы, сосны, и стволы стланика расползаются по земле, не рискуя сразу подняться вверх. Кособочит ветер и березы, превращая деревья в мускулистых крепышей с сучьями-узлами, покрытыми грубой коростой и мхом. Бывает, ветер сносит крыши домов, валит с ног людей, а порой, случается, ломает сталь нефтяных вышек. А когда в начале лета с моря на землю ползет с ветром и лед, они вместе обрушиваются на причалы Москальво — дзешнего порта.

Нефть выбрала себе самое неприглядное место на Сахалине. Но это пока единственное нефтяное месторождение на Дальнем

Востоке; и как ни трудно его разрабатывать, местная добыча намного дешевле, чем если везти нефть через Сибирь. А она нужна здесь — нужна перерабатывающим заводам в Комсомольске-на-Амуре и Хабаровске. К тому же вместе с нефтью здесь добывают и газ, а газ — это топливо всему краю, это залог его преуспевания.

Потому и торчат среди реденькой лесотундры вышки нефтепромыслов. Потому тянут уже вторую «нитку» нефтепровода строители через пролив Невельского на материк. Потому вырастают один за другим новенькие рабочие поселки. Так в 1960 году возник Тунгор, а через пять лет — Календа. Столица нефтяников — город Оха — разрослась вширь, а в высоту уже добралась до пятого этажа. Население — около 50 тысяч. Для материка это, может быть, и немного, но для острова...

В сравнении с другими, не в пример более мощными нефтяными «королевствами» страны — скажем, сибирским или волжским — сахалинская нефть — старушка. С тех пор как местный охотник принес кушчу Иванову бутылку с «керосин-водой», набранной из болотца близ нынешней Охи, прошла почти сотня лет. Первая буровая, построенная энтузиастом разведки здешней нефти Зотовым, сохранилась и ныне — это памятник местной истории. Серьезная промышленная разработка Северо-Сахалинского месторождения началась только при Советской власти.

Сегодня лес нефтяных вышек на Сахалине разросся в сравнении с довоенным временем в несколько раз. Изыскатели уже подумывают о разведке прибрежной полосы Охотского моря. Правда, тут им предстоит схватка не только с ветром, но и со студеным морем.

«Нам земля Русская подобна есть ми-
лому младенцу у матери своей, его же
мати тешит, а рать лозою казнит, а
добрая дела милуют его».

(Из «Задонщины»)

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ

**СЛОВО
О КАМЕННОЙ
ДОБРОТЕ**

Ивангород.

ЭКСПЕДИЦИЯ «ВОКРУГ СВЕТА»

В 1492 году на высокой плитослоеной горе (где в стародавние языческие времена собирались по весне девичьи хороводы, откуда и пошло название горы — Девичья), уступом обрывающейся в воды реки Наровы, была поставлена воеводами князя Ивана III в четыре башни небольшого простора крепость. Столь небольшого, что, если верить легенде, мастера откладывали длину ее стен ремнями, нарезанными из одной лошадиной шкуры.

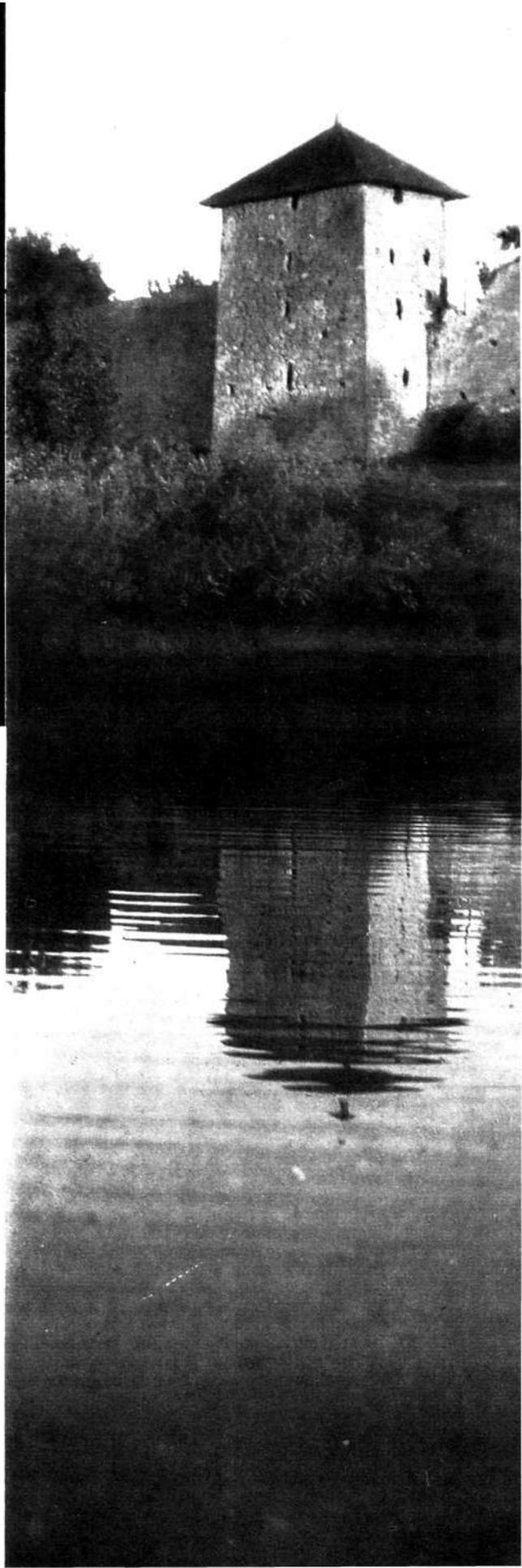
Крепость стала напротив ливонского замка, чьи настороженные стены высились по ту сторону реки, и между крепостью и замком было расстояние всего в один полет камня малой, баллисты — 150 метров. Отписанная в обоюдных грамотах граница между ними легла по стрежню Наровы; и шла эта незримая черта туда, где начинается, как писал древнеримский историк Тацит, море тихое и почти неподвижное, которым опоясывается и замыкается земной круг, так как последний свет уже заходящего солнца остается до восхода и продолжает быть до такой степени ярким, что затмевает звезды...

Окончание. Начало в № 2, 3, 5. В экспедиции принимали участие журналист В. ЛЕВИН, историк А. СИНЕЛЬНИКОВ, искусствовед А. СТЕРЛИГОВ. Научный руководитель экспедиции — доктор исторических наук В. В. КОСТОЧКИН.

Копорье.

Фото авторов

Порхав.

Это была первая московская крепость-порт на море, «которым опоясывается и замыкается земной круг»...

Крепость была словно врезана в пространство точным расчетом — строгий четырехугольник с квадратными приземистыми башнями по углам. И эта строгость и четкость были так же торжественно державны, как исполненные государственного смысла слова летописи, отметившие появление на Руси нового города: «В лето 7000... прислал князь Иван Васильевич всяя Руси воеводы своя и повелел поставить на рубеже близ моря Варяжского на устий Наровы город и нарече его в свое имя Ивангород; и оттоле пересташа немци ходить на Русь».

О появлении новой крепости иностранными послами и лазутчиками были спешно отправлены депеши в столицу Швеции, магистру Ливонского ордена и королю Дании. И уже в 1496 году августовским утром шестьдесят шведских галер вошли в устье Наровы. Шесть тысяч латников, поддержанные огнем осадной артиллерии, бросились на штурм крепости. Несколько дней длилась осада, несколько дней непрестанно летели в крепость чугунные ядра и над Ивангородом стояло зарево пожара. А в крепости было тогда всего два-три десятка стрельцов. Последний штурм длился без перерыва семь часов. И, когда уже не осталось на стенах защитников, шведы ворвались в крепость.

Быстро дошла весть о захвате Ивангорода до Пскова. Загоняя коней, по осеннему бездорожью с тревожной вестью спешили в Москву нарочные. Но, не ожидая прихода московского войска, псковское ополчение двинулось к Ивангороду. И шведы, прослышав про то, не приняв боя, побежали «из града в море», взорвав стены и башни крепости.

Но в том же 1496 году крепость была восстановлена. И, как писал один иностранный свидетель, город стал «еще более красивым и более защищенным», ибо псковские и новгородские мастера не только заново возвели прежние укрепления Ивангорода, но и в двенадцать недель построили к ним новые стены с новыми башнями.

В 1507 году велением московского князя в крепости начались новые строительные работы: перед четырехугольным ядром Ивангорода выросло еще одно кольцо крепостных стен, и эти стены спускались уже почти к самой воде Наровы. А спустя век крепость опять была расширена.

...Сейчас только чертежи реконструкций, выполненные после тщательных исследований, остались от того четырехугольника из серого камня крепости 1492 года. Но и сейчас, как тогда, в хитросплетении ивангородских стен не ощущалось хаотичности, случайности — крепость стояла так, будто строили ее не века, а один мастер в один раз... Словно оставил тот зодчий, что заложил первый камень на Девичьей горе, в невидимом месте тайный чертеж своему преемнику, будто угадывая его приход и веря в то, что сохранит он доброе тепло его стен и делает все, как надо, — до последней плиты, положенной на желтовато-розовый, радостный свету и звонкий в деле раствор... И побывав, казалось, этот чертеж не только у мастеров Ивангорода. В неспешной линии обводов стен, надежно и мягко обступивших откосы Девичьей горы, ощущалась веками отстоявшаяся уверенность традиции «городового дела», идущая еще от тех времен, когда вырастали на Руси первые

деревянные укрепления на «ставном» — единственно пригодном для города — месте. А в том, что Ивангород словно выдвинул на самое опасное и тревожное место — напротив ливонского замка — самые великие свои башни, чувствовалась та мудрая закономерность, что возвела Изборск и другие каменные крепости на смену деревянным.

Какой-то незримой связью были объединены мастера, ставившие разные крепости и в разное время. Мы не знаем еще, как осуществлялась она, но то, что были какие-то строгие и четкие правила, передаваемые не понаслышке, а от учителя к ученику, как определенная, детально разработанная и математически выверенная сумма строительных знаний, равно необходимая и для «полатных», и для «церковных», и для «городовых» дел мастеров, сейчас считается почти доказанным.

...В конце прошлого века известный русский археолог А. Спицын предпринял поездку в псковские и тверские земли с целью исследовать загадочные каменные кресты и плиты с выбитыми на них таинственными линиями, образующими фигуры странного очертания — они походили на чертежи... прямоугольников, вписанных один в другой. Поездка была короткой, и Спицын ничего определенного по поводу этих фигур сказать не смог. Он только опубликовал несколько рисунков, сделанных им на месте, снабдив их сообщением, что местные жители называют эти камни «вавилонами» и что автор и не смел надеяться сразу же выяснить истину, так как до сих пор эти остатки старины не служили предметом специального исследования.

Затем такие же странные фигуры были открыты на Кавказе и в Болгарии; раскопки советских археологов обнаружили следы «вавилонов» в Старой Рязани, разрушенной и сожженной Батыем, и на одном из древнейших русских поселений — Тмутараканском городище на Тамани. Таинственные камни оказались разбросаны едва ли не по всей Восточной Европе — от Черного моря до Балтийского.

Но что это такое? На этот вопрос даже приблизительно никто не смог ответить...

Но вот около десяти лет назад на городище Старой Рязани, там, где уже было найдено несколько каменных фигур, археологи нашли глиняную плиту с еще одним «вавилоном». Он выделялся среди других своей четкостью и геометрической строгостью. Академик Б. А. Рыбаков исследует и измеряет линии этого «вавилона» — и приходит к поразительным результатам: все стороны этой сложной фигуры были связаны между собой математически точными пропорциями, столь точными, что их можно было построить по законам современной начертательной геометрии и математики. Но и это оказалось не все. Б. А. Рыбаков соотносит размеры на «вавилоне» с величинами древнерусских мер — и снова неожиданность: все эти словно бы случайные и произвольные косые, великие и «без чети» сажени, локти простые и «смоленские», пяди великие, малые и «с куврыком» едва ли не идеально отвечают системе фигур старорязанского «чертежа». Иными словами: если построить копию этого «вавилона» с боковой стороны, равной основной древнерусской мере — мерной сажени, — то размеры линий этого чертежа будут точно соответствовать остальным древнерусским мерам. А рядом с «вавилоном» на той же

плите были прочерчены несколько линий, прочерчены не хаотично, а в каком-то строгом порядке. Длины этих линий совпадали с длинами некоторых линий самого «вавилон».

И здесь начинается, пожалуй, самое удивительное во всей этой истории с каменными чертежами...

Старорязанская плита была найдена под остатками церкви. По этим остаткам археологи выяснили длину и ширину здания. Оказалось, что они точно совпадают с размерами существующей ныне Успенской церкви в Чернигове. Такое совпадение позволило прийти к выводу, что эти церкви одинаковы и обликом своим. Б. А. Рыбаков исследует размеры так называемого аркатурного пояса Успенской церкви — цепи маленьких арочек, идущих вдоль стен здания, — и получается, что все размеры каменного узора — расстояния между колонками, на которые опираются арки, радиус арок, толщина колонок — идеально совпадают с размерами тех линий, что были выцарапаны возле «вавилон». Мало того, только эти размеры и нужны были для построения узора: исследователь, проверяя себя, вычертил на кальке в натуральную величину фрагмент аркатурного пояса, пользуясь только размерами линий, прочерченных на плите, приложил свой чертеж к стене церкви — и чертеж, созданный в XIX веке, точно совпал с узором, отсесанным в XII.

«Вавилон» был строительным чертежом древнерусского зодчего, пишет Рыбаков, средоточие его плана и замысла и геометрический прообраз его идеи. Используя линии и размеры «вавилон», зодчий заказывал определенного размера кирпичи и с помощью того же чертежа мог подсчитать, сколько потребуется таких кирпичей; этим же «вавилон» он указывал каменщикам, какого радиуса арки надо тесать, чтобы ровны были они и ладно легли на белую плоскость еще не существующей стены.

Главная «хитрость храмосздательская», «мудрость градодельцев» была в этих выбитых на камне и прочерченных в глине фигурах, ставших со временем, как считает исследователь, символом мастерства древнерусских зодчих.

Один из камней с «вавилон», что лежит, врезавшись своей многопудовой тяжестью в небольшой холмик над обрывом, рядом с крепостной стеной, мы увидели в Избарске.

Мы смахнули пыль с камня, осторожно считали тонкий слой мха. На сером от времени камне явственно проступали небольшими углублениями странные линии, образующие два прямоугольника, вписанные один в другой. Прямоугольники эти были соединены между собой продольными черточками. Все это напоминало какой-то непонятный лабиринт без входа и выхода — и светливому муравью, вползшему в него, захоти он найти выход, суждено бы крутиться в этих каменных траншеях до скопчения своего муравьиного века.

Случайно ли эта плита оказалась рядом с крепостью? Или суждено ей стать первым доказательством того, что и «крепостной хитрости» мастера пользовались такими же чертежами, что и «других каменных дел» умельцы?

И вдруг вспомнилась легенда о ремнях из лошадиной шкуры, что очертили размеры Ивангорода. Разве нельзя предположить, что эти ремни не только отзвук памяти о малых размерах первоначальных стен крепости, но и отдаленное упоминание о каких-то мерных шнурах, — ведь есть

же конкретное и точное свидетельство в летописи, что в древнем Киеве строители производили обмер одного каменного здания «поясом златым» определенной величины?

С Финского залива тянул ветер — сырой, холодный. Он бился о стены Ивангорода, поднимая к небу серую каменную пыль, сорванную с крепостных плит. Но за стенами крепости было тихо, словно морщинистые их ладони старались и сейчас укрыть каждого, кто верил себя их торжественной надежности. Мы ходили узкими боевыми переходами, неожиданно обрывающимися провалами когда-то тайных западней, поднимались стертymi ступенями стремительных винтовых лестниц башенных колодцев, столь глубоких, что со дна их, казалось, были видны спокойные звезды в сером предвечернем небе, опускались в застоявшуюся сырость подземного вылаза к воде, где в непроглядной темноте каменного мешка, за толстой, скользкой от плесени стеной чудилось движение Наровы, — и не могли уйти от неторопливой и надежной доброты старой крепости: там, где должна бы обрываться она, оказывался еще один «осадной двор», и новая стена оберегала тебя от напастей незащищенного пространства. Но и за той, дальней стеной поднимались венцы новых башен. Ивангород стоял как олицетворение всего того, чем молчаливо одаряют по сей день древнерусские крепости и что можно выразить одним словом — ДОБРОТА.

Не мы первые приложили это слово к понятию крепость. Оно было произнесено здесь, в Ивангороде, двадцать четыре года назад солдатом в выгоревшей до седого полынного цвета гимнастерке, в разбитых дорогами войны кирзовых сапогах. Он сидел, сняв наушники миноискателя, перекуривая после привычного ему дела.

...— Я не знаю, как звали этого сапера, — медленно говорил Косточкин, — и откуда он родом.

Летом 1945 года по заданию Главного управления по охране памятников архитектуры мы, два выпускника Архитектурного института, приехали в Ивангород. Крепость стояла черной от порохового дыма — фашисты, отступая, взорвали шесть башен Ивангорода и некоторые участки стены. Мы ходили по искореженным камням крепости и не могли вместить в себя смысл нечеловеческой той злобы, что заставляла взрывать не военный объект, не завод, а памятник архитектуры.

И, когда мы уже кончали обмеры и описания, совершенно случайно вот под той башней я увидел под скособочившейся плитой груду авиабомб и тоненькую проволочку детонатора... Она словно караулила мой последний шаг к этой башне, на которой я хотел написать: «Памятник архитектуры. Охраняется государством».

...А потом, когда все было кончено, студент и солдат написали каждый свое: «Осмотрено. Мин нет» — и чуть ниже: «Памятник архитектуры. Охраняется государством...» И солдат сказал тогда:

— А ладно строили, черти! Хорошая башня...

Я тогда не обратил внимания на эти слова. И лишь потом, когда начал писать свою первую научную статью об Ивангороде, вдруг неожиданно вспомнил их. Я открыл Даля и прочел: «Добрый — добро творящий».

Ветер неожиданно стих. На выгоревшем за день небе застыли чуть подернутые вечерними тенями облака. Невидимое за домами садилось солнце — но до короткой летней балтийской ночи было далеко, — и закат лишь угадывался по тому, как золотисто-желтые камни Ивангорода постепенно наливались розовым светом, словно солнце отдавало на ночь свою силу древним камням, а ставшие резкими тени очертили морщины на старых ладонях стен. Перед нами высился монолит западной стены Ивангорода. Она, казалось, была рождена единым дыханием — такой нерасчленимой на эпохи и строительные этапы мощью уходила она в серое небо.

Едва видимая — скорее угадываемая — тень от дозорной башни ливонского замка неспешно сползла к Нарове, чуть помедлив, словно не решаясь, коснулась воды, неслышно переплыла реку и, взобравшись на откосы Девичьей горы, попыталась дотянуться своим острием, как мечом, до этой стены, но бессильно раскрошилась о серое подножие ее...

* * *

...Тихо и спокойно сейчас в старых крепостях. Стены Порхова, что одни из первых испытали на себе действие огнестрельного осадного оружия, неторопливо смотрят в темные воды реки Шелони, где в прибрежных зарослях стоят, задумавшись, тяжелые рыбы. Неторопливо шелестят дубы Велья на грузных валах меж двух светлых озер, над которыми висят стрекозы и высоко за ветром поет жаворонок. Бескрайне распахнуто чистое небо над розовыми крыльями Изборска — и темные облака, словно конные половцы, кружат в недоступной дали вокруг Журавлиной горы. Ворчливо испарывает Волхов свой глинистый берег, куски глины падают в его коричневую воду — и там, где почти к самой воде спускаются фундаменты одной из древнейших новгородских крепостей — Старой Ладоги, — вымокшей дворняжкой крутится на цепи остроносая рыбачья лодчонка, подскакивая на волне и показывая зеленое от речной нечисти брюхо.

Спокойные тележные колеи ведут по мосту, пожему на древнеримский акведук, к навсегда распластанным воротам форпоста Новгородской зем-

ли — крепости Копорье, и, (если жарким июньским днем пройти этим мостом за стены, голова закружится от пьянящего запаха свежескошенной травы.

Отгремели выстрелы, и застыли на страницах летописей беды и радости тех, кто строил эти стены и вверял им свою судьбу. Тихо и спокойно в старых крепостях...

Но нельзя, просто невозможно спокойным сердцем вступать в их пределы, ибо невозможно не ощутить, что и это небо, и звон стрекоз, и пенье жаворонка, и ветер с Балтики, и воздушная зелень льна у дороги — вся доброта твоей земли была изначально вручена тебе этими каменными, молчаливыми и добрыми богатырями. Исчезает время, что разделило заросшую мхом выбоину от ядра и до сих пор еще осыпающиеся известью следы пуль на уровне человеческой груди у восточной стены Ивангорода, где фашисты добивали раненых красноармейцев... И ты понимаешь, какой великой кровью платили за этот дар твои прадеды, деды, отцы...

...Неподалеку от Ленинграда, над спокойными каменными плитами, уходящими по густой траве вбок от шоссе, стоит четырехугольный обелиск. На сером отесанном камне отчеканены два лица — женщины в крестьянском платке и девочки. Женщина прижала девочку к себе, прикрыв правой рукой, чтобы зло не коснулось ее.

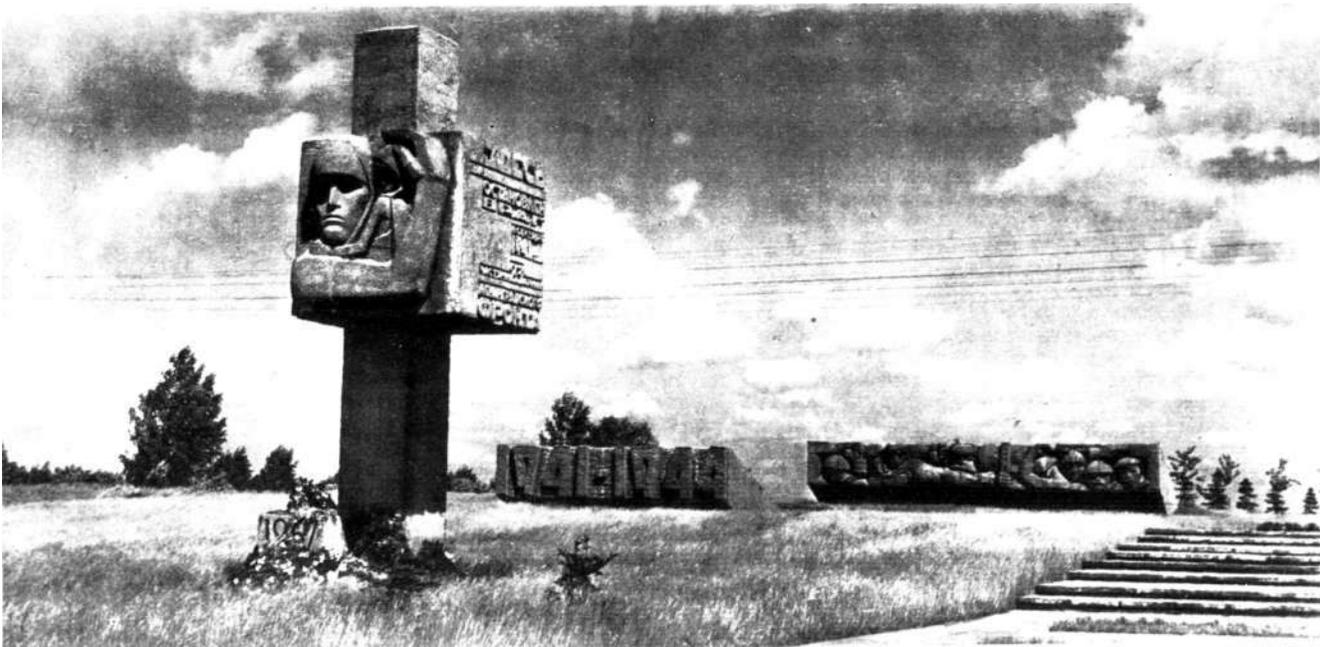
«Здесь был остановлен враг в сентябре 1941 года частями 23-й армии Ленинградского фронта», — прочли мы надпись на каменной плите. А на другой плите, рядом:

«ЭТО ВРЕМЯ НАВСЕГДА УШЛО ОТ НАС И НАВСЕГДА ОСТАЛОСЬ С НАМИ».

Лица, застывшие на камне, показались нам знакомыми. Будто совсем недавно, несколько дней назад, мы видели такие же огромные детские глаза и скорбные морщины на обветренном женском лице. И вспомнились та смоленская старуха и девочка в красном, что выглядывала из-за плеча чуть прихрамывающего мужчины, прижав к груди белые цветы, которые легли потом на могилу Неизвестного солдата у Смоленской крепостной стены...

Конец

Мемориальный ансамбль, сооруженный под Ленинградом в 1967 году. Здесь в сентябре 1941 года был остановлен враг.

КУДА ПРИВЕДЕТ НЕВЕДОМАЯ ДОРОГА?

• со стр. 15

Последнее открытие Лилли — это явление стереофонации, присущее «разговору» дельфинов. Мы не можем одновременно шептать, кричать и вдобавок еще петь. А дельфины могут. Они способны одновременно говорить на разных частотах!

ЯБЛОКОВ. Человек еще никогда не пытался расшифровать «нечеловеческий язык». Тут у нас нет ни малейшего опыта, мы даже не знаем, как взяться, и, возможно, подходим к делу совсем не с той стороны. Дельфины, если так можно выразиться, соглашаются учиться человеческому языку. После длительных тренировок они, общаясь с человеком, переходят на звукоподражание его речи. Но, к сожалению, это именно звукоподражание: они могут внятно выговорить лишь отдельные звуки и слова. Возможно, это предел, поставленный строением их органов речи. А может быть, нет. Может быть, при многолетней тренировке они смогут воспроизвести человеческую речь. Но имитация звуков еще не разговор. Мы-то ведь требуем от них, чтобы они поняли строй наших мыслей! Представьте, что вы встретились с разумным обитателем какой-нибудь другой планеты, чья речь вам даже механически трудно воспроизвести. А он добивается, чтобы вы понимали его на уровне абстракций. Не думаю, чтобы это нам удалось легко и быстро. А ведь от дельфина мы хотим в конце концов добиться именно такого понимания.

ЖУРНАЛИСТ. Не проще ли обратный ход? Не лучше ли нам, с нашей наукой, с нашей электронной техникой, научиться дельфиньему языку, чем требовать от дельфина, чтобы он научился человеческому?

ЯБЛОКОВ. Этот путь тоже используется, но, увы, успехи пока невелики. Ведь мы только-только открыли, например, что дельфины могут вести разговор сразу по нескольким звуковым каналам. Это все равно, как если бы после нескольких лет изучения слона мы вдруг обнаружили, что у него есть хобот... И сколько еще надо сделать таких открытий, чтобы подойти к контакту, неизвестно.

ЖУРНАЛИСТ. Скажите, мог бы тот же самый разговор, который сейчас идет у нас с вами, состояться лет десять назад?

ЯБЛОКОВ. Не думаю. В последнее десятилетие мы как бы заново «открыли» дельфинов. До этого специалистам казалось, что ничего особенного в них

нет и что мы располагаем здесь достаточно полными знаниями. Теперь буквально каждый год преподносит что-то неожиданное. Вероятно, через несколько лет уровень и наших теперешних рассуждений покажется нам поверхностным. Так всегда бывает в тех случаях, когда происходит активный и быстрый прорыв в неизвестное. Когда вдруг распахиваются какие-то совершенно новые, неясные и волнующие перспективы. В изучении дельфинов есть что-то захватывающее. Ведь цель не только в возможностях их утилитарного использования. Перед нами неизученный мир чужого сознания, мыслей, чувств. В случае успеха контакта между дельфинами и нами обмен будет не односторонним даже в сфере знаний. Если мы при более или менее широком общении откроем дельфинам какие-то известные нам тайны Земли, воздуха, вещества, космоса, то в ответ перед нами, видимо, будут раскрыты такие сокровенные свойства океана и жизни в нем, к познанию которых нам еще идти и идти...

ЖУРНАЛИСТ. Это в случае полного успеха. А если надежды не оправдаются?..

ЯБЛОКОВ. Конечно, это разочарует. Но пусть даже мы жестоко ошибаемся: затраченный труд не пропадет зря. Пусть многие исходные посылки окажутся неверными: отдача и тогда будет колоссальной! Ибо попытки налаживания контактов с дельфинами — это, если угодно, репетиция возможной встречи в космосе с иными формами высокоорганизованной жизни. Мы впервые так упорно и настойчиво учимся пониманию особенностей и возможностей высокоорганизованного мозга, сформированного необычной для нас средой.

БЕЛЬКОВИЧ. Но и это не все. Проблема проблем — это углубленное познание нашего собственного мозга, сознания. Острейшую нужду в этом испытывает сейчас даже такая «технико-математическая» наука, как кибернетика, ибо здесь, очевидно, пролегает путь к созданию принципиально новых «умных» машин. Но познавать что-то гораздо легче в сравнении. Поэтому, изучая дельфинов, изучая строй их мышления, восприятия, склад их духовной жизни, мы лучше познаем и самих себя. А это в конечном счете одна из самых важных задач.

ЖУРНАЛИСТ. Не может ли случиться так, что «переоценка» способностей дельфинов вызовет «переоценку» способностей и других высших животных?

ЯБЛОКОВ. В какой-то мере это происходит уже сейчас. И кто знает, какие открытия ждут здесь исследователей... Разве можно заранее сказать, куда приведет неизвестная дорога?

Записали **Д. БИЛЕНКИН** и **В. ЛЕВИН**

НЕЛЬЗЯ ЛИ ВЫКАЧАТЬ ВУЛКАН?

Над такой проблемой работает сейчас французский вулканолог инженер Борде.

...Несколько лет назад одна из вулканологических экспедиций, побывавшая на острове Ява, установила, что таинственный вулкан Кавах, по преданиям местных жителей убивавший своим «дыханием» вокруг себя все живое, до-

верху наполнен смесью серной и соляной кислот. Этим и объясняется мрачная «слава» вулкана — при его «выдохах» ядовитые пары разносятся на километры вокруг... Объем химического озера, разместившегося в кратере вулкана, составляет, как подсчитали ученые, ни много ни мало — сорок миллионов кубических метров смеси кислот!

Суть проекта, разрабатываемого сейчас французским инженером, состоит в том, чтобы, превратив

«озеро» в закрытый резервуар, при помощи специальной системы насосов и трубопроводов перекачивать его содержимое на ближайшее перерабатывающее предприятие. Проект заманчив тем, что вулканический источник может оказаться... вечным. Ведь по мере опустошения озера его можно будет просто доливать водой — постоянно выделяемые вулканом пары хлора и соединений серы превратят ее в ту же смесь кислот.

В 1963 году возле городка Коломбе-ле-дез'Эглиз во Франции два сторожа застрелили волка, оказавшегося собакой мясника. Непростительная промашка! Ведь отличить волка от собаки — простое дело, хотя бы по манере пить. Увидев подозрительное по волчьей части создание, тотчас поставьте перед ним блюдце с водой. Если создание начнет шумно лакать — значит пес. А если станет молча втягивать в себя воду — волк. Быть может, по

каж («Сколько волка ни корми...» и т. п.), исчез из нашей жизни. Сегодня его увидишь разве что в горах Испании, кое-где на Балканах, в Польше, а главным образом в Сибири, где, как это известно читателям популярных у нас изданий прошлого века, волки занимаются своим любимым делом: нападают на тройки лошадей.

У нас во Франции редким счастличикам случается уложить волка-другого. Отмечен один случай в 1951 году в Мандри

появлялись так же густо, как курортники в Ницце во время каникул; отсюда и обилие пословиц, связанных с ними. Только один-единственный зверь, пожалуй, делит с волком лавры популярности: это брат его, враг его — собака.

Итак, отряд хищных млекопитающих дал человеку и самого его верного друга и самого заклятого врага. Люди от века живут между волком и собакой, между добром и злом. Собака — это вовсе не раскаявшийся волк,

МОРИС КЕЙН

своей мерзкой волчьей привычке он отблагодарит вас укусом за ляжку. Прекрасно — вновь отличный тест: собака кусает резцами, а волк — клыками. И, надо сказать, нет ничего больнее, чем укус волка. Разве только укус двух волков.

Тут сразу следует сделать оговорку — для всех этих процедур вам как минимум потребуется волк. А его не так-то просто достать. Я уже не говорю о белом волке, который стал почти такой же редкостью, как «летающие тарелочки». Обычный серый волк, которым мы пугаем наших детей, добиваясь серьезных успехов в педагогике, встречается не каждый день. Зверь этот, когда-то настолько популярный, что породил бездну образных выражений в европейских язы-

и в прошлом году в Ландах. Но это, без сомнения, заблудшие звери. Откуда? А откуда хотите. В марафоне волк прочно удерживает чемпионский титул: он способен бежать целую ночь со средней скоростью 25—40 километров в час. Так что зверь, удрав из Парижского зоопарка в неизвестном направлении, может вполне оказаться к утру в Брюсселе. Как туристский автобус.

Были времена, когда у нас во Франции волки кишмя кишели — как зайцы. Они нападали на скот и на людей, бродили, подобно коммивояжерам, по деревням, а при короле Карле V, случилось, доставляли неприятности проходим в Париже между Монмартром и Монпарнасом. В годы войн, недорода или чумы волки

а волк — отнюдь не сошедший на кривую дорожку пес. Впрочем, родственность двух ветвей семейства столь близка, что помесь их дает блистательные результаты. Причем волчица более склонна делать шаги навстречу вражескому клану.

Великий натуралист Бюффон оставил в своих трудах словесный портрет волка: «Мерзкий лик, дикий вид, устрашающий голос, невыносимый запах, коварный нрав...» Да, с такой характеристикой не очень-то просто устроиться в жизни. Но давайте на время отбросим неприязнь и подойдем с цифрами и фактами в руках к нашему герою: зверь достигает 0,8 метра в высоту при весе 40—60 килограммов, вдоль хребта тянется темная полоса, глаза — пронзительные, мохнатый хвост почти всегда спрятан под брюхом, морда вытянута вперед, челюсти... челюсти, прямо скажем, цепкие. Волк легко перебрасывает через себя барана и убегает с ним на расстояние... словом, очень далеко убегает. Одним движением все тех же челюстей он способен перегрызть горло теленку.

Казалось бы, внушительные данные. Тем не менее наш герой... трусоват и в любую секунду готов смотать удочки, взять ноги в руки, наострить лыжи — короче, дать деру. Если волк

нападает на перепуганное стадо, он опьяняется убийством и режет направо и налево. Но клыки храброй сторожевой собаки, рога отважного козла или коровы не робкого десятка заставляют его призадуматься. Свою трусость волк часто выдает за осторожность. Стоит только поглядеть, как тщательно он обнюхивает подозрительные предметы: веревки, ловушки, ограды. Он твердо знает: всего, что отдает человеком, следует избегать. Даже если ворота вожделенного скотного двора оказываются открыты, он предпочитает перемахнуть через забор. Еще и сегодня лопари, живущие на севере Скандинавии, передвигаются со стадами ночью, таща по снегу простую веревку. Этого вполне достаточно, чтобы держать волка на расстоянии.

Однако все эти неслестные рассказы верны до той поры, пока волк не оголодает. Голод — не тетка, в том числе и для волка; он заставляет его преодолеть страх перед запахом человека. Сбиваясь же в стаю, волк отпускает все тормоза. В 1812 году в Карпатах волчья армия атаковала роту австрийских солдат. Наутро поле боя было усеяно телами: трупы солдат лежали среди груды волков. Век спустя, в 1914 году, на Урале волки напали на санный поезд, загрызли нескольких лошадей и трех человек.

Таковы факты. Но, как известно, именно факты зачастую и порождают легенды. Скажем, легенду об «оборотне из Геводана».

В июне 1764 года возле французского местечка Геводан появился неведомый зверь, который навел страх на всю округу. Тотчас же отыскивались свидетели, которые увидели у зверя рога. Вслед за тем появились точные описания дракона с коня величиной, затем гигантского ежа и, наконец, медведя с волчьей головой.

Зверь явно был оборотнем: он нападал, убивал, и никто не в силах был поймать его. Да что там поймать — его не могли даже увидеть! Список жертв с каждым днем удлинялся. Во всем Геводане жизнь приостановилась, люди сидели по домам ни живые ни мертвые.

Губернатор объявил настоящую мобилизацию; в ней участвовало более 20 тысяч человек, в том

Фото Н. НЕМНОВА

числе драгунский полк и ловчие, специально присланные королем. В ходе облавы со столь предствительным участием 22 июня 1765 года был убит громадный волчина, 63 килограмма весом. С этого дня убийства прекратились. Да, никаких сомнений: геводанский зверь был волком!

Правда, с этим согласились не все. Кое-кто считал, что здесь не обошлось без тигра. Тигр, правда, должен был обладать поистине незаурядными пешеходными качествами, чтобы добраться из уссурийской тайги до Геводана.

Существуют обстоятельства, при которых самый банальный волк способен за короткое время превзойти все печальные рекорды геводанского зверя: это когда волк становится бешеным. Бедствие! 23 апреля 1739 года бешеный волк промчался по восьми деревням в Оверни, укусив семьдесят человек, из которых больше полусотни умерли от бешенства. В мае 1784 года в Кальвадосе другой бешеный волк увел с собой в могилу 10 человек.

Так что, несмотря на все симпатии, которые можно питать к зверю, волк не самый приятный сосед человека. Уже император Карл Великий создал специальный отряд «лупариев», в задачу которых входило уничтожение волков.

Однако попробуем, несмотря ни на что, объективно подойти к серому созданию и судить о волке так, как он судит о себе сам: ну зверь, ну свирепый, но ведь он живет согласно правилам, которые отвела ему природа. Мерзкий нрав? Но ведь другого ему не дано.

Волчья стая кажется со стороны бандой, живущей по «волчьим законам» — каждый за себя. В действительности это четко организованное сообщество, спянное дисциплиной, с иерархией, со своими кастами, званиями и тщательно соблюдаемыми условностями. В волчьей стае разработан целый церемониал символических жестов, начиная от манеры держать голову, кончая тем, как тот или иной член стаи вздыбливает шерсть на холке и щерит зубы. Главенствующая роль тут принадлежит хвосту. Горе волку, который предстанет хвостом трубой перед вожаком стаи! Приговор будет короток и приведен в исполнение немедленно. Мой совет: в подобной ситуации носить хвост поджатым к животу,

Речь идет не о соблюдении

чисто светских условностей. Стая волков подобна команде рэгбистов. Каждый знает свое место и свою роль: одни волки поднимают жертву, другие гонят ее, третьи перехватывают. Роли распределены задолго до операции, тактика выработана, и каждый действует по приказу.

Только один раз в год наши звери теряют эту почти прусскую выучку. Этой метаморфозой волк обязан волчице. К концу января красавица дает понять, что не прочь обзавестись верным другом; вокруг нее сбиваются претенденты, оглашая по ночам окрестности галантным воем. Волчица бросается по горам и долам, увлекая за собой ухажеров. Марафон призван устранить слабонервных.

Однако, несмотря на столь легкомысленное начало, зубастая красавица, сделав выбор, относится к браку со старомодной серьезностью. Пара волков живет вместе два-три года, иногда всю жизнь.

Тем временем через шестьдесят пять дней после описанной встречи на свет появляются от четырех до десяти волчат — голых и некрасивых. Мамаша держит их в логовище из сухой листвы, утепленном клочками собственной шерсти. Из предосторожности мама-волчица готовит несколько логовищ, куда в случае опасности она перетаскивает потомство.

Полтора-два месяца она вскармливает малышек молоком. Счастливицу отец в это время вынужден охотиться за двоих. Затем зубастых деток переводят на мясную диету. Поначалу для выучки они не брезгают падалью; затем отец притаскивает полузадушенную добычу, которую волчата храбро приканчивают.

Волчата растут очень быстро. В два месяца они уже величиной с лисицу. В три месяца они уже охотятся с родителями в окрестностях логова. В полгода подросток весит добрых 15 килограммов, а в год становится волком. В два года (уж если кто волк, тот недолго ходит в младенцах) это уже взрослый волк, а в три — матерый волк, что представляет высшую ступень иерархии.

Живя с родителями, волк не бунтует против них (как это модно сейчас среди молодежи). Волчья семья включает отца, мать, шесть-семь взрослых детей и выводок малышек, внутри этой семьи существуют отношения, весьма похожие на любовь.

Вот мы и подошли к волку с непривычной стороны. Любовь... и волк. Наверное, именно она заставляла отдельных энтузиастов пробовать приручать волка. О, разумеется, я говорю не о печально знаменитых «водителях волков», которые в прошлом бродили от деревни к деревне, таща на цепи щелкавших челюстью зверей. В апреле 1879 года в Нормандии стража арестовала одного из этих субъектов, который вымогал у крестьян деньги, грозя в противном случае спустить своего воспитанника с цепи.

Волчонок, взятый во младенчестве, ластится к вам, как щенок. Но к году-полтора его волчий нрав все-таки берет верх над привязанностью к хозяину. И в самом деле — как за одно поколение порवेश со всей своей породой? Известный натуралист XVIII века Жак Вальмон де Бомар взял в дом волчонка, когда тому шла неделя от роду. Премилое было создание. Ученый играл с волчонком, учил приносить в пасти туфли и даже брал с собой в постель. Однажды ночью натуралист проснулся от боли и увидел, что протеже жует его лодыжку.

Правда, надо признать, что и здесь были исключения: иногда волки оставались домашними в течение нескольких лет, повергая в ужас воров и соседей. Пальма первенства здесь принадлежит, очевидно, волку некоего мсье Мунье, который, как писали французские газеты в 1807 году, при виде хозяина, вернувшегося после долгого отсутствия, умер от радости.

И тем не менее, несмотря на все трогательные примеры, несмотря на волчицу, вскормившую Рема и Ромула, несмотря на многочисленных Маугли, не надо рассчитывать на слишком быструю эволюцию во взаимоотношениях человека и волка. Утечет еще немало воды, прежде чем злой Серый Волк превратится в верного пса.

Испанский зоолог доктор Родригес Фуэнте считает, что человек и волк могут найти общий язык только на одном условии. Человеку, утверждает он, надо освободиться от мысли, что «хорошие» звери — это те, которые подчиняются его, человека, воле. Каждый зверь знает свои права и свои табу, и не нужно навязывать ему того, чем он не обладает.

Перевел с французского
М. БЕЛЕНЬКИЙ

ДЖОН УОЛШ

ВРЕМЕНИ МАЛО, ВОДА ПРИБЫВАЕТ

Когда на таможду прибыли наши «ружья особого назначения», суринамские власти встали в тупик. Как классифицировать это грозное оружие? Считать ли его оружием или зарегистрировать в качестве медицинского снаряжения — ведь в комплект входили иглы для инъекций, снотворное... Такие ружья только-только изобрели, и сначала с их помощью усыпляли в зоопарках диких зверей, если требовалось, скажем, осмотреть глотку больного ангиной тигра.

Действует это ружье, как духовое, и стреляет алюминиевой иглой для инъекций. Ружье бьет метров на тридцать. Игла пробивает кожу животного, и поршень, заключенный в этот своеобразный шприц, выдавливает дозу снотворного.

К сожалению, стрелять из них в густом тропическом лесу — дело необычайно сложное. Стоило игле задеть в полете крошечный листок, пустяковую веточку, как она отклонялась от цели и исчезала в зарослях, чаще всего бесследно.

Вот уже несколько недель, как вода полностью

затопила островок, лежавший километрах в тридцати от плотины. Мы успели снять с него всех наземных животных, а позже, когда листва с затопленных деревьев опала, мы вновь побывали там, чтобы вывезти тех животных, которые нашли спасение на деревьях. Теперь на бывшем островке остались одни только обезьяны-ревуны. По южноамериканским (обезьяньим) стандартам, ревуны — настоящий гигант: его длина вместе с хвостом больше метра. Начинать их отлов было немного преждевременно: «жизненного пространства» им пока хватало, да и пищи тоже. Но мне не терпелось поскорее испытать ружье, чтобы выяснить, пригодится ли оно здесь, в джунглях.

Сначала мы шли на моторах, потом на веслах, осторожно пробираясь среди полузатопленных стволов. Над нашими головами, на высоте четырехэтажного дома резвились обезьяны. Их было десятка полтора, они раскачивались на ветвях, оживленно болтая друг с другом и внимательно наблюдая за нами. Я достал из чехла ружье.

— Оно усыпляет зверей. Вот выстрелю в обезьяну, и она тотчас уснет, — сказал я своим ребятам. Слы-

шали бы вы, как недоверчиво расхохотались мои приятели негры!

У ревунов непременно бывает вожак, обезьяний царек. Я отыскал его среди других, выждал удобный момент и выстрелил.

Конечно же, промахнулся! Я выстрелил вторично, уже начиная понимать, что во влажных джунглях это делать несколько труднее, чем в тире. Вторая «пуля» вонзилась в ветку под самой обезьяной, с силой впрыснув в ветку содержимое, словно желая крепко-накрепко усыпить ее!

Третий выстрел оказался удачным. Игла попала в левую заднюю лапу обезьяны и застряла там. Вожак на мгновение замер, повел головой, взглянул на иглу, вытащил ее, швырнул в воду и снова как ни в чем не бывало заскакал, запрыгал среди ветвей!

Мои помощники гоготали, вопили, улюлюкали, лодки под ними ходили ходуном. Они не сомневались, что обезьяна натянула мне нос, но я жестами велел своему помощнику Симу не выпускать вожака из поля зрения — я же знал, что тот получил изрядную дозу снотворного!

Скоре обезьяний правитель вновь показался над нашими головами. Он уселся на кончике сука и принялся методично раскачиваться взад и вперед. Смех и шутки прекратились, раздалось удивленное «Ву-у-у-уу!». Обезьяна покачалась, покачалась, с трудом удерживая равновесие, затем медленно и мягко перевернулась вниз головой. Лапы ее безжизненно повисли, и теперь она держалась на одном хвосте, мерно раскачиваясь, будто маятник. Я схватил сетку, насаженную на длинную рукоять, и растянул ее под веткой с обезьяной.

— Сейчас она свалится! — торжественно объявил я, и через несколько секунд добыча действительно Лупала в сетку.

— Ты убил ее, босс... — растерянно проговорил Сим, и я был приятно изумлен, уловив печаль в его голосе.

Я положил этот клубок меха на дно лодки и стал разглядывать его. Мохнатая темно-бурая шуба казалась отлитой из металла, она мерцала и поблескивала, словно сплав золота и меди. Хвост густо зарос шерстью, но только сверху, снизу он был совсем голым: так было удобнее хвататься за ветви. Я решительно произнес:

— Сегодня вечером, как только стемнеет, она проснется.

На обратном пути в лагерь мы завернули к островку, который некогда имел в поперечнике около четырех километров, а теперь от него остался лишь крошечный пятачок. Мы уже дважды побывали на нем и теперь заглянули туда просто на всякий случай. Я рассчитывал найти там черепах, крыс, может быть, змей. Но увидел жаб, множество жаб! Одни покачивались на воде, другие заполнили кусочек земли и сидели, плотно прижавшись друг к другу. Это были гигантские тропические жабы, распространенные в Южной и Центральной Америке. Нигде эти жабы не достигают таких размеров, как в Гвиане. Отдельные экземпляры имели в поперечнике тридцать сантиметров — что твоя долгоиграющая пластинка! Все наиболее крупные жабы оказались самками, и у каждой на спине восседал самец.

Стоя по колено в воде, мы стали дюжинами грузить в челны ослабевших амфибий. Все они были необычайно изнурены голодом, но стоило мне только попробовать снять жабу-самца со спины возлюбленной, как мускулы на его передних лапках наливались силой и напрягались, словно стальные трюсики!

Мы вернулись в лагерь, и меня охватило беспокойство. По всем расчетам, обезьяне уже давно следовало проснуться, но налицо были иные, зловещие признаки: сердце едва билось, дыхание было прерывистым и тяжелым. Значит, доза оказалась слишком большой...

Скоро обезьяна совсем перестала дышать, ее десны и язык посинели от недостатка кислорода. Я положил распростертое тельце себе на колени и стал массировать грудную клетку. Дыхание то появлялось, то вновь прекращалось, и так продолжалось бесконечных два с половиной часа. Руки мои онемели, их охватила тупая боль. Но все-таки в конце концов дыхание обезьяны сделалось равномерным, сердце забило ритмично, начали подрагивать веки.

Я положил обезьяну на ящик в центре лагеря. То и дело подходил кто-нибудь из ребят для того только, чтобы убедиться, жива ли она. Часов в семь вечера бывший царек начал поднимать голову, но тут же ронял ее. И всякий раз аудитория раздражалась удивленными восклицаниями и одобрительным смехом. Мы перевели вожака в клетку, намереваясь задержать его в лагере до тех пор, пока не переловим остальных, чтобы выпустить на волю всю компанию сразу.

Очень трудно было рассчитать правильную дозировку снотворного. Мы исходили из опыта с североамериканскими животными, варьируя дозировку в зависимости от вида млекопитающего, его веса, а также концентрации раствора. На деле, однако, все оказывалось гораздо сложнее. Скажем, тапир всего в четыре раза тяжелее взрослого человека, но, чтобы усыпить его, требуется снотворного в десять раз больше. Для крупных копытных, например коров и оленей, на каждые сорок килограммов веса требуется один кубический сантиметр раствора. Но что касается животных гораздо меньших размеров — лис, енотов, то здесь пропорции нарушаются.

Нам так и не удалось выяснить оптимальную дозировку для некоторых животных, в частности для гигантского броненосца. В Суринаме он встречается сравнительно редко. Во всяком случае, за восемнадцать месяцев работы нашей экспедиции мы поймали всего семь штук.

Вот как мы ловили нашего первого броненосца.

Солнце близилось к зениту, когда мы поехали на остров, лежавший километрах в пятнадцати от плотины. Один из наших людей, Бэлли, со своими собаками был уже там. Стоял ужасающий гвалт, истошно лаяли собаки, трещали кусты — свора гналась за каким-то зверем, стараясь направить его туда, где его ждали сидевшие в лодках негры.

Мы выскочили из лодки и сквозь колючие кусты и цепкие лианы ринулись в чашу. Выбежав на небольшую лужайку, мы застыли как вкопанные: в двух шагах от нас, словно призрак, явившийся из далекой третичной эпохи, стоял, медленно переступая с ноги на ногу и покачивая своим литым телом, гигантский броненосец. В длину он достигал метра. Прибавьте еще столько же на узкую костистую морду и чешуйчатый хвост. Рядом надрывались от лая три собаки. Они все время норовили схватить броненосца, а тот яростно защищался. Одна из собак попробовала было тяпнуть его за хвост. Но зверь мгновенно развернулся и резко замахнулся на собаку передней лапой. Просто счастье, что он промазал: каждая из передних лап броненосца снабжена крепким изогнутым десятисантиметровым когтем. С помощью этого грозного инструмента животное потрошит термитники (термиты — его излюбленное лакомство).

Появился Бэлли и отогнал собак. Броненосец смотрел на нас, мы — на него, и никто не знал, что делать дальше.

Первым принял решение он и двинулся в заросли высокой, чуть ли не в три метра, травы. Тогда-то я и свел близкое знакомство с этой славной зеленью! То была знаменитая «трава-пила», «трава-бритва», широко распространенная в тропической Америке. Она пышно произрастает в местах порубок и внешне выглядит совершенно безобидной. Но по краям каждой травинки торчат миниатюрные острые, как бритвенное лезвие, зубчики.

Со всею стремительностью, на какую он только был способен, броненосец двинулся в траву. Понятия не имея, чем может кончиться подобное предприятие, я кинулся вслед за ним. Краем глаза я успел заметить, что мои помощники остановились. Спустя секунду остановился и я, да было уже поздно... Мои руки и лицо покрылись сотнями порезов, как будто я внезапно попал в чашу, где вместо зелени произрастали бритвенные лезвия. По моему телу, рукам, лицу струилась кровь, она заливала мне глаза. Негры поспешно принялись рубить своими мачете проход в траве, чтобы выволить меня.

Тем временем остальные ребята обошли коварную лазейку стороной и вновь окружили броненосца. Когда я подоспел, тот уже орудовал вовсю. Он старательно закапывался в мягкую латеритную землю. Животное работало одновременно мордой и передними лапами, и розоватые комья так и летели в разные стороны. Я ухватился было за его длинный, похожий на морковку хвост, но он с силой вырвал его из рук.

— Тащи скорее ружье и прихвати парочку лопат! — крикнул я Симу, который как замороженный любовался этой сценой. Броненосец уходил в землю все глубже и глубже — под углом в 45 градусов. Через пять минут, когда вернулся Сим, на поверхности оставался лишь кончик панциря да этот умильный хвостик-морковка — наш приятель целиком ушел под землю! Отступив метра на три-четыре, негры принялись с азартом копать яму, намереваясь перехватить броненосца. Пока я наполнял шприц раствором, животное скрылось из глаз, но я знал, что с минуты на минуту оно появится в дыре, сделанной моими ребятами, и уж тут-то я накрою его!

Казалось, все идет хорошо: в яме появилась морда броненосца. Однако уже в следующее мгновение он дал задний ход и стал стремительно уходить «на погружение», причем в ином направлении! Негры с удивительным рвением бросились копать две ямы в разных местах. Через полчаса из отверстия опять вынырнула морда. Броненосец огляделся и тотчас же исчез. Все началось сначала... Почти четыре часа мы в полном смысле слова копались с этим негодяем! Теперь он переменял тактику: стал зарываться совершенно вертикально. Мы сдались...

В течение нескольких последующих недель я при каждом удобном случае заезжал на остров, чтобы посмотреть, как ведет себя наш бронированный противник. Вода поднималась, остров уменьшался в размерах, и я не сомневался в том, что броненосец голодает. Так миновали четыре месяца. Наступил день, когда от острова осталась лишь полоска земли шириной меньше ста метров. Она возвышалась над водой всего на каких-нибудь два-три метра, а это значило, что зарыться на большую глубину броненосец уже не мог. Мы высадили на остров десант из четырех человек и сразу же увидели нашего мучителя. Пофыркивая и похрюкивая, он рыскал по

островку в поисках пищи. Трое негров навалились на негр, а я всадил ему в заднюю ногу шприц со снотворным. Доза была максимальная — полтора кубика. Через пять, самое большее — десять минут он непременно свалится.

...Полчаса спустя он еще продолжал таскать нас по островку! То и дело этот мерзавец останавливался и начинал закапываться в землю, и тогда нам приходилось переворачивать его на спину, чтобы хоть немного перевести дух. Через час я решил, что пора сделать повторный укол. На сей раз он получил дозу, которая уложила бы и жеребца! Снова ничего утешительного: уцепившись за все его четыре конечности, мы так и не могли затормозить и продолжали скользить за ним, как на лыжах. Стоило чуточку ослабить усилия, как он немедленно начинал закапываться. Больше всего меня пугало то, что он доберется до воды, уснет и погибнет.

Наконец мы почувствовали, что его энтузиазм угасает. Он начал спотыкаться, все чаще и чаще припадать к земле. С ним уже свободно управлялись двое. Под ручки, словно подвыпившего медведя, мы подвели его к лодке. Погрузив в нее эти сорок килограммов мяса и брони, мы втроем уселись на броненосца и отправились в лагерь.

Какое счастье, что путь был недалог! Явившись в лагерь, мы призвали на подмогу свежие войска и, попеременно волоча и ведя обалдевшее, животное, доставили его к месту назначения. Броненосец был уже почти невменяем. Он не сопротивлялся, не дрался, не пытался рыть нору, а только ходил и ходил по кругу, как лунатик. Мы поставили перед ним клетку. Он вошел в нее, обалдело ткнулся в решетку, разогнул и разломал лапами железные прутья и, качаясь, вышел с противоположной стороны. Мы потащили его к дощатой хижине, служившей нам складом. Он и здесь не противился, но незамедлительно проломил заднюю стенку и выбрался на волю.

Что было делать? Никаких сил не хватало удерживать его. Надвигалась тьма, но мы сочли за благо отвезти его к берегу озера и уж там выпустить на все четыре стороны. Ответы не теряя ни минуты, пока еще можно хоть как-то контролировать его действия. Повторилась уже знакомая процедура: броненосца погрузили в лодку, и три человека уселись сверху на это чудовище, которому по всем правилам полагалось спать мертвым сном еще несколько часов назад! В дороге броненосец, к нашему ужасу, начал понемногу приходиться в себя. Он забеспокоился и даже стал агрессивен: то и дело с угрожающим видом замахивался на нас своей милой лапкой... Уже стусились сумерки, когда мы доставили его в безопасное место...

Это случилось на островке, уходящем под воду буквально на глазах. Мы поймали там двух оленей, подюжины суринамских кроликов-агути и нескольких ленивцев. В операции приняло участие восемь лодок, по два-три человека в каждой. Мы уже двинулись обратно, как вдруг один из сидящих в лодке завопил, указывая рукой куда-то вверх: «Тигровая кошка! Тигровая кошка!» Он увидел оцелота.

Кот обосновался среди ветвей, на высоте не меньше десяти метров. С легкостью, будто он прыгал по земле, оцелот перелетал с дерева на дерево. Мое ружье было давно заряжено, но стрелять я не решился: листва была слишком густой.

Негры образовали полукруг из лодок, отжимая оцелота к кромке деревьев, поближе к открытой воде. Наконец он оказался на высоком дереве, стоявшем несколько на отлете. Ребята преследовали кота

на веслах, по дороге спрежая своими мачете тонкие деревья, — они торопились полностью изолировать дерево, на котором сидел оцелот.

Зверек был гладким и сытым и вообще выглядел превосходно — очевидно, он неплохо питался все это время, охотясь на вконец ослабевших мелких животных. Кот выгнул спину и злобно заурчал, когда мы стали рубить нижние ветви, чтобы я мог лучше прицелиться. Внезапно он прыгнул на одного из парней. Но второй был начеку и успел ударом весла отвести лодку в сторону. Кот шмякнулся в воду рядом с челном, а его потенциальная жертва, не мешкая, прыгнула за противоположный борт! (Потом бедняга уверял всех, будто потерял равновесие и упал.)

В каждой лодке имелся комплект разнообразных шестов с петлей на конце, предназначенных именно для охоты на оцелотов и прочих кошек, но на сей раз нас застали врасплох: кто мог подумать, что он осмелится прыгнуть?! Стрелять я боялся — можно было ненароком попасть в кого-нибудь из ребят. Словом, пока наращивали шест, наш промокший, продрогший, вконец взбешенный оцелот вновь оказался на дереве...

Я открыл стрельбу. Первая игла пролетела мимо, вторая последовала за нею. Кот перебрался на другую ветку, и там его настигла третья «пуля». Он зашипел, изогнулся колесом и с яростью выдернул иглу из задней лапы, но было уже поздно: заряд начал действовать моментально. Оцелот жалобно мяукнул, припал к ветке, растянулся на ней, свесил лапы по обе стороны и затих. Он лежал неподвижно, словно меховой воротник, и ветерок мягко шевелил его шерстку.

Мы решили срубить дерево, чтобы не лазить за котом. Вновь окрестности огласились лязгом мачете, а потом дерево накренилось и с треском рухнуло в озеро. Едва лишь оцелот оказался в воде, началось нечто невообразимое. Кот вертелся, бил по воде лапами, брызги летели во все стороны, озеро кипело и бурлило! Я прыгнул в воду, поднырнул под кота и схватил его поперек туловища. Он напоминал обычную упитанную домашнюю кошку, только в целый метр длиной. Однако я хорошо знал, какие у этой кошечки когти!

Кот опять впал в беспамятство, и я передал его Симу, тот стрел его за шиворот, и, прежде чем оцелот успел сообразить, что происходит, мы запихали его в мешок. Вот тут он себя показал! Пришлось прямо сквозь брезент сделать ему еще один укол — иначе он наверняка разорвал бы мешок, а может быть, и себя самого.

Челнок достиг берега, мы вытряхнули кота из мешка. Несколько минут он лежал на сиденье, вытянувшись во всю длину — ну впрямь кошка, греющаяся на солнышке! Хвост его слегка шевелился, веки дрожали. Он очнулся, медленно сел, мрачно взглянул на нас и нетвердыми шагами двинулся по доске, один конец которой был на носу лодки, а другой — на берегу. Но едва он ступил на землю, как вся его сонливость вмиг улетучилась. Он рванулся в джунгли с такой быстротой, с какой бродячий кот улепечывает от стаи собак! Добывать пищу там, в зеленых дебрях, конечно, нелегко, но зато можно благополучно прожить весь свой долгий кошачий век.

Стоял июль 1965 года. Уровень воды в озере неуклонно поднимался, острова съезжались, из зеленых становились бурьми и, наконец, бесследно исчезли. Экспедиция работала уже больше года.

За это время мы спасли около пяти тысяч всевозможных животных: четыреста с лишним оленей, больше тысячи трехпалых ленивцев, полтораста агутти, триста древесных дикобразов, сотни обезьян, муравьедов, опосумов, ящериц, змей, жаб и прочая и прочая. Ежедневно мы свозили на берег и выпускали в безопасном месте до пятидесяти животных.

Нужно спешить! На волнах покачивается мертвый броненосец, под действием воды и солнца его панцирь сделался белым-белым, словно простыня... Нужно спешить! Обнаружен мертвый ленивец. Смерть настигла его на дереве, и от животного остался лишь распавшийся на кусочки скелет... Нужно спешить! По воде плывет какая-то разбухшая, изъеденная червями серая масса — обезображенные останки того, что еще совсем недавно было двухгодовалым красавцем оленем... Нужно спешить!

Когда мы подбирали какое-нибудь ослабевшее от голода животное — ну, скажем, того же трехпалого ленивца, — мы вставляли ему в горло резиновый шланг с «грушей» посередине, опускали другой конец в банку с фруктовым компотом и «закачивали» в желудок пищу. Обычно уже на следующий день животное ело самостоятельно.

Не знаю почему, но именно вид умирающих от голода трехпалых ленивцев производил на меня особенно тягостное впечатление. Они до того глупы и кажутся такими беззащитными с их неизменной, как бы приклеенной к мордочке идиотской улыбкой, что даже вид совершенно здорового сытого ленивца невольно вызывал у меня жалость. В поисках пищи эти несчастные глупые существа медленно взбираются на самую вершину дерева и, не обнаружив там ни единого зеленого листочка, столь же медленно спускаются вниз. Они плывут к соседнему стволу, целых полчаса карабкаются на него — и все для того только, чтобы убедиться: листев нет и здесь... Они слабеют с каждой минутой, и, если их не слопает кровожадная рыба пиранья, они так и будут кочевать от дерева к дереву, пока не умрут голодной смертью.

Первого тапира мы спасли довольно поздно — почти через год после начала операции «Гвамба». Объяснение простое: тапир великолепно плавает, и всякий раз, как заливало один остров, он перебирался на соседний. Однако к середине 1965 года пространства открытой воды сделались слишком большими, животные стали жестоко голодать. То и дело нам попадались тела тапиров, плавающие на воде за многие километры от ближайшего клочка земли.

Пятнадцать лодок с людьми окружили островок, собаки начали прочесывать заросли. Все шло как обычно. Разморенные жарой, мы поклевывали носами в своих челнах, как вдруг раздался возбужденный голос Бэлли: «Большой зверь! Большой зверь!» Из кустарника рысцой выбежало животное размерами с шотландского пони, с удлиненной, словно обрубленный слоновый хобот, мордой и массивной задней частью, напоминающей зад гигантской свиньи. Издав резкий вскрик, похожий на лошадиное ржанье, тапир понесся сквозь заросли, ломая кусты и молодые деревца, — настоящий четвероногий танк! Послышался громкий всплеск, и животное скрылось под водой. Минуты через две тапир вынырнул на поверхность в двух десятках метров от берега и поплыл, забавно поводя хоботообразным носом.

Когда он поравнялся с лодкой, мы уже были наготове. Негр Этти обмотал вокруг кисти веревку,

свернутую наподобие лассо (таким способом мы ловили на суше оленей), и набросил петлю на голову плывущего тапира. Непоправимая ошибка! Тапир мгновенно нырнул, и Эгги, будто схваченный невидимой исполинской рукой, вылетел из лодки, изогнулся в воздухе грациозной дугой и исчез в волнах.

Тапир вновь показался из воды, и вслед за ним появился полухлебнувшийся, отчаянно отплевывающийся и отчаянно перепуганный Эгги. А дальше началось столпотворение! Все пятнадцать лодок с разных сторон устремились к тапиру. Они налетали друг на друга, переворачивались, люди шлепались в воду, истошно вопили... Я попытался было навести порядок, но где там — меня не слышали!

Нам удалось все же набросить на тапира несколько петель и плотно опутать его веревками, настолько плотно, что он почти не мог двигаться. Правда, вскоре он почувствовал, что может свободно вертеть головой, после чего тапир с силой ударил по лодке своим каучуковым носом, впился зубами в борт и выломал изрядный кусок дерева! Пришлось и голову обмотать веревками, но в запасе у него еще оставались задние ноги, и, дрыгая своими лошадиными копытами, он сумел пробить здоровенную дыру в борту другой лодки. Сим спрыгнул в воду, чтобы связать буйну ноги, однако не тут-то было! Я кинулся к нему на помощь, и тогда всю силу копыта тапир обрушил на нас обоих... Лишь когда подоспели еще двое, удалось окончательно скрутить его.

Ну, а что теперь? Втащить в лодку четверть тон-

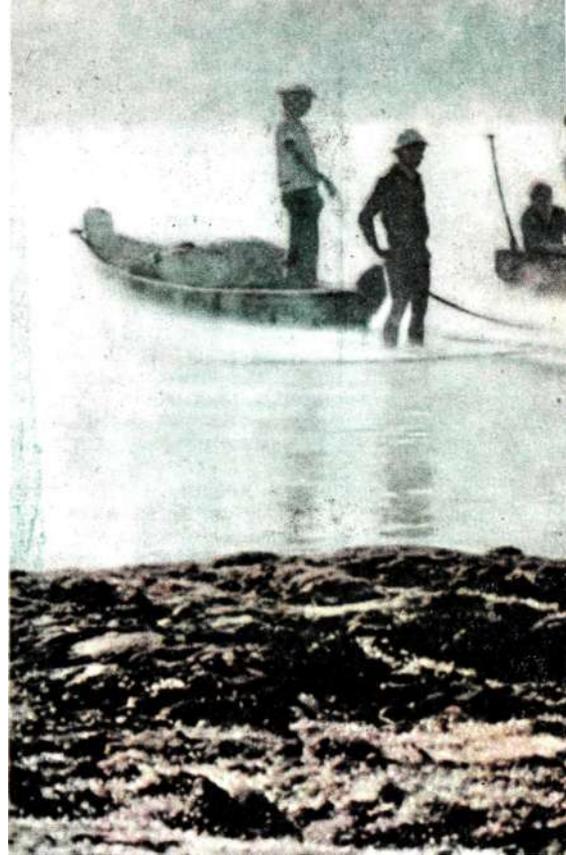
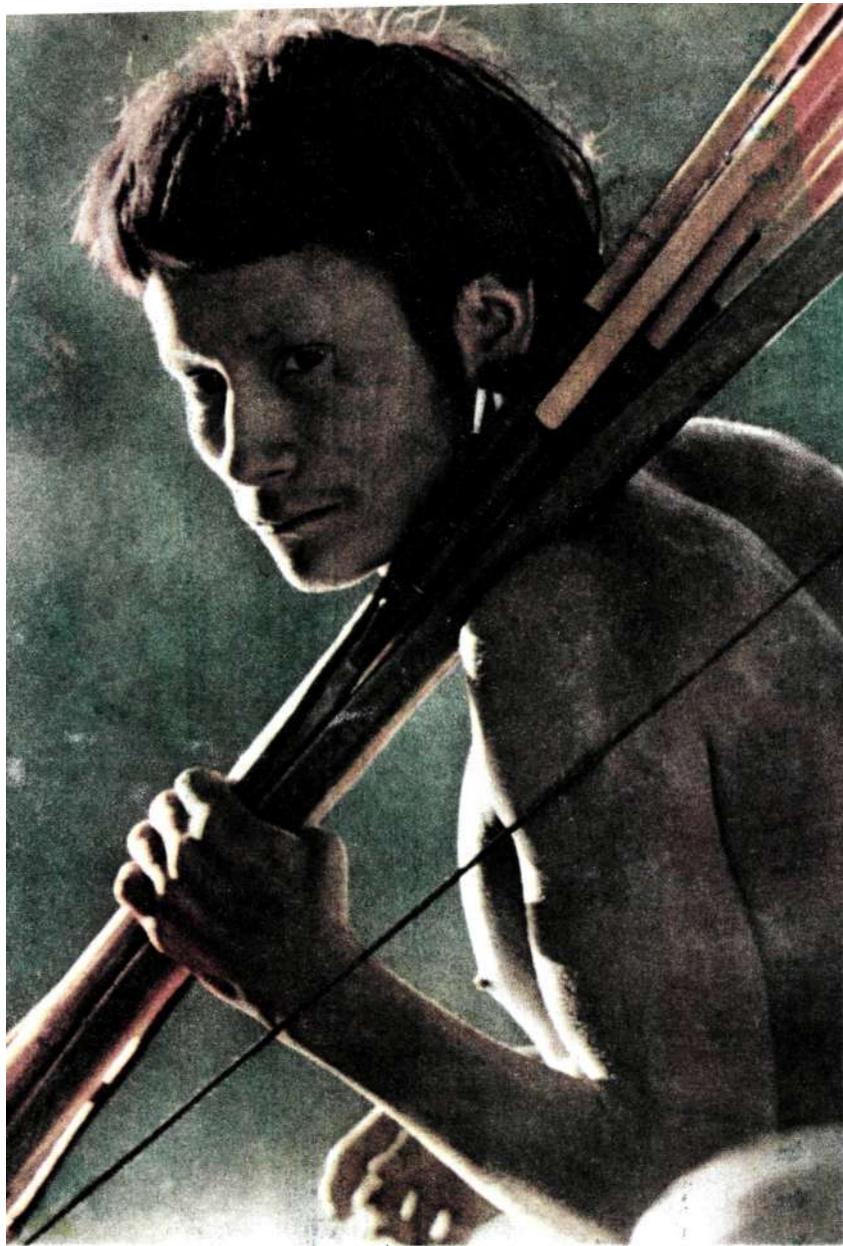
ны живого мяса мы были, конечно, не в силах. Решили поместить тапира между двух челнов, привязать его к бортам и отбуксировать к берегу. В теории все выглядело хорошо, однако на практике ничего не вышло: провести две лодки сразу сквозь заросли полузатопленных деревьев оказалось делом невыполнимым. И здесь нас осенило! В одном из челнов лежала куча спасательных жилетов. Мы связали ремнями две пары, одну подложили тапиру под шею, другую — под низ живота и повели его за лодкой на буксире, словно дирижабль.

Так родился новый «научный» термин «тапиротехника». Впоследствии мы действовали по раз и навсегда заведенному порядку. Собаки выгоняли животное из зарослей, оно бросалось в воду, отплывало на некоторое расстояние от островка, ныряло, снова показывалось на поверхности и т. д., а мы неотступно следовали за ним. Очень скоро тапир выбивался из сил (ведь по большей части он был изнурен голодом) и нырял все реже и реже. Тогда к нему с обеих сторон подходили лодки, беря его в тиски. Я делал тапиру инъекцию снотворного, а минут через тридцать-сорок, после того как лекарство начало действовать, мы брали животное на буксир и отвозили в безопасное место на берегу.

Таких животных за мою практику во время операции «Гвамба» было десять тысяч. Операция длилась непрерывно восемнадцать месяцев. Не считая, конечно, времени на подготовку.

Перевел с английского И. МИХАЙЛОВ

ОРЛАНДО ВИЛАС-БОАС

ДЛЯ ЧЕГО

МЫ

ЭТО

ДЕЛАЕМ?

Колонизация труднодоступных районов в Бразилии всегда влекла за собой гибель коренного населения. Достаточно вспомнить, что из 19 000 человек племени мадукуру, например, в живых осталось 1200, из 5000 бразильских гуарани — 300. И дело не только в том, что индейцы, не имеющие иммунитета к обычным для белых болезням, начинают вымирать, едва вступают в контакт с пришельцами. Индейцев истребляют помещики-латифундисты, чтобы освободить нужные им земли, на индейцев охотятся американские «миссионеры», занимающиеся в действительности поисками и контрабандой полезных ископаемых. Вторжение капиталистических отношений неизбежно превращает индейцев в бесправных и беззащитных париев общества, законы и правила которого страшны и непонятны им.

Лишь отдельные энтузиасты из среды прогрессивной общественности пытаются что-то сделать для защиты индейцев от вымирания. Наверное, нет нужды подробно представлять читателям «Вокруг света» братьев Орландо и Клаудио Вилас-Боас. О них не раз писал наш журнал.

Братья создали Национальный парк Шингу — своеобразный карантин для коренного населения Амазонии. Большого они сделать не в силах...

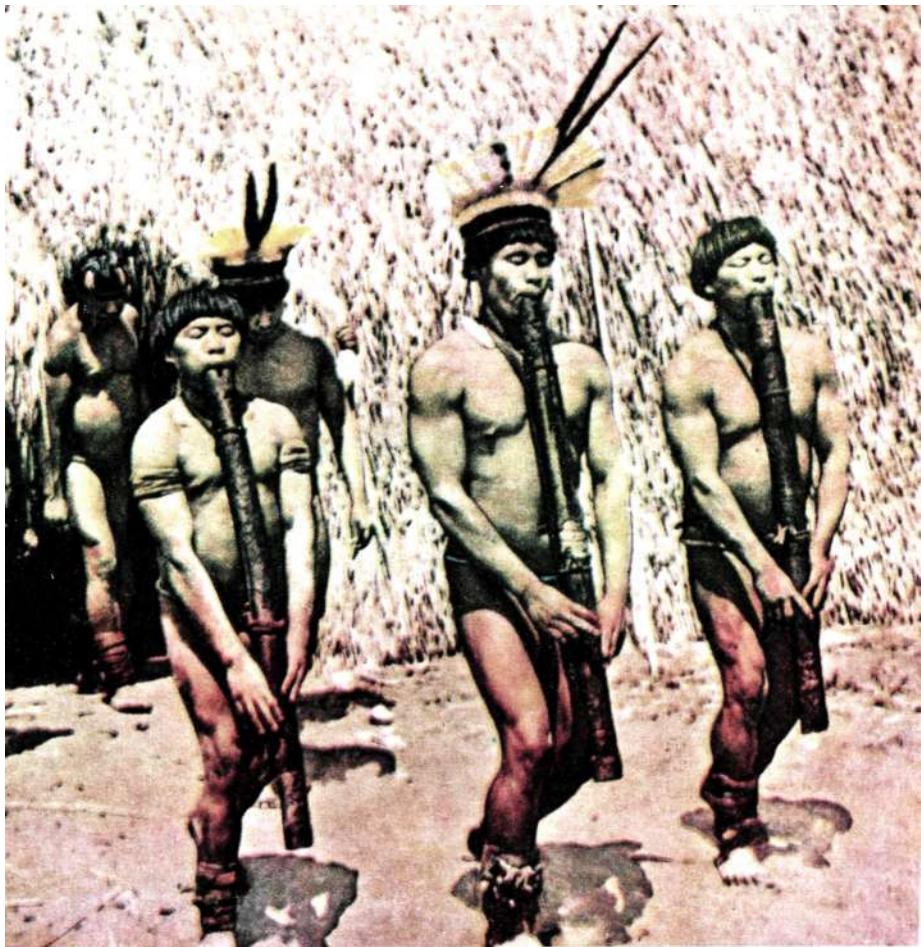
Хриплые крики птиц и вопли обезьян внезапно оборвались. Тихину джунглей нарушал лишь свист стрел. Шестифутовые стрелы шуршали в густой листве и глухо ударились о толстые стволы. За одним из стволов прятался мой брат Клаудио.

Стреляли индейцы — люди каменного века, люди, которые ничего, кроме разве гулкого рева самолетов, не знают о нашей цивилизации. Как еще могли они реагировать на появление Клаудио в их деревне?

Опыт подсказал брату реакцию на хорошо знакомый звук летящих стрел. Он подал сигнал своим спутникам — выстрелить в воздух. Индейцы, скрытые в кустарнике, разом убежали. Клаудио разложил на берегу топоры, ножи, бусы. Потом быстро спустился к реке Батови, где была спрятана лодка.

Пока больше делать было нечего. Можно возвращаться в наш поселок. Через некоторое время один из группы вернется, чтобы посмотреть, приняты ли дары. Если они приняты, мы снова попытаемся встретить индейцев, а потом постараемся, если пользоваться жаргоном правительственных чиновников, «умиротворить» их.

...Когда баржа ткнулась носом в берег и недоверчивые, настороженные чикао прыгнули на землю, люди из других племен уже ждали их с длинными флейтами «якуи» в руках...

«Умиротворение» занимает недели или месяцы, а чаще всего — годы. Происшествие, которым мы начали свой рассказ, относится к 1956 году. Лишь восемь лет спустя нам удалось подружиться с этим племенем — племенем чикао.

Восемь лет — срок немалый, но для нас время значит мало. Наша работа — отыскивать последние «неоткрытые» народы Земли и устанавливать с ними дружеские отношения. Этому делу мы посвятили всю жизнь.

Бразильскому правительству «умиротворение» лесных племен нужно для того, чтобы индейцы не нападали на геологов и на рабочих, прокладывающих дороги через сельву. Такова поначалу была и наша цель.

Но с годами мы научились любить и уважать индейцев. Мы поняли, как важно предотвратить трагедию, которая становится неизбежной, когда волны цивилизации достигают первобытных людей. И мы стали защитниками лесных племен.

Мы заведем Национальным парком Шингу Государственного индейского фонда Бразилии¹. С нами начинал еще третий брат — Леонардо, но в 1961 году он умер от тропической малярии. Как раз в том году был основан Парк Шингу. В память брата штаб парка был назван Пост-Леонардо.

Шингу занимает восемь с половиной тысяч квадратных миль. Расположен он близ географического центра Бразилии. Здесь, на грани двух миров, грозные и беззащитные первобытные племена с нашей помощью переходят к новой жизни. Этим решается их судьба, ибо если они не смогут жить в изменившихся условиях, они погибнут подобно десяти тысячам коренного населения Бразилии, которые исчезли с лица Земли вскоре после появления белых. Но переселять индейцев

¹ Государственный индейский фонд Бразилии — правительственная организация, официальная цель которой — защита индейцев от истребления. Он был создан под давлением прогрессивной общественности. Располагающий крайне незначительными средствами, фонд не в силах контролировать огромные территории Амазонии, где хозяйничают помещики-латифундисты. На протесты Фонда против истребления индейцев латифундисты, как правило, не обращают ни малейшего внимания, так как власть на местах принадлежит им же. Единственной попыткой действительно облегчить положение индейцев явилось создание Национального парка Шингу. — *Прим. ред.*

из лесов в Шингу мы начинаем лишь тогда, когда убеждаемся в том, что они смогут жить там.

Мы делаем им прививки против болезней, которые могут занести белые: ведь у первобытных людей нет иммунитета к этим болезням, и любой грипп может истребить целое племя за несколько дней. Мы убеждаем индейцев не воевать с племенами, которые стали их неожиданными соседями. Во всем остальном они живут обычной для себя жизнью. Для посторонних Шингу закрыт.

Случалось нам во время поисков заблудиться в лесу, случалось остаться без еды; бывало, мы возвращались на базу босые, оборванные, страдающие от малярии. Но если мы ведем с собой индейское племя, если вера этих людей в нас сильнее их страха, то наши лишения не напрасны.

Иногда мы путешествуем вместе, иногда врозь. На поиски племени чикао Клаудио отправился без меня в сопровождении восьми надежных индейцев. Об этом племени мы впервые услышали в самом начале 1950 года. Среди окрестных индейцев пронеслась молва, что появилось племя, говорящее на никому не известном языке.

Однажды вечером к нам пришел вождь племени наука Камалив. Он рассказал нам, что на его селение напали дикари из племени чикао; они убили двенадцать мужчин, увели с собой нескольких девушек, а деревню сожгли. Вскоре такому же нападению подверглись индейцы трумай, ваура и майнаку.

В отношении между племенами мы обычно не вмешиваемся. Но здесь вмешательство требовалось. Мы решили разыскать племя чикао, но чикао растворились в джунглях. И вдруг в 1956 году чикао напали на селение ваура на реке Батови. Племя ваура послало гоним к другим пострадавшим от нападений чикао племенам. Создался военный союз, и индейцы готовились к отражению агрессии. Берега реки Шингу обречены были стать полем битвы.

Мы больше не могли ждать. Клаудио и восемь его друзей индейцев, каждый из которых говорил на четырех наречиях, отправился в лодке искать чикао.

На восьмой день путешествия они встретили первые признаки человека: заброшенную хижину, такую, какие строят чикао, кусок сети. На десятый день они нашли бамбуковую стрелу, пляшущую по реке, а на одиннадцатый — след:

тропинку, которая вела в джунгли от берега реки.

Друзья спрятали лодку и беззвучно пошли по тропинке. Через три часа они услышали крики: это, чтобы не потерять друг друга в джунглях, перекликались индейцы.

Вскоре Клаудио и его спутники настолько приблизились к селению, что смогли ясно различать голоса женщин и детей. Продравшись сквозь чащу лиан и густую листву, Клаудио увидел чикао.

Перед Клаудио сидел на бревне старый индеец, тело которого было раскрашено блестящей красной краской. Другие мужчины спали, ибо был час отдыха, полдень, когда жара в джунглях особенно сильна. Голубой дымок лениво подымался от тлеющего огня. Вокруг бродили птички — маленькие и яркие поугаи.

Клаудио шагнул вперед. Он был без оружия. В руках, поднятых над головой, он держал яркие, блестящие бусы.

Клаудио и старик на бревне оставили друг на друга. Тысячи лет, что лежали между ними, перестали существовать на этот миг.

Молчаливое разглядывание длилось всего несколько секунд. Старик с криком вскочил на ноги. Сотни индейцев выпрыгнули из гамаков и из-под кустов, где они отдыхали. Женщины и дети бегом бросились в лес. Мужчины с воплями схватились за луки. Засвистали огромные стрелы. Клаудио и его спутники отступили под прикрытие деревьев. Чикао попытались зайти с флангов, и теперь их стрелы сыпались с разных сторон.* Тогда-то люди, сопровождавшие Клаудио, и выстрелили в воздух. В воздух, а не в нападавших, ибо и Клаудио и его спутники придерживались правила, которое давным-давно установил покойный Кандидо Мариано да Сильва Рондон — основатель Индейского фонда: «Умирай, если это необходимо, но никогда не убивай». Итак, Клаудио пришлось убраться в свояски, оставив на берегу подарки.

Прежде чем мы снова встретились с чикао, над племенем нависла смертельная опасность: к реке Батови пришли золотоискатели и гаримпейрос — добытчики алмазов. Пришли охотники за шкурами животных, лавочки, спекулянты и масса другого сомнительного народа.

Мы услышали об этом вторжении, прежде чем весь этот сброд

достиг мест, где проживали чикао. Мы поспешили наладить контакты с племенем. К тому времени индейцы, предосторожности ради, перебрались в другое место.

Новое селение оказалось лишь в сорока минутах лета от Пост-Леонардо. Правда, чтобы найти его в лесной глуши, нам пришлось немало потрудиться. Мы отправились туда на двух самолетах.

Сначала мы пролетели над деревней и сбросили подарки. Затем приземлились. Пилоты оставались в cabinaх; обе машины были готовы к быстрому взлету на случай, если индейцы отвергнут мир.

Я вылез из самолета и тут же услышал боевой клич индейцев. Ударяя связками стрел о луки, чикао производили ужасный шум; по всей видимости, они хотели показать нам, что их много и они прекрасно вооружены.

С подарками, поднятыми над головой — на этот раз это были связки мачете, — я уверенно пошел в ту сторону, где шум был особенно силен. Внезапно трое чикао выбежали на поляну. Сердце мое билось. Я остановился и протянул свои мачете.

Затем наступил момент, которого мы ожидали восемь лет. Воины бросили стрелы к моим ногам; затем они схватили мачете и бросились обратно в джунгли.

С новым запасом мачете мы снова выступили вперед. Из леса доносились крики чикао. Время от времени появлялся какой-нибудь индеец, выпрыгивал из кустов, потрясая луком и стрелами.

И вдруг целая шеренга воинов с криками бросилась на нас. Мы замерли. Индейцы все ближе и ближе... Вот они подняли стрелы... и бросили их к нашим ногам. На этот раз, схватив мачете, индейцы не убежали в джунгли.

Мы подали летчикам знак — выключать моторы.

Началось наше знакомство. Нам все его перипетии были известны заранее. Когда мы попытались сфотографировать чикао, они разбежались. Но вскоре вернулись воины. Потом из леса вышли женщины и дети. Они буквально визжали от страха, стояло только посмотреть на них. Мы раздали подарки. Топоры и мачете вызвали крики восторга. Спички внушали страх.

Мы улетели в Пост-Леонардо на ночь и вернулись на следующее утро.

В течение следующих двух лет мы прилетали к чикао на самолетах и ездили к ним на лодках. Мы привозили им время от времени еще мачете и топоры. Бусы и безделушки мы дарили им редко, а консервы или другую пищу белых — никогда. Мы все не хотели, чтобы чикао превратились в попрошайки и иждивенцев, живущих от подачи до подачи. Топоры и мачете — другое дело. Они нужны индейцам для работы и охоты. Постепенно мы знакомились с их языком и культурой. Чикао оставались для нас загадкой: они не знали многого из того, что распространено у других племен района Шингу: картофеля, земляных орехов, бананов. Они очень боялись собак, потому что увидели их впервые. Язык их сильно отличался от языков местных индейцев и, по мнению доктора Гальвана, был родствен карибским языкам, то есть языкам племен, населявших Малые Антильские острова.

Наше знакомство продолжалось, но до того, чтобы чикао переселились в Парк Шингу, было еще далеко. Мы не торопили ход событий; нам нужно было, чтобы индейцы сами поняли необходимость переселения. Чикао привыкли к нам, поверили в то, что мы желаем им добра. Тем не менее они не могли понять, зачем им покидать насиженное место. Так длилось до 1966 года, когда угроза полного уничтожения нависла над племенем. В этот год свыше тысячи гаримпейрос приплыли по реке на пароходе из Куябы — столицы штата Мату-Гросу. И очень скоро произошло столкновение, в результате которого из четырехсот человек в племени чикао осталось всего пятьдесят три. Уцелевшие чикао пытались уйти по реке подальше в джунгли, но в местах, которые казались безопасными, появились строители, чтобы проложить шоссе от города Бразилиа к порту Манаус на Амазонке, Теперь им было некуда спрятаться от внешнего мира. Настала пора увозить уцелевших чикао в Парк.

Власти предоставили нам старую баржу из списанного армейского имущества. Прошло много недель, прежде чем разбросанные по джунглям индейцы собрались у реки со своим убогим скарбом.

8 июля 1967 года полсотни индейцев чикао сели в баржу. Суденышко было переполнено. Двое из индейцев были серьезно

больны: один сильно простужен, у другого гноилась раненая нога. Одна женщина должна была вот-вот родить.

Согласно нашим инструкциям, баржа плыла очень медленно. Каждый день мы делали привал, чтобы искупаться, поохотиться, поудить рыбу или приготовить пищу. Баржа должна была пройти по трем рекам: вниз по Ятобо и Ропуро, затем вверх по Кулуэпе. Там, где Ропуро впадает в Кулуэпе, на берегу стояли с десятков индейцев из племени катаунго. Они пришли посмотреть на своих старых врагов. Сами катаунго уже несколько лет жили в Парке Шингу.

Схватив луки, чикао приготовились к битве. За несколько секунд баржа превратилась в боевое судно. Но наш моторист дал полный ход, и мы благополучно проскочили опасное место.

То, что происходило в первые дни приезда чикао, описать невозможно. Пост-Леонардо являл собой улей. Из столицы прилетели репортеры и чиновники — всем было интересно посмотреть на переселение загадочного племени. Индейцы, живущие в Парке, пришли из самых дальних его концов, чтобы встретить прежних врагов. Одно племя уступило им свои хижины, другое — плантацию маниоки.

Чикао, воинственно настроенные, спрыгнули на берег с луками и стрелами. Но их встретили криками радости. Наше напряжение спало, однако ненадолго. В толпе индейцев раздался радостный крик. Вождь племени ваура, дочь которого была украдена на шестнадцать лет назад, вдруг опознал ее среди чикао. Он все вглядывался в одну из женщин чикао, а потом внимательно осмотрел ее руку над локтем. Еле заметный след от прививки подтвердил его предположения: больше ни у кого из чикао прививки не было, да и быть не могло.

Вождь потянул было дочь к себе, чтобы прижать к груди, но она с плачем прижималась к мужу — воину чикао. Отец настаивал. Чикао и ваура схватились за луки. Тут подоспели мы с Клаудио. Нам удалось установить мир. Тем не менее прошло много дней, прежде чем мы убедили отца в том, что современные девушки имеют право выбирать себе мужа.

В честь новых переселенцев индейцы-старожилы устроили такое празднество, какого мы не виде-

ли за двадцать два года жизни в джунглях. Из тайников появились якуи — длинные волшебные флейты, на которые, по поверьям, женщинам смотреть запрещено. От их звуков нельзя было скрыться нигде. Раскрашенные воины пели на десятке наречий и кружились в танцах. Зашуршали пестрые головные уборы из перьев. Загремели погремушки из сухих орехов, привязанные к ногам.

Торжества продолжались весь следующий день и всю ночь. Усталые индейцы заснули к утру. Утром же улетели и столичные гости. Но они оставили след — грипп и воспаление легких. Через несколько дней все чикао были больны. Племя вновь оказалось на краю гибели. Мы с Клаудио, наш самоотверженный врач На-

тельс и медсестра несколько суток напролет ухаживали за ними. Умер один человек, остальных спасли.

Чикао переселились в новое селение, но наши и их заботы еще только начинались. Через некоторое время вновь вспыхнула старая вражда между племенами. Старожилы Парка вспомнили все обиды, которые им причинили в свое время чикао. Объединившись, они изгнали новоприбывших в джунгли. С большим трудом нам удалось найти и вернуть их.

Скорее всего их придется переселить в самый центр Парка, где живут индейцы, с которыми чикао никогда не враждовали. За этим, конечно, последуют другие трудности, другие трагедии, которые

мы не можем предотвратить, но можем только уменьшить.

Иногда люди спрашивают нас, знаем ли мы, что невозможно защитить первобытных индейцев от натиска «цивилизации». Если знаем, то почему же продолжаем свои попытки?

Да, мы знаем, что полный успех невозможен, но, если есть хоть малейшая надежда, мы будем продолжать нашу работу.

Мы понимаем, что Парк Шингу — своего рода резервация, но мы не можем защитить индейцев от бандитизма латифундистов на всей территории Амазонки. В Парке по крайней мере мы общаемся с ними гуманно. В наших условиях это, увы, единственный способ.

Перевел с английского
Л. МИНЦ

Ф. САЛАСАР

КАМБОИ ИДЕТ НА ОХОТУ

Воспоминания об этом путешествии до сих пор наполняют меня стыдом. Даже то обстоятельство, что все содеянное мною было немудрено, ни в коей мере не смягчает моей вины.

Просто мне не следовало отправляться к вайка, живущим на реке Риу-Матураса, притоке Риу-Негру на севере Бразилии.

До восемнадцати лет я был обыкновенным хулиганом, каких много в любом большом американском городе. С возрастом мне стало все больше надоедать бесцельное времяпрепровождение, составлявшее основную часть моей жизни. Нужно было вырваться из окружающей меня среды, причем вырваться немедленно — лучше всего куда-нибудь далеко уехать.

Я нанялся коллектором в антропологическую экспедицию, отправляющуюся в Гватемалу. Мы изучали быт индейцев в джунглях, делали антропометрические измерения.

Потом было еще несколько таких же путешествий.

Короче говоря, не получив сколько бы то ни было серьезной подготовки, я, что называется,

«поднахватался». И все время мне очень хотелось попасть к настоящим «диким» индейцам.

Скопив некоторую сумму, я вознамерился добраться до племени вайка. Добраться — что дальше, я толком не знал и предполагал на течение событий.

Если бы я мог представить, какие это будут события!..

Не могу сказать, что вайка приняли меня чересчур радушно. Но все же они позволили (мне остаться пожить в их деревне. Позволение стоило мне груды бус, зеркала, ножей. Воздю я преподнес мачете. Что бы я ни просил у вайка — позировать перед моим фотоаппаратом, показать, как стреляют из лука и тому подобное, — все это требовало очередных даров из моих запасов.

Скоро в деревне не осталось человека, который не мог бы похвастаться каким-нибудь медным, железным, стеклянным или пластмассовым предметом.

Один из индейцев — молодой мужчина по имени Камбои — выпросил у меня часы. Он чаще других бывал у меня, и между нами возникло что-то вроде дружбы. Увы, только вроде, ибо Камбои относился ко мне корыстно, видя во мне неиссякаемый источник подарков. Да и я относился к нему не иначе: за погремушки он приносил мне новые предметы индейской утвари.

В общем-то мне довольно скоро надоела жизнь среди вайку я стал собираться в обратный путь. Оставалось одно: сфотогра-

фировать индейца-охотника в джунглях.

Я пошел к Камбои.

Несмотря на то, что индейцы редко охотятся в одиночку, мне удалось; уговорить Камбои. Конечно, не обошлось без взятки, этого постоянного стимулятора нашей дружбы. Он захватил с собой лук, колчан с отравленными стрелами и небольшой кошель с едой. Я же взял пистолет, банку сардин и пригоршню галет.

Без труда я шел за Камбои по лесной тропе: он продвигался не так быстро, как я ожидал. С того момента, как мы вошли в джунгли, я стал с жадностью следить за Камбри: движения его были бесшумны и плавны, он едва касался земли. Солнечные лучи, пробившиеся сквозь густую листву, обливали его тело ровным матовым блеском. Вдруг яркий свет резанул глаза, потом это повторилось еще несколько раз. Я не мог понять, откуда исходил этот свет, пока не заметил на руке Камбои золотые часы, мой первый подарок. Через некоторое время начал греметь мешок и моими подарками, который Камбои не захотел: оставить дома и прикрепил к своему поясу. Сперва он придерживал мешок руками, но это, видно, ему надоело, и мешок гремел отчаянно.

В том месте, куда мы отправились, дичь была необычайно редка. Один раз мы набрали на недоодедного зверька размером кролика — остатки обеда ягуара или оцелота.

До моего появления в хижине Камбои не было ни одного металлического, стеклянного или пластмассового предмета...

Мы остановились, чтобы перекусить.

Я достал из кармана сардины. Камбои внимательно следил за тем, с какой легкостью консервный нож сворачивал крышку с банки, обнажая плавающих в масле рыбок. Он протянул руку: «Дай!»

Весь завтрак Камбои провел в задумчивости. Губы его шевелились, образуя беззвучные слова. Он облизал пальцы и посмотрел на часы, послушал, как они тикают, и потом долго смотрел на бегающую по циферблату секундную стрелку.

Он сидел на корточках в растерянности, оружие его в беспорядке валялось по траве, а ум боролся со странными новыми мыслями: «Почему тикают часы? Много ли растет в джунглях белого человека этих маленьких коробочек с рыбками внутри?»

Мой эксперимент провалился: не было уже вайка, полноправного властелина джунглей. Он не

стал человеком моего мира и не мог им стать, но уже не был хозяином самого себя.

Мозг и тело его уже не составляли единого целого. Это был уставший индеец. Его тело было обременено ненужными мелочами, голова переполнена мыслями о подарках, об огненной трубке, которая, может быть, перейдет к нему от белого вождя, об алюминиевой кастрюле, которую он постарается выменять у своего соседа, о зеркальце, которое он спрятал в надежном месте. («Надежно ли оно? Вдруг чужое лицо любит свое отражением именно в этот момент?»)

Камбои успел выучиться жадности, обману и подозрительности.

Мы возвращались по другой тропинке. Камбои осторожно раздвигал ветки деревьев, лук его был натянут.

Вайка никогда не возвращается с охоты с пустыми руками. А Камбои был прекрасным охотником.

Он оставил надежду подстрелить крупную дичь и стал выслеживать мелкую. Он убил двух диких индеек и обезьянку и, связав их за ноги, перекинул добычу через плечо.

Шаг его был легким и быстрым. Он на время забыл чудеса другого, непонятного мира. Он снова стал самим собой, снова стал главой семьи, индейцем вайка, который возвращается с охоты домой и несет своей жене и детям свежее мясо.

В конце концов мне повезло: я увидел то, что так долго старался найти, — гармонию человека и природы. Но я знал: конец теперь близок.

И потому, как я ни старался сохранить в памяти Камбои таким, каким я видел его в этот день, — свободного индейца, живущего в бесконечном мире джунглей, образ его не удерживался в моем сознании.

Перевел с английского
Г. ФРЕЙДИН

А время гонит лошадей.
(А. С. Пушкин,
«Телега жизни»)

Приходите, вы найдете их в мезонине. Может, кто-нибудь из них, трудно надеяться, конечно... И все-таки вдруг кто-нибудь покажется вам знакомым. Приходите. Вас ждут.

И я отправился. С предчувствием чего-то необычного и невесть откуда берущейся надеждой я шел, немного волнуясь, и вся неширокая старая Пречистенка вместе с прохожими, дворянскими домиками, черными чугунными оградами, портиками и фальш-колоннами качалась в такт шагам. Со стен домов оставались в лужи алебастровые длинномордые львы.

Весь этот классицизм, такой строгий, выверенный на берегах Невы, где дома смыкаются каждой

навстречу и влогонку. Не отрываясь смотрели из своих золоченых рам.

Что общего у них? Зачем собрались они? И где таблички с пояснениями — чья кисть, когда и кто изображен?

«Выставка «Портреты неизвестных в собрании Государственного музея А. С. Пушкина» необычна; она представляет собой эксперимент, — пишут в своем обращении к посетителям организаторы выставки. — Фонды музеев накапливаются десятилетиями. Музей же Пушкина в Москве еще десять лет тому назад совсем не имел экспонатов.

...Более семисот имен занесено теперь в почетную «Книгу даров». Не менее ценными были советы, которые направляли наши поиски. Так возник фонд музея. Мы не могли быть прихотливыми, рады были любой вещи, любому портрету пушкинской эпохи, так как всегда таилась надежда, что изображенное лицо окажется из круга Пушкина. И действительно, удалось собрать и определить немало цен-

БОРИС ПИСЬМЕННЫЙ

Что Вам известно о неизвестных?!

полоской фронтона, как солдаты на императорском смотру, здесь, в Москве-матушке, совсем не настоящий, будто в шутку сделанный. Земля московская горбатит домики, делает из них пряник и игрушку, а улица лихо закручивает все коромыслом. Какая уж тут классика...

Примерно об этом размышлял я, пока не подошел к месту. Завернул за угол желтого усадьбного дома, легко и гостеприимно отворилась парадная дверь, и оказался я сразу в тишине и зябкой прохладе.

Пройдя несколько комнат, я отыскал, наконец, лестницу в мезонин. Ее перила и точеные столбики хрупко белели на фоне малиновых стен, а старые, тщательно выскобленные ступеньки, как и положено, скрипели под ногами. Здесь был вечер и горел свет.

Девушка в открытом синем платье встретилась мне первой. Она кокетливо поджимала губы, в волосах горел белый цветок. Потом был полковник корпуса путей сообщения. С лицом скужающим и мягким, лицом любителя чтения и тихих бесед, «человек, в домашних туфлях на босу ногу». Парадный мундир как-то не подходил ему. Еще была еле приметная маленькая барыня в чепце.

В мезонине я огляделся. Бюро красного дерева. На нем разбросаны книги, печатки, мундштук слоновой кости, перо. В комнатах группами и по одному — государственные чиновники разных рангов, сановники, светские дамы, гусары — «...цвет столицы, и знать и моды образцы, везде встречаемые лица, необходимые глупцы; тут были дамы пожилые в чепцах и в розах, с виду злые; тут было несколько девиц, неулыбающихся лиц; тут был посланник...»

Да, да, конечно, я не знал здесь никого.

Когда я проходил мимо, казалось, они смотрели

них, а порой уникальных вещей. Но значительное число вещей еще не определено.

...Быть может, изображенных на портретах людей узнают не только искусствоведы, но также историки, филологи, знатоки книги, любители Пушкина...

...Мы просим помочь нам в наших поисках».

Здесь, на Кропоткинской (бывшей Пречистенке), в старинном доме (в нем мог бывать Пушкин, находясь в Москве), каждый испытывает достоверное ощущение времени, ушедшего навсегда. Создается это предметами той эпохи, их тщательно продуманным размещением, стенами, помнящими прошлый век; но не только этим, а еще и тем, что в каждой детали экспозиции вы чувствуете энтузиазм людей, которые собирали все это, их доскональное знание и любовь.

Прядь волос Пушкина, письма и книги, изгрызенное в раздумье перо, снятые с двери дома на Мойке истлевшие листы: «Положение больного не улучшается», обычная запись в кладбищенской ведомости: «Двора его императорского величества камерюнкер титулярный советник Александр Сергеев сын Пушкин», посмертная маска, портреты близких — все это так же дорого и важно, как и молодые пушистые ветки вербы на окнах (было вербное воскресенье), как добрая тишина в доме и знаки постоянного внимания, которые ощущаешь как-то исподволь.

...В мезонине пробили часы, глухо и мелодично. Старинные часы пробили, как и сто лет назад. Когда-то почти все экспонаты, собранные в этой комнате, были обыкновенно утилитарны, ценность их состояла в сиюминутной полезности, они были «живы», как только могут быть живыми неодушевленные предметы.

Коллаж Г. КОМАРОВА

А сейчас, собранные в отдельных огромных рамах — в каждой раме целый комплекс предметов, подобранных так, чтобы создать подходящую сцену, атмосферу неизвестному портрету, — они были символичны и загадочны, образуя системы уравнений со многими неизвестными, следственное досье портретов.

Рядом с портретом неизвестной женщины помещены изящный зонтик черного гипюра, лорнет, оплывшие свечи в бронзовых подсвечниках, кофейный сервиз.

На рисунке гусар Ахтырского полка — лихо закрученные усы, веселые, отчаянные глаза. Рядом с ним портреты военных, медаль за 1812 год и взятие Парижа, оружие, пожалованное за храбрость, полковое знамя, дуэльные пистолеты на зеленом сукне футляра...

Большая компетенция и осведомленность, искусство логических заключений, детективный, что ли, дар необходим, чтобы провести параллели и противопоставления, собрать разрозненные факты в печочки, восполняя интуицией разрывы и «белые пятна», и, наконец, в перекрестье направлений «засечь» координаты неизвестного портрета.

Как вдохновляющие образцы успешно завершённых исследований рядом с портретами без подписей выставлены ранее разгаданные работы. Тут же заключения экспертов с описанием каждого шага поисков, предположения и доказательства, сравнивающие черты неизвестной работы с портретом, определенным точно. Вам предлагают согласиться с гипотезами или выдвинуть свою.

Вот миниатюра на столике. Выполненный маслом портрет большеглазого ребенка. Чтобы подтвердить в нем маленького Пушкина, исследователю пришлось восстановить историю жизни и смерти многих людей, имевших отношение к поэту, пришлось сопоставить сотни фактов и дат, обратиться к антропологии, разбирая «специфическое выступание верхней губы относительно нижней, лукообразный рисунок верхней губы... и слегка прижатый книзу кончик носа», сравнить пропорции и детали на известных портретах Тропинина, Кипренского, Вивьена, вспомнить отзывы о них современников, обратиться к детским врачам, криминалистам, анализу ультрафиолетовыми и инфракрасными лучами.

Портреты прошлого — это словно бы овеществленное, «консервированное» время. Это часы и дни, потраченные сотню лет назад, чтобы написать картину. Рассматривая сейчас портрет, мы, бесконечно далекие от того времени, все же прикрепляемся к нему тонкой ниточкой, тянущейся от полотна. Любой факт или соображение могут укрепить эту, сначала лишь интуитивную связь. Перебрасываются к далеким временам и людям, и они оживают в нас, беззвучно рассказывая о себе.

Я увлекся, читая заключения исследователей, вывешенные под некоторыми портретами. Они подтверждали — вот это Баратынский, это Надежда Дурова — первая женщина-офицер, автор «Записок» в «Современнике», предисловие к которым написал Пушкин, восхищавшийся тем, что эти нежные пальчики, сжимавшие саблю, владеют и пером. Вот прекрасная Елизавета Воронцова.

А вот и отрицательный отзыв. «О миниатюре М. Циммера (Н. О. Пушкина?). Едва ли: что общего (у Н. О. Пушкиной) с изображенной несколько пучеглазой дамой, светловолосой, с чертами будто бы немецкой склада. Надежда Осиповна Пушкина, урожденная Ганнибал, была общепризнанной красавицей. Ее называли «прекрасной креолкой».

Л. Н. Павлищева писала: «У моей бабки волоса и глаза были темные, волоса несколько курчавые, черты лица безукоризненно правильные, редкой красоты».

Атмосфера поиска увлекла меня.

Я подошел к дежурной; она оторвалась на минуту от чтения. Старушка оказалась очень милой и общительной; беседовать с ней было легко и приятно, как со старой знакомой.

— Есть ли еще находки? Надеюсь, будут. Случаются и сейчас, а иногда и довольно странные. Както заглянули две женщины от Толстого. Музей Льва Николаевича здесь рядышком, через улицу, угол на угол. Именно заглянули, только дорожку перебежали. Осматривали все внимательно, не спеша, одобрительно кивая: коллеги все же — и вдруг заторопились, заспешили. Посовещались между собой. Одна осталась с непроницаемым лицом, другая ушла.

Вернулась улыбаясь. Так, улыбаясь, и подошли вместе к нам, потом подвели к портрету в овальной раме.

С темного холста гордо глядел мужчина с утонченным лицом. Напудренный парик, большие удлиненные глаза под темными бровями, чувственные ноздри...

— Это не ваш, а наш, — заявили женщины. — Потому что это Н. С. Волконский — дед Льва Николаевича. Пожалуйста, вот репродукция. Оригинал в Ясной Поляне. Мы страшно удивились, увидев картину здесь, звонили в Ясную — тамошняя картина на месте. Портрет, очевидно, писан дважды одним и тем же крепостным художником в 1770 году. Работа, видимо, понравилась, вот ее и повторили. Так что наш!

Музею Пушкина портрет был передан Калужским краеведческим как портрет неизвестного.

— Вы почитайте анкеты, вопросники, — предложила дежурная, — встречается удивительное. Вот на днях военврач — то ли он москвич, то ли проездом или в командировке, — пришел человек, глянул и написал такое:

«№ 12 (все неизвестные работы пронумерованы) не мог быть написан раньше 1816 года, так как на доломанах и ментиках было дано пять рядов пуговиц вместо трех (то есть лишь в 1816 году стали носить на мундирах пять рядов пуговиц). № 75 не полковник, а подполковник: на поле эполет показаны три звезды. У полковников на эполетах звезд не было».

Опытный искусствовед в своем отзыве соглашается с теми заключениями, что уже сделаны по отдельным портретам: «№ 50, 58, 19 — Дурова, № 23 — Баратынский, № 38 — Арапов, № 37 — Гребенка, № 40 — Нессельроде».

Такой сухой и совсем краткий отзыв очень важен. Если, уважаемый и беспристрастный коллега соглашается — это уже победа.

«...№ 46 следовало бы сравнить с акварельными портретами Апраксина работы П. Соколова», — предлагает сотрудник Музея русского искусства из Киева.

А вот еще: «На гравюре № 13, вероятно, великий князь Константин Павлович; просто художник польстил ему, изобразив не таким курносым. № 48 и № 60 — артисты Императорских театров Семёнова и Каратыгин. № 24 — масон Лопухин. № 56 — похоже, Бестужев: уж очень характерная для него поза. Значит, и датирована работа 1830—34...»

На круглом столе — кипа анкеток, исписанных почерками то размашисто уверенным, то старатель-

но школьным. Здесь, конечно, не только догадки и советы, но и благодарности. Много слов искренней благодарности. Если какое слово и повторяется чаще всего, так это слово «спасибо», и трудно не быть солидарными с авторами этих писем.

География посетителей не ограничена Советским Союзом, здесь и профессора из Японии и студент из Сизэтла, софийский врач и педагоги из Польши.

Выставка пушкинского дома, видимо, удалась. Это совсем не просто, чтобы не было музейной чопорности, того самого «хрестоматийного глянца», а было бы так уютно и достоверно, чтобы легкими и достижимыми стали казаться те единственные точные слова, которые делают поэзию, чтобы состоявшееся прикосновение к гению давало бы подъем каждому человеку, как бы уговаривая его лукаво: только попробуй... Надо признаться, это испытываешь. И понимаешь людей, которым и отзыв в анкете не терпится написать в стихах. Ведь это кажется так просто: слова здесь складываются сами.

«...Вопрос велик. Ответ в тени. О неизвестных лишь известно, что жили некогда они».

И в конце так и хочется витиеватым почерком изобразить характерный вензель.

...Я сидел рядом с дежурной и, слушая, как бы видел все ее глазами:

— Столько лиц проходит!

У меня на лица очень хорошая память: через год вспомню. И сразу можно сказать: эти случайно попали. Но больше — другие ходят. Вы не представляете себе, насколько знающие и влюбленные есть люди! Вот там, у столика, посмотрите, очень известный коллекционер картин.

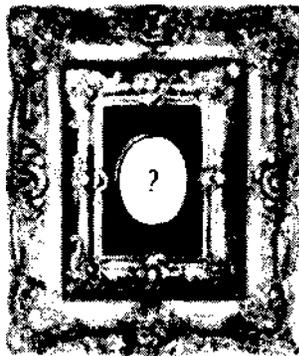
У сухонького старичка в потертом пиджаке, всем видом своим и протяжным голосом очень похожего на какую-нибудь роль Эраста Гарина, глаза были прямо-таки мальчишеские. Он в чем-то горячо убеждал соседа и, трогательно радуясь, потирал руки. Потом они вместе сели писать отзыв.

Такое вот увлечение! Меня не оставляла мысль: эта выставка неизвестных, выставка-эксперимент,

оказывается, интереснее иной экспозиции, где поставлены все точки над «i». Объяснение этому, наверное, в природе человека, и особенно сегодняшнего. Вам предлагают быть активным участником, вы можете оказаться полезным, задачи тяжелы для всех, но решить их, может быть, удастся и вам.

...Входили новые и новые посетители, и атмосфера старины, приключения, тайны постепенно проникала в них.

Дежурная распахнула окно. Апрель ворвался шумом улицы, шорохом автомобильных шин, ветром, качнувшим вербу в стеклянных банках.

«БЕЛОЕ ПЯТНО» КРАСНОГО МОРЯ

Его обнаружили несколько лет назад. На глубине двух километров температура воды оказалась на несколько градусов выше, чем на поверхности, хотя известно, что обычно с глубиной температура падает. Повышенной оказалась и соленость воды...

Не так давно в Красном море побывало экспедиционное судно Института океанологии АН СССР «Академик Вавилов». Советские ученые установили, что вода загадочного «белого пятна» отличается от соседних слоев и по содержанию хлора и брома. Причем процентное содержание в ней этих двух элементов было очень близко к содержанию их... в глубинных термальных водах земной коры...

Как полагают советские океанологи, обнаружена точка, где термальные воды, близко подступающие ко дну, просачиваясь в глубинную впадину, смешиваются с морской водой. Такой вывод подтвержден самым тщательным составлением химических составов обычных термальных вод и воды «белого пятна». Не менее интере-

сен и другой вывод советских исследователей. Анализ позволил установить, что термальные «поддонные» воды Красного моря содержат элементы, указывающие на наличие... богатейших запасов нефти. Возможно, прямо под дном этого участка Красного моря плещется огромное нефтяное озеро.

ЗЕМНУЮ КОРУ ОБРАЗОВАЛИ... ВУЛКАНЫ

Статистическое подтверждение этой распространенной гипотезе нашел известный советский ученый, доктор геолого-минералогических наук Е. К. Мархинин.

...Вулкан Шивелуча «взорвался» 12 ноября 1964 года. Вулканический пепел поднялся в воздух в виде огромной тучи, которая весила примерно миллиард тонн. Кроме того, извержение самого северного из курильских вулканов «вынесло» на поверхность около двух миллиардов тонн лавы и камней. Иными словами, за час работы подземная фабрика «выдала» три миллиарда тонн материала...

Таков один из примеров статистики советского ученого. Исследователю удалось взять на учет все

самые сильные вулканические извержения, которые случались на Земле с 1800 года. Это дало возможность определить ежегодную «производительность» вулканов Земли, а затем и общую — за 4,5 миллиарда лет (таков, по мнению многих современных ученых, возраст земной коры). Расчет подтверждает — масса вещества, выброшенного вулканами за все это время, почти полностью совпадает с существующей сегодня массой земной коры...

Как полагает исследователь, основным материалом для «постройки» коры послужил вулканический пепел. На поверхности Земли под действием тепла, ветра, воды, природных кислот пепел быстро изменялся, образуя то многообразие пород, которое известно ученым сегодня.

**Загадки
Проекты
Открытия**

УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ

ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ

Роман

ГЛАВА 3.

ХИЖИНЫ НА БЕРЕГУ

Джек весь собрался в комок. Как спринтер на старте, он замер, чуть не касаясь носом сырой земли. Над головой в зеленом сумраке терялись стволы деревьев, увешанные гирляндами лиан, а вокруг были густые заросли кустов. Приметы кабаньей тропы были едва различимы: треснувшая наискосок ветка да крохотная лунка, которая могла оказаться отпечатком копыта. Прижав подбородок к груди, Джек глазел на эти следы так, словно пытался заставить их заговорить. Затем по-собачьи, на четвереньках он прокрался вперед на пять ярдов и остановился. Одна из лиан перевилась петлей, и с узла свисал ворсистый побег. Снизу побег был отполирован: свиньи, пролезая через петлю, натерли его жесткой щетиной до блеска.

Джек припал лицом к этому указателю, затем уставился вперед, в полутьму зарослей. Его рыжие волосы, заметно выросшие с тех пор, как он оказался на острове, выгорели; голая спина, сплошь покрытая темными веснушками, шелушилась от загара. В правой руке он держал наперевес заостренную палку футов пяти длиной; кроме шорта, перехваченных охотничьим ремнем, на нем ничего не было. Он закрыл глаза и, пытаясь хоть что-то учуять, втянул теплый воздух. Он

замер, но и в лесу ничто не шевелилось.

Наконец он сделал затаенный выдох и открыл глаза. Ярко-голубые глаза эти от злобы, казалось, хотели выпрыгнуть из орбит. Он провел языком по сухим губам и стал тщательно разглядывать безучастный лес. Затем снова двинулся вперед, рыская глазами по земле.

Немота леса угнетала еще сильнее, чем жара; и в этот час не было слышно даже жужжания насекомых. И лишь когда Джек вспугнул пеструю птицу с ее нехитрого гнезда из одних прутиков, тишина разбилась вдребезги, и зазвенело эхо пронзительного крика, который, казалось, пришел из бездны веков. Джек вздрогнул, с присвистом глотнув воздух, и на мгновение из охотника превратился в испуганного зверя, в человекообразную обезьяну, схронившуюся среди зарослей. Затем след снова позвал его, разъяренного неудачей, и он алчным взглядом обшарил землю. У ствола огромного дерева, серая кора которого поросла бледными цветами, он задержался, закрыл глаза и еще раз носом потянул воздух. У него перехватило дыхание, кровь на мгновение отхлынула от лица, затем прилила снова. Как тень, он скользнул под деревом и застыл, глядя вниз на прибитую землю у своих ног.

Помет был теплым. Он лежал кучей на взрытой земле. Гладкие оливково-зеленые лепешки еще чуть дымились. Джек поднял голову и уставился на непрогляд-

ную массу лиан, преградивших ему путь. Затем, взяв копые наизготовку, стал осторожно пробираться вперед. По другую сторону завесы лиан след выходил на довольно широкую кабанью тропу. Джек выпрямился во весь рост и в ту же секунду услышал легкий шум. Джек занес правую руку назад и изо всех сил метнул копые. Рассыпалась дробь копыт, словно зашелкали кастаньеты, — соблазнительный, сводящий с ума звук... обещание мяса. Джек выскочил из кустов и подхватил копые. Стук копыт затерялся вдали.

Джек, чертыхаясь, сошел с тропы и продирался напролом, пока лес не поредел и вместо голых стволов, подпиравших темную крышу листвы, не появились светло-серые пальмы с коронами из зеленых перьев. Впереди поблескивало море и раздавались голоса. Ральф стоял возле своего изобретения — примитивной хижины из пальмовых стволов и листьев, которая смотрела на лагуну и, казалось, была готова вот-вот рухнуть. Он не замечал Джека, хотя глядел прямо на него.

— Вода есть? Я говорю: вода есть?

Ральф, наконец, осознал, что перед ним Джек, и даже вздрогнул.

— Вода? А, привет! Там, под деревом. Наверное, еще осталась.

Джек взял скорлупу кокосового ореха, до краев наполненную пресной водой, — одну из тех, что были заранее приготовлены

Продолжение. Начало в № 7.

и лежали в тени, — и стал пить. Струйки потекли по подбородку, по шее и скатились на грудь. Выпив воду, он шумно вздохнул.

Из лачуги послышался голос Саймона:

— Чуть повыше.

Ральф повернулся к хижине и приподнял ветку, на которой держалась вся кровля из листьев. Кровля развалилась, и листья посыпались вниз. Из дыры выглянуло виноватое лицо Саймона:

— Ох, прости!

Ральф с досадой смотрел на развалившуюся хижину.

— Так мы никогда не кончим.

Он бросился на землю.

— Столько дней работаем — и вот, полюбуйся!

Две готовые хижины едва держались. Третья совсем развалилась..

— А им лишь бы удрать. Помнишь собрание? Все хотели работать не покладая рук, пока не построим хижины.

— Все, кроме меня и моих охотников...

— Кроме охотников. Ну, малыши, они... — Он жестикулировал, подбирая нужное слово. — Что с них взять? Но ведь и большие не лучше. Вот видишь? Целый день работаем мы с Саймоном. И больше нет никого. Они купаются, или жрут, или играют.

Саймон осторожно высунул голову.

— Ты вождь. Прикажи им.

Ральф лежал на спине и смотрел на пальмы и на небо.

— Собрания! Они у нас каждый день. По два раза. — Он приподнялся на локте. — Стоит мне только начать трубить, хоть сейчас, и они тут же сбегутся. И все будут важные, и кто-нибудь скажет, что нам нужно построить реактивный самолет, или подлодку, или телевизор. А когда собрание кончится, минут пять они поработают и разбегутся, кто так, кто на охоту.

Джек покраснел.

— Мясо-то нам нужно.

— Ну, пока его еще не было. И хижины нам тоже нужны. А охотники твои уже несколько часов как вернулись. И с тех пор все купаются.

— Но я же не бросил охоту, — сказал Джек. — А их я отпустил. Я думал, что, когда останусь один... — В его глазах появилось безумное выражение. — Я думал, что смогу...

— И не смог.

— Я думал — смогу.

— Пока что ты не смог. — Голос Ральфа вдруг чуть задро-

жал. — Поможешь нам строить хижину? — Просьба показалась бы совсем обычной, если бы не какая-то нотка в его голосе.

— Нам нужно мясо...

— Нужно, да нету. — Теперь враждебность была отчетливо слышна.

— Но оно будет! В следующий раз! Нужно сделать зазубрины на копье. Мы ранили свинью, да копье выпало...

— Нужно сделать хижины!

Джек закричал в ярости:

— Обвиняешь меня, да?

— Я только говорю, что мы здесь надрываемся. Вот и все.

Они оба покраснели, и им было трудно смотреть друг на друга. Ральф перекатился на живот и стал поигрывать травинками.

— Если польет такой дождь, как в первую ночь, хижины нам

очень пригодятся. И еще одна вещь. Хижины нужны, потому что... — Он помолчал, и они оба взяли себя в руки. Затем он продолжил разговор уже на безопасную тему: — Ты это замечал?

Джек положил копье и присел на корточках.

— Что замечал?

— Боятся они. — Ральф повернулся на бок и уставился в свирепое и грязное лицо Джека. — Я о том, как оно вообще. Ты хоть раз просыпался ночью? — Джек покачал головой. — Они разговаривают во сне и визжат. Малыши. И не одни малыши. Как буд-то...

— Как будто это страшный остров.

От неожиданности они вздрогнули, подняли головы и увидели серьезное лицо Саймона.

— Как будто тот зверь, — ска-

Рисунки С. ПРУСОВА

зал Саймон, — или летучая змея есть на самом деле. Помните?

Двое старших потупились. Змеи не упоминались в разговорах, само это слово никогда не произносили.

— Как будто это страшный остров, — медленно проговорил Ральф. — Да, ты прав.

Джек сел на землю и вытянул ноги.

— Они уже совсем спятили.

— Малость того. А помните, как мы ходили в экспедицию?

Они заухмылялись, припоминая романтические картины первого дня. Ральф продолжал:

— Вот поэтому нам нужны хижины... все равно... как...

— Как дом родной.

— Верно.

Джек подтянул ноги, охватил колени и нахмурился, пытаясь обрести ясность мысли.

— И в лесу... тоже... Ну, что ли, когда охотишься... когда плоды собираешь — совсем другое дело... А вот когда ты сам по себе, один...

Неуверенный, что Ральф отнесется к его словам всерьез, он замолчал.

— Ну говори, говори.

— Когда идешь по следу... идешь — и вдруг тебе кажется, будто... — Он покраснел. — Будто не ты охотишься, а за тобой... Будто у тебя за спиной все время кто-то есть...

Теперь они снова молчали: Саймон напряженно, Ральф недоверчиво и даже чуть возмущенно. Он сел и стал растирать плечо грязной ладонью.

— Ну... не знаю.

Джек вскочил и быстро-быстро заговорил:

— Вот каково в лесу... Конечно, все это ерунда, кажется — и все... Только... только, — он сделал несколько стремительных шагов к пляжу, затем вернулся. — Только знаю я, каково им ночью. Ясно?

— Нужно сделать все, чтобы нас спасли, и лучше ничего не придумать.

Джек не сразу сообразил, о каком спасении идет речь.

— Чтобы нас спасли? Ах да, конечно! Но сперва я хочу поймать свинью... — Он схватил копые и вонзил его в землю. Глаза у него снова стали мутными, безумными.

— Не забыли бы твои охотники про костер...

— Дался тебе твой костер!

Они вместе пробежали через пляж, и, повернувшись у самой воды, посмотрели на розовую го-

ру. Струйка дыма прочертила на ровной синеве неба меловую линию, которая в вышине становилась извилистой и совсем расплывалась. Ральф нахмурился.

— Интересно, далеко ли это видно?

— Конечно, далеко.

— Дыму все-таки маловато.

Струйка, словно почувствовав их пристальный взгляд, сгустилась снизу в кремовую кляксу, которая стала вытягиваться вверх зыбкой колонной.

— Зеленых веток подбросили, — пробормотал Ральф. — Вот было бы здорово! — Он прищурил глаза и повернулся крутом, чтобы осмотреть весь горизонт.

— Там!

Джек крикнул так громко, что Ральф даже подпрыгнул.

— Что? Где? Корабль?

Но рука Джека указывала на пологий склон, спускавшийся к равнинной части острова.

— Конечно, там! Они залягут там, наверху... Где ж еще? В самую жару... — Ральф ошеломленно смотрел на восторженное лицо Джека. — ...они забираются наверх. Заберутся там в тень и лежат, пока жарко, как коровы у нас дома.

— Я думал, ты корабль увидел!

— Мы подкроемся к одной из них... раскрасим лица, чтобы они нас не заметили... окружим и...

Ральф уже не мог сдерживать негодование.

— Я же тебе про дым говорил! Ты что, не хочешь, чтобы тебя спасли? Тебе не нужно? Только и знаешь: свиньи, свиньи, свиньи!

— Но ведь мясо нам нужно!

— Весь день я работаю, и со мной никого, кроме Саймона, а ты... ты пришел и даже не взглянул на хижины!

— Я тоже дело делал...

— Да, но тебе это нравится! — закричал Ральф. — Охотиться ты и сам хочешь! А для меня это...

Они стояли на ярком пляже лицом к лицу, изумленные силой собственного раздражения. Ральф первый отвел глаза, притворившись, что его заинтересовала возня малышей на песке. Из-за платформы доносились крики купавшихся охотников.

— От людей мало толку. — Ему хотелось объяснить, что люди всегда оказываются иными, чем думаешь. — Один Саймон помогает. — Ральф показал на хижины. — Остальные удрали. Все. А он работал со мной наравне. Вот только...

— Саймон всегда под рукой.

Они направились к хижинам.

— Малость поработаю, — пробормотал Джек, — а потом уж искупаюсь.

Но когда они подошли к хижинам, Саймона там не было.

— Смысл, — сказал Ральф.

— Осточертело ему это, — отозвался Джек. — Купаться пошел. — Чудной он какой-то. Смешной.

Джек кивнул — то ли в знак согласия, то ли просто так, — и, не сговариваясь, они повернулись и пошли к бассейну.

— Потом, — сказал Джек, — когда искупаюсь и перекушу, я заберусь на ту сторону горы и посмотрю, нет ли там следов. Пошли вместе, а?

— Что ты! Ночь скоро!

— Может, успею...

И они шли рядом — два мира чувств и переживаний, два замкнутых в себе мира.

— Попалась бы мне свинья!

— Вот вернусь и буду достраивать хижину.

Они посмотрели друг на друга с недоумением, любя и ненавидя. Теплая соленая вода, брызги, веселые крики, смех — всего этого как раз хватило, чтобы снова примирить их.

Вопреки их предположениям Саймона не было среди купавшихся. Когда Ральф и Джек побежали к берегу, чтобы оттуда взглянуть на вершину, он было пошел за ними, но остановился. Он постоял, нахмурился, перед горкой песка на пляже, где кто-то пытался построить себе домик. Затем он решительно повернулся и с деловым видом направился в лес. У этого худенького мальчишка был острый подбородок и такие яркие глаза, что Ральф, обманутый ими, считал Саймона неутомимым весельчаком и проказником. Длинные космы жестких волос почти совсем прикрыли его низкий и широкий лоб. Шорты Саймона превратились в лохмотья; как Джек, он ходил босиком. И до этого смуглый, теперь он покрылся черно-коричневым загаром, лоснившимся от пота. Некоторое время он шел по просеке, затем, пройдя мимо высокой скалы, на которую забирался Ральф в первое утро, свернул направо в заросли. Он привычно шагал среди плодовых деревьев, где за пищей, хоть и несытной, нужно было лишь руку протянуть. На деревьях были сразу и цветы и плоды, всюду проникал густой аромат спелости и стоял

могучий гул несметных полчищ пчел. Здесь Саймона достигли собиравшие плоды малыши. Перевивая друг друга, они невразумительно кричали и тянули его к деревьям. В лучах вечернего солнца среди пчелиного гула он отыскивал плоды, до которых малышам было не дотянуться, срывал самые лучшие и, не глядя, передавал их вниз в снова и снова протягиваемые руки. Оделив всех, он перевел дух и оглянулся. Малыши прижимали к груди плоды и следили за ним с каким-то загадочным выражением на лицах.

Саймон отвернулся и пошел по едва приметной тропинке. Вскоре вокруг сомкнулись густые заросли. Неожиданные здесь бледные цветы покрывали длинные стволы до темного полога. Внизу было тоже темно, и лианы свисали к земле, словно канаты в затонувшем корабле.

Потом стало светлее. Лианам уже не нужно было так высоко тянуться за светом, и они сплелись огромной циновкой, завесившей опушку; здесь гранит выходил почти к самой поверхности земли и давал расти лишь маленьким кустикам и папоротнику. Опушка была кругом обнесена стеной душистого темно-зеленого кустарника, и внутри ограды, как в чаше, разлилась жара и плескался солнечный свет. Рухнувшее дерево-гигант, захватив край опушки, легло кроной на еще стоявшие деревья, и на нем, до самой его вершины, проворный плющ будто напоказ развесил красные и желтые побег.

Саймон остановился. Как и Джек, он искаса глянул через плечо — нет ли кого за спиной — и быстро посмотрел вокруг, чтобы убедиться, что он абсолютно один.

Несколько мгновений он шел крадучись. Затем нагнулся и заполз в самую гущу лиан. Он оказался в природном шалашике, отгороженном от опушки просвечивающим пологом листьев. Он сел на корточки, раздвинул листья и окинул опушку взглядом. Ничто не двигалось, только две яркие, пестрые бабочки плясали одна вокруг другой в горячем воздухе. Затаив дыхание, Саймон прислушался. На остров надвигался вечер; крики ярких фантастических птиц, пчелиный гул и даже стенания чаек, слетавшихся к своим гнездам на скалах, стали тише. Вдали от берега дробившиеся на рифе океанские валы создавали

слабый фон, почти неслышимый, как стук собственного сердца.

Саймон отпустил листья. Стрелы медовых лучей солнца уже не касались земли; они скользили над кустами, задевая зеленые бутоны-свечки, подбегали к темной крыше листьев, а внизу под деревьями сгущалась тьма. С угасанием света тускнели буйные краски, и знойная жара сменялась прохладой. Похожие на свечки бутоны зашевелились. Их зеленые створки чуть раздались, и белые кончики цветов нежно потянулись вверх, навстречу свежему воздуху.

Солнечный свет покинул опушку и быстро сходил с неба. Разливалась темнота, затопляя проходы между деревьями, и все стало расплывчатым и странным, как на морском дне. Бутоны-свечки распахнулись большими цветами, и они замерцали в свете первых звезд, пронизавшем лиственный полог. Пряный запах цветов растекался волнами и вступал во владение островом.

ГЛАВА 4 РАСКРАШЕННЫЕ ЛИЦА И ДЛИННЫЕ ВОЛОСЫ

Веселое утро с его ярким солнцем, упоительным морем и сладостным воздухом было временем беззаботных игр, и жизнь казалось такой полной, что мальчики забывали на время о своих тревогах и надеждах на спасение. Ближе к полудню, когда потоки света падали почти отвесно, четкие утренние краски разглаживались в жемчуг и опал, а жара — будто солнце с высотой набирало силу — становилась разящей, как удар, и мальчики, увертываясь от него, мчались к деревьям и, подремывая, лежали в тени.

В полдень происходили странные вещи. Искрящееся море вздувалось и совершенно немыслимо расслаивалось полосами: коралловый риф вместе с несколькими чахлыми пальмами, которые цеплялись за его возвышенные участки, всплывал в небо, дрожал, рвался, словно бумажная лента, и растекался, как дождевые капли на проводах, или множился, будто обставленный нечетным набором зеркал. Иногда земля вдруг вырисовывалась там, где ее не было, и на глазах у ребят исчезала, как мыльный пузырь. Во всем этом Хрюшка научно опознал мираж; и поскольку ни-

кто не мог вплавь добраться до рифа через лагуну, где днем и ночью шныряли зубастые акулы, ребята постепенно привыкли к этим мистериям и перестали замечать их, как не замечали сверхъестественно пульсирующих звезд. В полдень видения погружались в глубину неба, и солнце глядело оттуда, как разгневанный глаз. Затем, к концу дня, мираж оседал; и по мере того, как клонилось солнце, все отчетливее проступала синяя линия горизонта. Это была еще одна пора относительной прохлады, омраченная, однако, близостью ночи. Сразу же после захода солнца на остров, как из огнетушителя, выливалась темнота, и на берегу, под далекими звездами, хижины наполнялись тревожной жизнью.

По ночам малышей терзали жуткие кошмары, и от страха они сбивались в кучу. Днем, как ни были заняты они поисками пищи, у них все же находилось время для игр, бесцельных и примитивных, среди белых песков у яркой воды. О своих матерях малыши плакали гораздо реже, чем того можно было ожидать; тела их стали коричневыми и до омерзения грязными. Зову раковины они повиновались и потому, что в нее трубил Ральф — он достаточно взрослый, чтобы через него поддерживать связь с авторитетным миром «взрослых», — и еще потому, что сами собрания казались им веселым развлечением.

На берегу, возле устья маленькой речки, они понастроили из песка замки. Высотой около фута, замки эти были украшены ракушками, засохшими цветами и затейливыми камушками. Вокруг замков был целый комплекс сооружений, в которых, если нагнуться и посмотреть сбоку, можно было угадать стены, шоссе, железные дороги и даже пограничные столбы. Малыши играли здесь если и не вполне счастливо, то по меньшей мере увлеченно.

И на этот раз здесь играли три малыша, самым большим из которых был Генри. Малыш с лиловым родимым пятном во всю щеку — тот самый, что пропал во время пожара, — приходился ему дальним родственником, но Генри был еще слишком мал, чтобы понимать все это; и если бы ему сказали, что тот, другой малыш улетел домой на самолете, он бы воспринял такое утверждение спокойно и доверчиво.

В сегодняшней игре верховодил Генри, потому что двое других —

Персиваль и Джонни — были самыми маленькими на острове. Персиваль, серенький, похожий на мышью мальчик, не показался бы красивым и родной матери. Русоволосый крепыш Джонни был задирой от природы. Но сейчас он подчинялся, потому что ему было интересно, и все трое, сидя на коленях, мирно играли.

Из леса вышли Морис и Роджер. Они отдежурили свое у костра и пришли искупаться. Роджер шагал по песочным замкам, нарочно наступая на них, засыпая цветы и расшвыривая старательно отобранные камушки. Те сооружения, вокруг которых шла игра сейчас, по счастью, не попались им под ноги, и поэтому ни Генри, ни Джонни не запротестовали. Лишь Персиваль, которому песком запорошило глаза, захныкал, и Морис поспешил прочь. В той, другой, жизни его как-то наказали за то, что он засыпал глаза какому-то малышу. И хотя сейчас ему не грозила тяжелая рука родителей, он все же почувствовал себя неловко. Где-то в глубине сознания у него шевельнулось желание извиниться. Он что-то пробормотал про купание и побежал.

Роджер задергался и стал следить за малышами. Он не сделался заметно смуглее с тех пор, как оказался на острове, но черные космы его волос, уже спадавшие на шею и закрывшие лоб, казались под стать этому мрачному лицу и изменили его выражение: прежде замкнутое и настороженное, лицо это стало каким-то зловещим. Выплакав песок, Персиваль перестал скулить и вернулся к игре. Джонни следил за ним своими фарфоровоголубыми глазами, затем принялся швырять в него песок, пока Персиваль снова не заплакал.

Когда Генри, которому надоело играть, побрел вдоль пляжа, Роджер пошел следом, держа под пальмами. Генри шагал посреди пляжа, ничуть не беспокоясь о том, чтобы укрыться от солнца. Затем он подошел к воде и чем-то занялся у самой ее кромки. Был прилив, могучий тихоокеанский прилив, и каждые несколько секунд относительно спокойная вода в лагуне поднималась на дюйм. Крохотные прозрачные существа, обитавшие в этой последней складке моря, продвигались вместе с водой над раскаленным песком. Неразличимыми органами чувств они дотошно исследовали каждый клочок своей нивы. Как терка с мириадами крохотных за-

зубрин, они протирали песок и очищали его от праха биологической жизни.

Эти-то существа и приворожили Генри. Палочкой, выбеленной и отшлифованной морем, он помещивал пленку воды и пытался регулировать движение крохотных мусорщиков. Он проводил бороздки, в которые тут же вползала вода, и старался заполнить их занятыми козявками. Забыв обо всем на свете, он был более чем счастлив, потому что чувствовал себя властителем живых существ. Он с ними болтал, убеждал их, приказывал. Теснимый приливом, он пытался; следы его ног становились заливчиками, в которые, как в ловушку, попадали эти существами у него создавалась иллюзия власти. Согнувшись, он сидел на корточках у воды, упавшие на лоб волосы заслонили ему глаза, а тем временем полуденное солнце осыпало его градом невидимых стрел.

Роджер тоже ждал. Сперва он спрятался за толстый ствол пальмы, но Генри был так занят прозрачными козявками, что прятаться от него не было никакого смысла. Роджер посмотрел вдоль пляжа. Рыдавший Персиваль уже скрылся из виду, а Джонни, которому достались все замки, упивался своим счастьем. Он сидел там, что-то напевал и швырял песок в воображаемого Персиваля. Дальше виднелась платформа, и там, где ныряли Ральф, Саймон и Морис, то и дело вспыхивали брызги. Роджер настороженно прислушался, но ничего, кроме их криков, слышно не было.

Налетевший бриз так встряхнул пальмы, что их листья вскинулись и забились. Роджер нагнулся, поднял камень, прицелился и запустил им в Генри, но все же так, чтобы не попасть. Камень просвистел в пяти ярдах от Генри и упал в воду. Роджер набрал горсть камней и стал бросать их один за другим. Однако вокруг Генри оставалось пространство ярдов шести в диаметре, куда Роджер старался не попасть. Действовало хотя и невидимое, но строгое табу его прошлой жизни. Сидевший на корточках ребенок все еще находился под защитой родителей, школы, полиции и закона. Рука Роджера сдерживалась цивилизацией, которая ничего не знала о нем и сама лежала в развалинах.

Генри удивился, услышав хлопющие звуки. Он оторвался от немых козявок и, как сеттер, сделал стойку на центр расхлыв-

шихся кругов. Камни падали то по одну сторону от Генри, то по другую, и он послушно поворачивался, но всякий раз слишком поздно, когда камень уже пролетел. Наконец он увидел падающий в воду камень, засмеялся и стал глазами искать приятеля, который дразнил его. Но Роджер уже скользнул за ствол и прижался к нему, часто дыша и мигая веками. Генри потерял интерес к камням и куда-то пошел.

— Роджер!

Примерно в десяти шагах от него под деревом стоял Джек. Когда Роджер разомкнул веки, его смуглое лицо как-то посерело, но Джек ничего не заметил. Распаленный, он нетерпеливо махал рукой, и Роджер пошел за ним.

У самого устья речушки была маленькая заводь, отгороженная песчаной перемычкой, вся открытая водяными лилиями и утыканная иглами тростника. Здесь их дожидались Бил, Сэм и Эрик. Джек зашел в тень, опустился перед водой на колени и развернул два больших листа, которые он принес с собой. В одном была белая глина, в другом — красная. Возле комков глины легла палочка древесного угля. Не отрываясь от дела, Джек объяснял Роджеру:

— Чуть-то они меня не чуют. Наверное, увидели. Заметили что-то розовое под деревьями. — Он размазывал глину по лицу. — Дос-тать бы зеленую краску! — Он повернул наполовину раскрашенное лицо и ответил на недоуменный взгляд Роджера: — Чтоб охотиться. Как на войне, понимаешь?.. Ну, маскировка, вот...

Роджер понял и угрюмо кивнул. Близнецы подвинулись к Джеку и из-за чего-то робко запротестовали. Джек только отмахнулся от них.

— А-а, заткнитесь! — Угольком он затушевывал просветы между красными и белыми пятнами на лице. — Нет-нет. Вы поймете со мной.

Он взглянул на свое отражение и разочаровался. Нагнувшись пониже, он зачерпнул полные пригоршни воды и стал отмывать лицо. Снова показались веснушки и рыжие брови.

Джек стал раскрашиваться поновому. Одну щеку и подбородок он сделал белыми, затем растер красную глину по другой половине лица и провел угольком черную линию от правого уха к левой скуле. Он снова посмотрел на свое отражение, но оно замутилось от его дыхания.

— Сэм-и-Эрик, подайте кокосовый орех. Пустой.

Он стоял на коленях и держал в руках скорлупу с водой. На его лицо упал солнечный зайчик, и в глубине чаши появилось яркое отражение. Джек изумленно смотрел — уже не на себя, а на нечто незнакомое и внушающее страх. Вздвинувшись, он выплеснул воду и вскочил на ноги. Вместо лица у него была жуткая маска, которая приковала к себе взгляды пораженных ребят. Джек пустился в пляс, и его хохот превратился в кровожадное рычание. Он сделал прыжок в сторону Била, и маска зажала сама по себе, а скрывшийся за ней Джек освободился от стыда и неловкости. Красно-белое с черным лицом метнулось в воздухе и надвинулось на Била. Тот, смеясь, вскочил на ноги, затем вдруг умолк и попятился в кусты. Джек кинулся к близнецам.

— Вы все пойдете цепью.

— Но... Нам же... Мы...

— Пошли! Я подкрадываюсь и закалываю ножом...

Маска подчинилась им.

Ральф «вылез из воды, пробежал вприпрыжку через пляж и сел в тень под пальмами. Его волосы залепили весь лоб, и он отвел их назад. Саймон плавал, отчаянно колотя ногами по воде, а Морис учился нырять. Хрюшка слонялся вокруг, бесцельно подбирая что-то с земли и тут же выбрасывая. Увидев под пальмами Ральфа, он подошел и сел рядом.

Кроме шорт, от которых остались одни лохмотья, на нем ничего не было, его жирное тело стало золотисто-коричневым, и лишь очки по-прежнему вспыхивали, когда он на что-нибудь смотрел: Из всех ребят только у него одного волосы, как казалось, совсем не отрасли. У остальных головы покрылись космами, а у Хрюшки волосы лежали редкими жгутиками, будто ему по природе полагалось быть лысым, и жидким волосикам вскоре предстояло исчезнуть, как бархатной шерстке на рогах молодого оленя.

— Я вот все о часах думаю, — сказал он. — Можно сделать солнечные часы. Втыкаешь в песок палочку, потом...

Невольно ухмыляясь, Ральф обернулся. Хрюшка был занудой; и то, что он был жирный, и его «фигас-сма», и практические идеи — все это наводило тоску, но зато, хотя бы и скуки ради, ему всегда можно было поморочить голову.

Хрюшка заметил улыбку и ошибочно истолковал ее как проявление дружеских чувств.

— Палок у нас сколько угодно. Представляешь: у каждого свои часы! Мы бы всегда могли узнать, сколько времени.

— А черта жирного не хочешь?

— Ты же сам сказал, что нужно все делать как положено. Чтобы нас могли спасти.

— Да заткнись ты!

Ральф вскочил на ноги, побежал к воде и оказался у бассейна как раз в ту секунду, когда Морис нырнул, и притом неудачно.

— Пузом шлеп! Пузом шлеп!

Морис улыбнулся, глядя, как Ральф легко скользнул в воду. Ральф плавал лучше всех и в воде чувствовал себя, как рыба, но сейчас он был разозлен упоминанием о спасении, бесполезным и глупым упоминанием, и ни зеленая толща воды, ни рассеянный золотистый свет солнца не стали для него успокоительным бальзамом. Вместо того чтобы остаться в бассейне, он, мощно и резко гребя руками, проплыл под Саймоном и, вынырнув у другого края, вылез на берег и лежал там, мокрый и лоснящийся, как тюлень. Неуклюжий Хрюшка встал со своего места и пошел к Ральфу; и тогда тот, перекатившись на живот, притворился, что не видит его. Миражи рассеялись, и Ральф упрямо обводил взглядом четкую синюю линию горизонта. В следующий миг он уже был на ногах и кричал:

— Дым! Дым!..

Саймон, позабыв, что он в воде, сел и захлебнулся. Морис, который в эту секунду приготовился нырнуть, откинулся всем телом назад, рванул к платформе, затем к пальмам. Там он стал лихорадочно натягивать рваные шорты, чтобы быть готовым ко всему.

Ральф стоял, одной рукой придерживая волосы и стиснув другую в кулак. Саймон, отчаянно барахтаясь, выбирался из воды. Хрюшка протирает очки и косился на море. Впопыхах Морис попал обеими ногами в одну штанину, и лишь один Ральф не шевелился.

— Не вижу никакого дыма, — недовольно проговорил Хрюшка. — Никак не могу увидеть. Ральф... где же дым?

Ральф молчал. Теперь он придерживал волосы обеими руками. Он стоял, наклонившись вперед, и на его теле выступал белый налет соли.

— Ральф... где же корабль?

Саймон стоял рядом и смотрел туда же, что и Ральф. Шорты на Морисе почти бесшумно разохались, и он отбросил их.

Дым казался тугим узелком на горизонте, и мало-помалу узелок этот начал развязываться. Под дымом виднелась точка — возможно, это была дымовая труба. Ральф побледнел и заговорил, ни к кому не обращаясь:

— Они должны увидеть наш дым.

Теперь и Хрюшка смотрел куда надо.

— Не очень-то заметно.

Он повернулся кругом и стал приглядываться к вершине горы. Ральф, не отрываясь, следил за кораблем.

— Вижу я, конечно, плохо, — сказал Хрюшка. — Не пойму, есть на горе дым или нет?

Ральф нетерпеливо отмахнулся, продолжая следить за кораблем.

— Дым-то, говорю, на горе есть?

Подбежал Морис и уставился на горизонт. Саймон и Хрюшка смотрели на вершину. Хрюшка весь сморщился от напряжения, и в эту секунду Саймон завопил так, словно порезался.

— Ральф! Ральф!..

Его крик заставил Ральфа круто повернуться.

— Скажите, ну скажите... — тревожно просил Хрюшка, — сигнал на вершине есть?

Ральф оглянулся на рассеивающийся дымок у горизонта, затем снова посмотрел на вершину.

— Ральф... ну, пожалуйста, сигнал есть?

Саймон робко протянул руку, чтобы дотронуться до Ральфа, но тот уже бежал напрямик через мелкий край бассейна, поднимая фонтаны брызг, затем помчался по горячему белому песку и замелькал между пальмами. В следующую секунду он уже сражался с подлеском, которым обрастала просека. Вдогонку пустился Саймон, за ним — Морис.

— Ральф! — крикнул Хрюшка. — Ну, пожалуйста... Ральф!

Позади дымок медленно смешался вдоль горизонта, а на пляже Генри и Джонни швырялись песком в Персиваля, который тихоноко скулил, и все трое пребывали в полном неведении.

Когда Ральф добрался до конца просеки, ему едва хватило дыхания, чтобы выругаться. Шипы и колючки так ободрали его голое тело, что оно было все в крови. У крутого подъема горы он оста-

новился. Морис был от него всего лишь в нескольких ярдах.

— Хрюшкины очки! — кричал Ральф. — Если костер погас...

Он замолчал и покачнулся. Хрюшка еще только выбирался на просеку и был едва виден. Ральф посмотрел на горизонт, затем вверх, на гору. Что хуже: отнять у Хрюшки очки или дать кораблю уйти? Ведь если они заберутся на вершину без Хрюшкиных очков и костер прогорел, им только останется, что смотреть, как тащится Хрюшка и уходит за горизонт корабль. Терзаемый нерешительностью, Ральф заорал:

— Господи, о господи!..

Саймон, не переводя дыхания, отбивался от зарослей. Его лицо перекошилось. Ральф из последних сил полез вверх, а жгутик дыма все смешался по горизонту.

От костра осталось одно пепелище. Теперь они воочию убедились в том, что им было ясно на берегу, когда их поманил дымок родины. Костер прогорел, ничто не тлело и не дымилось; кострожоги ушли. Наготове лежала груда неиспользованного сушняка.

Ральф повернулся к морю. На горизонте, уже снова безликом, не было ничего, кроме едва приметных следов дыма. Спотыкаясь, Ральф помчался вдоль скал и, едва не сорвавшись с розового утеса, закричал:

— Вернись! Вернись!..

Он метался вдоль утеса, не отрывая глаз от моря и истошно завывая, как сумасшедший:

— Вернись! Вернись!..

Подошли Саймон и Морис. Ральф смотрел на них немигающими глазами. Саймон отвер-

нулся, стирая со щек соленую воду.

— Сволочи... Костер бросили...

Ральф посмотрел вниз, на «чужой» склон. Подошел Хрюшка, судорожно раскрывая рот и всхлипывая, как маленький. Ральф стиснул кулак и густо покраснел.

— Вон они.

Далеко внизу, среди розовых осыпей, у самого края воды, показалась процессия. Ребята шли почти голые, кое у кого на головах были черные шапочки. Они пели что-то имеющее отношение к странному мешку, который так бережно несли бросившие костер близнецы. Ральф легко узнал Джека — длинного, ржеволосого, идущего, конечно, впереди процессии.

Саймон переводил взгляд с Ральфа на Джека, как до этого переводил взгляд с Ральфа на горизонт, и то, что он сейчас видел, как будто испугало его. Ральф ждал, пока процессия подойдет ближе. Пение стало слышнее, хотя слова все еще были неразборчивы. За Джеком шли близнецы, неся на плечах большую жердь. На ней висела выпотрошенная свиная туша, которая тяжело покачивалась, когда тропа становилась неровной и близнецы спотыкались. Свиная голова на развернутой шее висела вниз и, казалось, что-то высматривала на земле. Из-за плато с горелым лесом донеслись слова песни:

«Убей свинью! Перережь ей глотку! Выпусти кровь!»

Процессия начала подниматься по самому крутому участку скло-

на, и песня на одну-две минуты смолкла. Хрюшка захныкал, но Саймон тут же шикнул на него, словно тот непочтительно громко заговорил в церкви.

Разрисованный Джек поднялся на вершину и поднял копы, взволнованно приветствуя Ральфа.

— Смотри! Мы убили свинью... Подкрались к ним...

Его перебили голоса охотников.

— Окружили их со всех сторон...

— Подползли... Свинья как заvizжит!..

Близнецы стояли с покачивающейся между ними тушей, и черные сгустки крови падали на камни. Казалось, они оба улыбались одной широкой и иступленной улыбкой. Джек должен был рассказать Ральфу сразу очень многое. Вместо этого он пустился в пляс, но тут же вспомнил о своем достоинстве и остановился ухмыляясь. Он заметил на своих руках кровь и с отвращением стал искать, обо что бы их вытереть, затем вытер их о шорты и засмеялся.

— Вы бросили костер, — сказал, наконец, Ральф.

— Зажжем снова! Жалко, тебя с нами не было, Ральф. Вот потеха была! Близнецы полетели вверх тормашками...

— Мы подшибли свинью...

— Я навалился сверху...

— Я перерезал ей глотку, — сказал Джек с гордостью, но как-то передернулся.

Охотники затараторили, приплясывая. Близнецы все улыбались.

— Кровищи было... — сказал Джек, смеясь, и снова передернулся. — Видел бы ты!..

— Будем ходить на охоту каждый день...

Ральф стоял неподвижно.

— Вы бросили костер, — повторил он хриплым голосом.

В настойчивости Ральфа Джек уловил нечто такое, что заставило его почувствовать себя неловко. Он взглянул на близнецов, затем посмотрел на Ральфа.

— Пришлось взять их с собой, — сказал он. — Людей-то не хватало... чтобы окружить... — Почувствовав за собой вину, он покраснел. — Костер не горел какой-то час или два. Можем и разжечь его. Хоть сейчас.

Он заметил, что тело Ральфа иссечено до крови и что все четверо подавленно молчат. Щедрый в своем счастье, он хотел и их

увлечь тем, что пережил на охоте. В его голове теснились воспоминания о том, что познали они, когда навалились на бьющую копытами свинью; они перехитрили живое существо, подчинили его своей воле, отняли его жизнь, словно утолили древнюю жажду. Он широко распротер руки.

— Видели бы вы, сколько было крови!..

Приумолкнувшие было охотники снова загудели. Ральф отвел назад волосы. Другая его рука указывала на пустой горизонт. Его голос, громкий и отчаянный, поверг всех в молчание.

— Там был корабль!..

Джек, на которого пало столь ужасное обвинение, резко отвернулся, пригнув голову. Он положил ладонь на тушу, и вытащил нож. Ральф опустил руку, стиснув кулак, и заговорил с проникновенной дрожью в голосе:

— Был корабль. Вон там. Ты сказал, что будешь отвечать за костер, а он из-за тебя погас!.. — Ральф сделал несколько шагов к Джеку, который обернулся и смотрел ему в лицо. — Они же могли нас заметить. Мы бы тогда уехали домой...

Это было чересчур для Хрюшки, и горечь такой утраты заставила его позабыть о своей робости. Он стал визгливо выкрикивать:

— Все из-за тебя и твоей проклятой крови, Джек Мэрридю! Из-за твоей дурацкой охоты. Мы бы могли уехать домой.

Ральф оттолкнул Хрюшку в сторону.

— Я вождь, и ты обещал делать то, что я скажу. Но это все слова! Ты даже хижины не стал строить... А теперь ушел на охоту и бросил костер... — Он отвернулся и на мгновение умолк. Затем его голос зазвонел: — Там был корабль!

Один из охотников завыл. Жуткая правда покраснела их до костей. Густо покраснев, Джек рубил тушу ножом.

— Трудов-то вон сколько было. Нам понадобились все...

Ральф обернулся.

— У тебя и так было бы все, если бы мы построили хижины. Так нет, тебе лишь бы охотиться...

— Нам нужно мясо.

С этими словами Джек встал, держа в руках окровавленный нож. Оба смотрели друг на друга в упор. Блестательный мир охоты, азарта, буйного веселья и

ловкости и мир здравого смысла, пребывающий в эту минуту в тоске и смятении. Джек переложил нож в левую руку и отвел с глаз прилипшие волосы, замазав лоб кровью.

— Нельзя было бросать костер, — снова начал Хрюшка. — Ты же сказал, что костер будет всегда гореть...

От Хрюшки такое, да еще под жалобный скулеж его охотников, — нет этого он не потерпит! В глазах Джека появилось безумное выражение. Он шагнул к Хрюшке, саданул его в живот. Тот хрюкнул и сел на землю. Джек стоял над ним.

— ЧТО, съел? Съел?.. — В голосе Джека хлопотала ярость унижения. — У-у, Жирняга!

Ральф шагнул вперед, и в этот миг Джек ударил Хрюшку по голове. Очки слетели с него и зазвенели на камнях.

— Мои очки!.. — в ужасе закричал Хрюшка.

Он пополз на четвереньках, ощупывая камни, но Саймон опередил его и подал ему очки. На вершине горы страсти, как черные птицы, бились жуткими крылами вокруг Саймона.

— Одно стеклышко нет...

Хрюшка схватил очки и надел. Он злобно посмотрел на Джека.

— Без очков я не могу. Теперь у меня только один глаз. Ну погоди...

Джек сделал движение в его сторону, и Хрюшка на четвереньках улепетнул за скалу. Затем он высунул голову над камнем и засверкал на Джека единственным стеклом.

— Теперь у меня только один глаз. Ну погоди...

Джек пробежал на четвереньках и заскулил передразнивая:

— «Ну погоди-и-и...»

Это было так смешно, что охотники покатались со смеху. Джек ободрился. Он быстро пополз на четвереньках, и хохот превратился в бурю. Ральф почувствовал, как у него невольно задергались губы, и разозлился на самого себя.

— Подлость это... — пробормотал он.

Джек прервал свой вираж на половине и встал перед Ральфом.

Его слова сорвались на крик:

— Ну ладно, ладно! — Он посмотрел на Хрюшку, на охотников, затем

на Ральфа. — Костер погас из-за... меня. Я виноват. Вот. Я... — Он весь напряжился. — Я приношу извинения...

Гул голосов приветствовал это достойное признание. Охотники явно считали, что Джек повел себя благородно, и потому правота на его стороне, а не на стороне Ральфа, и теперь они ждали от Ральфа такого же великодушия. Но на это у Ральфа язык не поворачивался. Ральф был возмущен до глубины души: мало того, что Джек натворил, так теперь еще этот трюк с извинением! Костер погас, корабль уплыл... Неужели они не понимают? И вместо любезности раздались гневные слова:

— Подлость это, вот что!

Глаза Джека налились мутью; и пока они снова не прояснились, на вершине горы стояла тишина. Ральф хмуро буркнул:

— Ладно. Разжигайте костер.

У них появилось дело, и напряжение несколько разрядилось. Ральф больше ничего не говорил, ничего не делал и стоял, глядя на пепел у своих ног. Джек держался шумно и деятельно. Он отдавал приказы, пел, насвистывал, походя обращался к Ральфу со словами, которые не требовали ответа, а Ральф все молчал.

Никто, и даже сам Джек, не попросил его отойти в сторону; и в конце концов они сложили костер от него в трех ярдах, на гораздо менее удобном месте.

Так за Ральфом утвердился авторитет вождя; и лучшего способа, сколько бы он ни ломал голову, ему было не придумать. Против этого оружия, столь неопределенного и такого действенного, Джек был бессилён и, сам не зная почему, всё больше разъярялся. К тому времени, когда костер сложили, они оказались по разные стороны высокого барьера.

Нужно было зажечь костер, и возникла новая трудность. Нечем было разжечь огонь. И тогда, к величайшему изумлению Джека, Ральф подошел к Хрюшке и взял очки.

Хрюшка стоял позади, чувствуя себя затерянным островком в море бессмысленных красок, пока Ральф, опустившись на колени, собирал лучи в блестящую точку. Едва появилось пламя, как Хрюшка протянул руку и выхватил у него очки.

Фантастически привлекательные огненные цветы — фиолетовые, красные и желтые — росли у них на глазах, и враждебность растаяла. Они снова стали мальчишками, сгрудившимися у бивачного костра, и казалось, что даже Хрюшка и Ральф были втянуты в их кольцо. Вскоре вниз и вверх по склону засновали собиратели хвороста, а тем временем Джек принялся разделять тушу. Сперва они попытались зажарить ее целиком, но вертел перегорел раньше, чем она успела покрыться румяной коркой. Тогда они стали нанизывать отдельные

куски на ветки и держали их так над огнем, но и при таком способе они сами поджаривались не хуже мяса.

У Ральфа потекли слюнки. Он собирался отказаться от мяса, но долгая диета из фруктов и орехов лишила его твердости. Он принял кус полусырого мяса и вгрызся в него, как волк. Хрюшка, тоже глотая слюни, жалобно спросил:

— А мне ничего?

Чтобы показать свою власть, Джек хотел помучить его неопределенностью. Но, во всеуслышание выказав свое нетерпение, Хрюшка сам толкнул его на новую жестокость.

— Ты не охотился.

— И Ральф не охотился, — плаксиво сказал Хрюшка. — И Саймон. — Затем добавил: — Они и на вот такусенький кусочек мяса не наохотились.

Ральф заерзал. Саймон, сидевший между Хрюшкой и близнецами, обтер губы и протянул ему через камень свой кусок, и Хрюшка жадно схватил мясо. Близнецы захихикали, и Саймон от стыда опустил голову. Тогда Джек резко вскочил, отсек от туши огромный кусок и швырнул его в ноги Саймону.

— Жри, черт бы тебя побрал! — Он впился в Саймона свирепыми глазами. — Бери! — Он метался среди ошеломленных ребят. — Я, я достал вам мясо! — Невысказанная горечь стольких неудач разрешилась шквалом первозданной ярости. — Я раскрасил лицо... Я подкрался... А теперь жрите... вы все... А я...

На вершине горы воцарилось молчание, стали отчетливо слышны потрескивание огня и мягкое шипение жарившегося мяса. Джек обвел ребят взглядом, ища сочувствия, но, к своему удивлению, обнаружил, что на всех лицах написано лишь почтительное уважение. Ральф стоял на пепелище сигнального костра с куском мяса в руках и ничего не говорил.

Наконец молчание нарушил Морис. Он вернулся разговор к той единственной теме, которая еще могла объединить всех.

— А где вы увидели эту свинью?

Роджер указал на «чужой» склон.

— Они были там... у моря.

Джек сразу же вмешался:

— Мы рассыпались. Я пополз на четвереньках. Копья все выпали, потому что на них нет зубрин. Свинья как завершит...

— Повернула обратно, вбежала «в круг... вся в крови...

Охотники с чувством облегчения взволнованно заговорили разом:

— Мы сомкнулись...

После первого удара у свиньи отнялись задние ноги, и ребята навалились на нее, и били, и били...

— Я перерезал ей глотку...

Близнецы, все с той же одинаковой улыбкой на лицах, вскочили, подпрыгнули и закружились один вокруг другого. Остальные присоединились к ним, визжа, как подыхающая свинья, и кричали:

— По черепку ее!

— По пяточку!

Морис, изображая свинью, с визгом выбежал на середину, а охотники, кружа вокруг него, притворялись, будто наносят удары. К пляске добавилась песня:

«Убей свинью! Перережь ей глотку! Выпусти кровь!

Ральф следил за ними со смешанным чувством зависти и отвращения. И лишь когда они замолчали, он сказал:

— Я созываю собрание.

Один за другим они останавливались и следили за Ральфом.

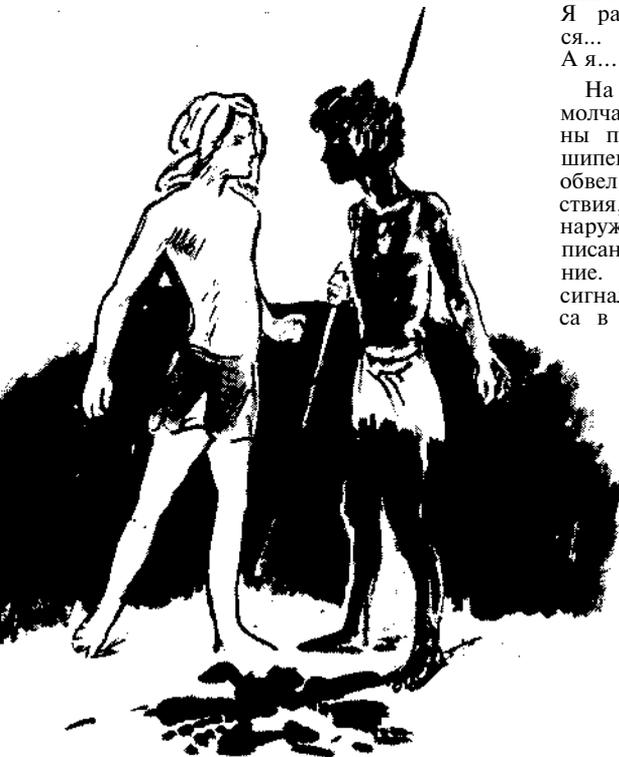
— Я протрублю в рог. Я созываю собрание, даже если нам придется заканчивать его уже ночью. Там, на платформе. Когда я подам сигнал. Сразу же!

Он повернулся и стал спускаться.

ГЛАВА 5

ЗВЕРЬ ВЫХОДИТ ИЗ МОРЯ

Был прилив, и между белым бугристым подножием террасы и водой осталась лишь узкая полоска плотного песка. Ральф выбрал ее, потому что ему надо было думать, и только здесь он мог позволить себе идти, не глядя под ноги. Он шагал вдоль воды — и вдруг его охватило изумление. Внезапно он понял, как утомительна здесь жизнь из-за того, что на острове нет настоящих тропинок и при ходьбе все время приходится смотреть себе под ноги. Он остановился, глядя на сузившийся пляж, и, вспомнив, как все это было, когда они в первый раз ходили обследовать остров, словно это было в счастливом и уже далеком детстве, горько усмехнул-

ся. Затем он повернулся и пошел назад, к платформе, прямо навстречу лучам заходящего солнца. Пора было созывать собрание; и, шагая в слепящем сиянии, он пункт за пунктом обдумывал свою речь. На этом собрании нельзя допускать ошибок, заниматься баснями... или...

Он запутался в мыслях, смутных из-за нехватки слов, которыми их можно было бы выразить. Нахмурился, он начал, сначала.

Собрание это не для потехи, а для дела.

И Ральф прибавил шаг, так что даже ветерок скользнул по его лицу. Ветерок прибил его серую рубашку к груди; и Ральф в этот момент просветления заметил, что складки ткани жесткие, как картон, что обтрепанные по краям шорты до красноты натерли ему ноги, и ему стало противно. Охваченный брезгливостью, он вдруг увидел, каким он стал грязным и как опустился; понял, что ему неприятно то и дело откидывать со лба спутанные волосы и каждую ночь шумно ворочаться на сухих листьях, прежде чем заснуть. И он пустился бегом.

На пляже возле бассейна уже толпились мальчики, ожидавшие собрания. Они молча расступались перед Ральфом, отдавая дань его мрачному настроению и чувствуя вину за костер.

Место для собраний, куда пришел Ральф, напоминало треугольник — впрочем, кривой и неправильный, как и все, что было сделано их руками. Основанием треугольника было бревно, на котором всегда сидел Ральф, — мертвое дерево, слишком огромное, чтобы оно могло вырасти на платформе. По-видимому, его забросил сюда один из легендарных тихоокеанских ураганов. Этот пальмовый ствол лег параллельно пляжу, и, сидя на нем, Ральф оказывался лицом к горе, вырисовываясь перед другими темным силуэтом на фоне мерцающей лагуны. Боковые стороны треугольника были менее четкими. Справа лежало бревно, отполированное сверху ерзавшими задами, не такое большое, как у вождя, и не такое удобное. Слева было четыре тонких ствола, один из которых — самый дальний — гнулся и пружинил. Собрание разразилось хохотом, когда кто-нибудь из сидевших там откидывался слишком далеко назад и бревно срабатывало, как катапульта, стряхивая ребят в траву. «И до сих пор, — подумал

Ральф, — никто, ни он сам, ни Джек, ни Хрюшка, не додумался подложить камень. Так они и будут шлепаться с этой качалки, потому что... потому что...» И он снова запутался в горьких мыслях.

Перед каждым стволем трава была вытоптана, но зато ей ничто не мешало расти в середине треугольника. И у его вершины трава тоже была густой и высокой, потому что там никогда не садились. Вокруг площадки стояли серые пальмы, прямые и покосившиеся, на которых покоилась низкая крыша листвы. По обе стороны был пляж, позади — лагуна, впереди чернел остров.

Ральф подошел к своему месту вождя. Так поздно они еще не устраивали собраний. Вот почему все выглядело иначе. Обычно листва была подсвечена снизу путаницей золотистых бликов, и лица ребят освещались так, «...будто, — думал Ральф, — будто в руках у тебя фонарик, наставленный вверх».

Ральф снова погрузился в странное состояние: он размышлял, что прежде было ему совсем несвойственно. Если лица меняются от того, падает ли свет сверху или снизу, тогда что же такое лицо? И что вообще все?

Ральф сделал нетерпеливое движение. Все дело в том, что, раз уж ты вождь, приходится думать, приходится разбираться. А бывают случаи, когда надо

срочно принимать решение. Тут поневоле станешь думать, потому что мысль — ценная штука, от нее многое зависит. «Вот только я, — думал Ральф, стоя перед местом вождя, — я не умею думать. Не то что Хрюшка».

И еще раз в этот вечер Ральфу пришлось сделать переоценку ценностей. Хрюшка умел думать. В его жирной голове мысли складывались, как кубики. Только Хрюшка — не вождь. Хотя он и жирный, а голова на плечах у него есть. Став специалистом по части размышлений, Ральф теперь мог и в других распознать этот дар.

Лучи заходящего солнца слепили ему глаза, напоминая, что время идет, и он взял висевшую на дереве раковину и осмотрел ее со всех сторон. Вот воздухе она потускнела, из желто-розовой став почти белой и прозрачной. Ральф испытывал к ней нежность и почтение, хотя сам выудил ее тогда из воды. Он повернулся и приставил к губам морской рог.

Все ждали этого и тотчас же собрались. Те, кто знал, что костер не горел и мимо острова прошел корабль, предчувствовали гнев Ральфа и были удручены; остальные, включая малышей, которые вообще ничего не знали, были под впечатлением необычной торжественности. Площадка быстро заполнялась; Джек, Саймон, Морис и большинство охотников уселись справа от Ральфа, остальные — лицом к солнцу. Хрюшка пришел, но остался сто-

ять чуть поодаль от треугольника. Это означало, что слушать он будет, а говорить не собирается: так Хрюшка выразил свое неодобрение.

— Значит, так. Нам надо устроить собрание.

Никто не проронил ни слова, но повернутые к Ральфу лица были напряжены. Он выставил рог напоказ. По опыту он знал, что такие важные заявления, как это, нужно по меньшей мере повторить дважды, чтобы они непременно дошли до каждого. Нужно сидеть, и держать у них перед глазами морской рог, и ронять слова, как тяжелые круглые камни. Он рылся в памяти, отыскивая самые простые слова, чтобы и малыши поняли, о чем речь.

— Нам понадобилось созвать собрание. Не для потехи. Не для того, чтобы смеяться и лететь с бревна, — малыши на «качалке» переглянулись и захихикали, — не для того, чтобы шутки шутить или... — пытаюсь найти нейтральное слово, он приподнял рог, — или умничать. Не для того. А чтобы во всем разобраться.

Он помолчал.

— Я ходил один. Ходил один и думал, что к чему. Я знаю, что нам нужно. Собрание, чтобы договориться обо всем. И первым начинаю я.

Он снова помолчал и механически отодвинул волосы со лба. Хрюшка подошел на цыпочках к треугольнику и присоединился к остальным.

— Много было у нас собраний, — продолжал Ральф. — Всем нравится говорить и собираться вместе. Мы принимали решения. Но ничего не делали. Мы решили набирать в кокосовые орехи воду из речки и накрывать их свежими листьями. Делали так несколько дней. А теперь воды нет. Скорлупки сухие. Все ходят пить на речку. — Послышался приглушенный шум, означавший согласие. — Можно и из речки пить, ничего в этом такого нет. Я хочу сказать, что мне самому приятнее пить воду там, вы знаете где, у водопада, чем из скорлупы кокосового ореха. Но ведь мы решили носить воду. И не делаем этого. Сегодня было только две скорлупы с водой. — Он облизнул губы. — Дальше — хижинки. О них.

Легкий шум поднялся и тут же стих.

— Большинство из нас спит в хижинах. Прошлой ночью,

кроме Сэм-и-Эрика — они дежурили у костра, — все спали в хижинах. Кто их строил?

Поднялся гвалт: «Все строили!» Ральфу пришлось помахать рогом.

— Погодите! Я хотел сказать, кто строил все три хижины? Первую мы все строили, вторую — вчетвером, а последнюю — только я да Саймон. Поэтому-то она и трясется. Нет. Не смейтесь. Эта хижина может развалиться, если пойдет сильный дождь. А тогда нам очень они понадобятся, эти хижины. Он помолчал, затем откашлялся.

Хрюшка потянулся за раковиной, но Ральф покачал головой. Его речь была спланирована по пунктам. Собрание замерло в предчувствии чего-то важного.

— А теперь — костер...

Ральф едва слышно перевел дыхание, и собрание отозвалось вздохом. Джек принял стружку ветку и что-то шепнул Роберту, который смотрел в сторону.

— Костер — это самое важное на острове. Как же мы можем рассчитывать, что нас увидят и спасут, если будем бросать костер? Неужели нас мало для того, чтобы он всегда горел?

Он выбросил руку вперед.

— Смотрите сами: сколько нас! Разве мало? И все равно не можем справиться с костром, чтобы он горел и шел дым. Разве вы не понимаете? Неужели вам не ясно, что костер должен гореть — хоть умри!

Среди охотников раздался неловкий смешок. Ральф страстно повернулся к ним.

— Вы, охотники! Еще смеетесь!.. Но я говорю вам: дым важнее вашей свиньи. Вам понятно это? Костер должен гореть — хоть умри!

Он перевел дух, подбираясь к следующему пункту.

— И еще одна вещь.

— Слишком много у тебя вещей! — крикнул кто-то.

Голоса одобрения, хотя и невнятные. Ральф лишь отмахнулся.

— И еще одна вещь. Мы чуть не сожгли весь остров. И мы только попусту тратим время, перетаскивая камни и разводя маленькие костры, чтобы пожарить что-нибудь. Я говорю, и отныне это закон, потому что я вождь: костер можно разжигать только на вершине. Раз и навсегда.

Немедленно поднялся гвалт. Мальчики повскакали и крича-

ли, и Ральф тоже кричал в ответ.

— Захотели пожарить краба или рыбу — живенько на вершину. Зато так мы будем всегда спокойны. Вот все, что я хотел сказать. И сказал. Вы выбрали меня вождем. Так делайте то, что я говорю вам.

Ребята понемногу утихомирились и расселись по местам.

— Итак, запомните. Нужно поддерживать огонь, чтобы шел сигнальный дым. Не уносить огонь с вершины. Жарить еду только там.

Джек, сердито нахмурившись, встал и протянул руку.

— Я еще не кончил.

— Но ты все говоришь и говоришь без конца!

— Рог у меня.

Раздраженно ворча, Джек сел.

— И последняя вещь. О чем болтают все. — Он подождал, пока на платформе не стало очень тихо. — Дела наши разладились. И я не знаю почему. Начали мы хорошо. А потом... — Он нежно качнул рог, глядя куда-то поверх голов и вспоминая про зверя, змею, пожар и разговоры о страхе. — А потом все стали чего-то бояться.

По собранию пробежал гул, похожий на стон. Джек перестал строгать. Ральф продолжал резким голосом:

— Только все это болтовня. Малыши выдумали. Сейчас мы в этом разберемся. Так что последнее, что мы должны решить, — это насчет страха. — Волосы опять сползли ему на глаза. — Обсудим и решим, что все это — пустое. Мне и самому бывает страшно, только все это вздор. Вроде леших. Мы это обсудим и примем решение, и тогда сможем жить, как раньше, и осторожно обращаться с огнем. — Перед ним на миг возникла картина, как три мальчика весело шагают по залитому солнцем пляжу. — И нам опять будет хорошо.

Ральф церемонно положил рог на ствол возле себя в знак того, что его речь закончена. Последние лучи солнца стлались по земле. Джек встал и взял рог.

— Мы собрались сегодня, чтобы решить, что к чему. Я вам скажу, что к чему. Это все из-за вас, малышня, с вашими страшными рассказами. Звери! Да откуда им взяться? Конечно, нам бывает страшно, но мы терпим. Ральф говорит: вы визжите по ночам. Значит, вам просто снятся страшные сны. Что ни го-

вори, вы и не охотитесь, и хи-жин не строите, и не помогаете... Сопливые вы сосунки, вот кто! Страшно вам — терпите. Мы-то терпим — и ничего. — Ральф от изумления открыл рот, но Джек ничего не замечал. — Так ведь страх... он же не кусается... все равно что сон. На острове нет таких зверей, которых нужно бояться. — Он бросил взгляд на шепчущихся малышей. — А сожрет вас кто, так и поделом, бесполезные вы сосунки! Только зверя здесь нет...

— Да о чем ты? — раздраженно прервал его Ральф. — Разве кто говорил про зверя?

— Ты сам говорил. Пару дней назад. Ты сказал, что по ночам они кричат и визжат. А теперь они говорят — и не только малыши... иногда и мои охотники, — говорят о каком-то существе, о чем-то черном, о звере. Я сам слышал. Ты думал, нет? Я обошел весь остров. Сам. Если бы на острове был какой зверь, я бы его увидел. Бойтесь, раз вам так нравятся, только в лесу нет никакого зверя.

Джек отдал рог и сел. Собрание облегченно зааплодировало. Хрюшка протянул руки за рогом.

— Я не согласен с Джеком. Не во всем, а только кое в чем. Конечно, в лесу нет никакого зверя. Как ему здесь быть? Что бы он ел?

- Свиной!
- Свиной мы едим.
- Хрюшек!

— Рог у меня! — негодуя воскликнул Хрюшка. — Ральф, должны же они замолчать или нет? Заткнитесь вы, малышня! А вот насчет страха я не согласен. Ясное дело — в лесу нечего бояться. — Он снял очки и заморгал глазами.

Солнце зашло так стремительно, словно кто-то выключил свет.

— Что ж ты думаешь, надо все время бояться просто так, неизвестно чего? В жизни, — вдохновенно продолжал Хрюшка, — все объясняется по науке, вот как. Через год-другой, когда закончится война, люди будут летать на Марс, туда и обратно. Я знаю, что здесь нет никакого зверя, у которого есть клыки там и еще... И я знаю, что бояться нечего. — Хрюшка перевел дыхание. — Разве только...

Ральф подался вперед.

— Что?

— Разве только мы станем бояться друг друга.

Со всех сторон заикали, за-

смеялись. Хрюшка пригнул голову и торопливо продолжал:

— Так давайте выслушаем того малыша, который болтал про зверя, и, может, мы объясним ему, какой он глупый.

Малыши зататорили между собой, затем один из них встал и чуть вышел вперед.

— Как тебя зовут?

— Фил.

Для малыша он держался очень уверенно: он протянул руки, покачал рогом, точно как Ральф, обвел всех взглядом, чтобы привлечь к себе внимание, и лишь тогда заговорил:

— Вчера ночью мне снился сон, страшный... Я отбивался. Я был один в лесу и отбивался от этих, ну, на деревьях висят. Тут я испугался и проснулся. Стою я у хижины, а эти... которые извиваются, ушли.

Жуткая реальность этого описания, такого правдоподобного и непереносимо страшного, сковала их всех молчанием. А детский голос звенел из-за белой раковины Ральфа.

— И вижу, как что-то движется между деревьями, что-то большое и страшное.

Он замолчал, напуганный своими воспоминаниями, но все же гордый произведенным впечатлением.

— Ему приснилось, — сказал Ральф. — Он ходил во сне.

Соглашаясь, собрание угрюмо перешептывалось. Малыш упрямо покачал головой.

— Я спал, когда эти, ну, которые извиваются, нападали, а когда они ушли, я проснулся и увидел, как что-то страшное пробирается между деревьями.

Ральф забрал рог, и малыши сел.

— Ты спал. Никого там не было. Ну кто станет ночью разгуливать по лесу? Ну кто? Кто из вас выходил?

Все усмехнулись при мысли о том, что кто-то мог отважиться войти ночью в лес. Вдруг поднялся Саймон, и Ральф ошалело посмотрел на него.

— Ты? Для чего тебе нужно было шляться ночью?

Саймон, решившись, схватил рог.

— Мне нужно было... сходить в джунгли...

— Ладно, — сказал Ральф. — Больше этого не делай. Понял? Ночью не ходи. И так хватает глупой болтовни о зверях, а уж когда малыши увидят ночью, как ты...

В издевательском гоготе можно было уловить не только осуждение, но и страх. Саймон хотел что-то сказать и уже открыл рот, но рог у него уже не было, и ему пришлось вернуться на свое место.

Когда собрание утихомирилось, Ральф повернулся к Хрюшке.

— Ну, Хрюшка?

— Тут еще один. Вот этот...

Продолжение следует

Перевел с английского
В. ТЕЛЬНИКОВ

СОПЕРНИК КАЛИГУЛЫ

Римский император Калигула настолько любил своего коня, что возвел его в сенаторское достоинство. Английский футболист Билл Фойл тоже любит своего коня Мустанга. Однако сделать его, скажем, членом палаты лордов Фойл не мог. Тогда он подумал: а почему бы не сделать верного друга футболистом? Действительно, почему? И Фойл начал тренировать Мустанга. Вышел отличный вратарь, который мог бы составить честь любой команде.

У Фойла теперь на очереди другие заботы: как убедить Лигу футбола, чтобы она позволила Мустангу принимать участие в матчах?

ПОЧЕТНЫЙ ДОКТОР ПОД СЕДЛОМ

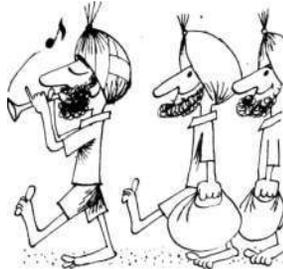
В Ирландии по установленной двести лет назад традиции в день святого Патрика — патрона коркских гвардейцев, адъютант командира полка должен на коне подняться по ступенькам в актовом зале местного университета.

Ученый совет принял решение: конь, которому доведется вступить в актовый зал сорок пять раз, имея на спине одного и того же адъютанта, получает титул почетного доктора.

Что ж, остается только подождать, когда появятся конь-долгожитель и человек, который сорок пять лет продержится в адъютантах.

ИДТИ, ТАК С МУЗЫКОЙ!

Как известно, шагать с музыкой не только веселее, но и легче. Это давно уже заметили крестьяне, живущие близ индийского города Мурвара. Возвращаясь с базара, они нанимают (собранный человек по двадцать) музыканта, и тот до самой деревни идет впереди своих клиентов, задавая ритм. Под музыку и расстояние меньше заметно...

ГОД БОЛЬШОЙ ПАЛЬМЫ НА БУГРЕ

Если спросить у меланезийца с Новых Гебридов, скажем, в каком году он родился, тот, не задумываясь, ответит: «В год большой пальмы у дома вождя», или: «В год наклонившейся пальмы на берегу», или еще как-нибудь, но обязательно при этом упомянет пальму.

Календари еще не вошли прочно в быт островитян, зато посадка кокосовой пальмы — прекрасный ориентир и точка отсчета.

НЕВЕЗУЧИЙ ДОНАТЕЛЛО

Акилле Донателло можно пожалеть. Судите сами: вначале его обокрали, а вслед за тем он утратил репутацию, причем весьма доходную. Двадцать лет проработал Донателло ясновидцем. На доходы от доверчивых сограждан, желавших узнать свое будущее, «волшебник из Неаполя» выстроил особняк. Когда его обокрали, Донателло, естественно, вызвал полицию. Полиция развела руками: никаких следов! Тогда провидец потребовал, чтобы на место доставили опытную собаку-ищейку.

— Позвольте, синьор Донателло, — возмутился полицейский офицер, — вы же ясновидец, вы сами должны сказать нам, кто вас обокрал!..

ВРУН-68

Клуб лжецов в американском городе Берлингтоне объявил чемпионом мира по лжи 1968 года мистера Отиса Хьюлета.

Чемпион получил медаль клуба и нагрудный знак с девизом: «Вру, не краснея!» По статуту клуба знак надлежит носить, не снимая, целый год. Мистер Хьюлет обратился к президенту клуба с просьбой позволить ему снимать знак во время работы: по профессии он методистский пастор.

НЕ ПО ЧИНУ

Когда Рамону Альваро, фальшиво-монетчику из Боготы, предоставили в суде последнее слово, он сказал:

— Я хотел изготовить денег лишь столько, сколько надо, чтобы прослать порядочным человеком. Моя беда в том, что я увлекся и решил стать Рокфеллером...

РОЗИ, ДЖОН И МОТОЦИКЛ

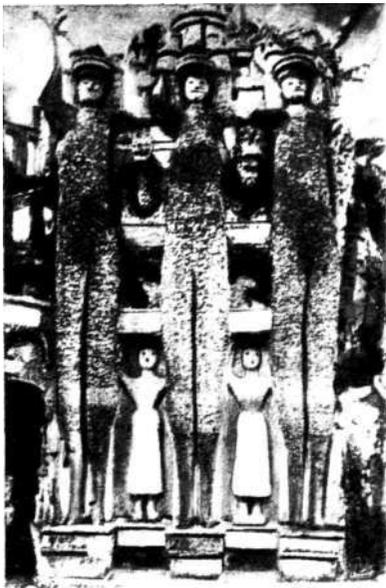
В Лондонском зоопарке катались, потешая зрителей, на мотоцикле две обезьяны — Розы и Джон. Они носились по кругу, зрители покатывались со смеху — и так каждый день... пока это однообразие четвероруким водителям не надоело. Увидев однажды, что ворота зоопарка открыты, они дали газ и рванули на лондонские улицы. Люди бросались кто куда, а за беглецами помчался грузовик с клеткой, где заламывал в отчаянии руки дрессировщик.

И вдруг на пути мотоцикла выскочил регулировщик. Он взмахнул жезлом, и... Джон, привыкший к сигналу палочки дрессировщика, затормозил. Уже подоспела клетка, уже затаскивали туда Розы и Джона, уже пожимал благодарный укротитель руки сержанту-регулирущику.

— Как вы не побоялись? — спрашивали окружающие. — Ведь обезьяны мчались прямо на вас?

— Обезьяны, не обезьяны, — ответил страж порядка, — а правила движения для всех одни!

СТОЛЬКО ДЕЛ У ПОЧТАЛЬОНА...

Тридцать три года по французской деревне Отрив ходил с сумкой на плече почтальон Фернан Шеваль. И все тридцать три года, возвратившись домой и повесив сумку на гвоздь, он садился читать книги о путешествиях по экзотическим стра-

нам. Сам, однако, за всю свою жизнь из деревни не выбрался: на почтальонское жалование не очень-то разгуляешься.

Но так сильна была его тяга к экзотике, что из простых, подручных материалов — дерева, цемента, кирпичей, глины — построил он чудозамок. Крошечный, но замок, похожий сразу и на Ангкор-Ват, и на дворец индийского магараджи, и еще на что-то очень сказочное.

Когда слухи о замке Шевалья попали в газеты, некоторые читатели предложили устроить сбор средств, чтобы отправить старика в кругосветное путешествие. Но почтальон отказался.

— Не могу бросить замок, — заявил он, — там еще столько доделать надо!

ТОПОЛЯ — СРОЧНО!

Эмилио Лонарди — скульптор-самоучка. Он занимается резьбой по дереву, причем не по какому-нибудь, а по живому и обязательно тополи. Создав галерею барельефов великих людей, Лонарди принялся за портреты своих односельчан из итальянской деревни Аквароне. Причем начал с мэра и членов муниципалитета.

И тут выяснилось, что тополей в округе катастрофически не хватает. Дубы есть, сосны-пинны есть, а с тополями прямо беда. И это в то время, когда увековечено не более половины членов муниципалитета! «Отцы дерев-

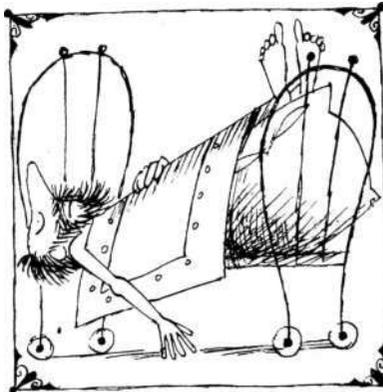
ни» приняли решение: 1) просить Эмилио Лонарди работать с другими породами деревьев, а в случае, если он откажется, 2) засадить окрестности Аквароне быстрорастущими пирамидальными тополями.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

„Вокруг света“, 1897 год

УТИЛИЗАЦИЯ СТАРЫХ БАШМАКОВ

На улицах и на площадях городов, не достигших еще высокой степени благоустройства, нередко валяются старые, стоптанные башмаки, при виде которых прохожие гадливо отворачиваются, до того непривлекательна внешность этих некогда полезных частей нашего костюма. Практичные американцы, умеющие из всего извлекать пользу, начали собирать старые башмаки, распарывали их, подвергали целому ряду манипуляций и теперь научились делать из них «тесто», дающее искусственную кожу: ее украшают тисненными рисунками, и она идет на изготовление разных мелких предметов. Французы тоже взялись за ум и этим «кожным тестом» покрывают чемоданы и дорожные мешки. В Монпелье есть много лиц, занятых превращением старых башмаков в новье. Старый башмак распарывается, освобождается от гвоздей и затем подвергается более или менее продолжительному мочению, что возвращает коже ее прежнюю гибкость. Из этой-то кожи и вырезаются головки детских башмаков, подошва готовится таким же способом; даже самые маленькие, обрезки не пропадают даром, а идут на каблучки «Луи XV», которые еще недавно были в таком фаворе у дам. При помощи магнита гвозди, выгашенные из старых башмаков, сортируются на медные и железные, те и другие находят себе сбыт. Мельчайшие и никаку не годные обрезки не выбрасываются, ибо они дают удобрение, довольно высоко ценимое в некоторых отраслях земледелия.

КАК НАДО СПАТЬ

Для того чтобы отдохнуть во время сна и доставить полный покой усталому мозгу, Вильгельм Фишер, пишущий в „Revue Scientifique“, советует избавиться от дурной привычки спать на подушке. Продолжительные наблюдения привели Фишера к такому заключению, что сон оказывает самое благо действие только тогда, когда голова лежит ниже ног. Такое положение во время сна особенно рекомендуется анемичным и нервным субъектам, а также людям, predisposed к чахотке. Чтобы избежать слишком резкого перехода от обычной постели к «нормальной», следует прежде всего привыкнуть спать на ровном матраце и без подушки, а потом уже можно будет пользоваться ее услугами, но только подкладывая ее под ноги.

ЭКОНОМНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ СУДЬЯ

В Англии есть обычай дарить судье пару белых перчаток в том случае, если при открытии сессии окажется, что ни одного уголовного дела нет. По сообщению „Times“, один известный в Лондоне адвокат получил место судьи в один мирный приморский городок, и ему пришлось не раз получать по паре перчаток, в которых он не имел нужды. Ему пришла счастливая мысль воспользоваться этим, чтобы снабжать перчатками свою супругу, и, когда в последний раз ему поднесли обычную пару перчаток, он сказал: «Благодарю вас, но в следующий раз пусть перчатки будут на четыре пуговицы и размера 6 1/4».

ВЕС КОРОНОВАННЫХ ОСОБ

Этими сведениями мы обязаны нескромным разоблачениям автоматически действующих весов, на которых в прошлом году свесилась королева Виктория во время своего пребывания в Ницце. Уважаемая королева, несмотря на свой преклонный возраст, весит четыре пуда двадцать фунтов, что, конечно, следует приписать достоинством английской кухни. Австрийская императрица оказалась самой легкой из коронованных особ, ибо весит только два пуда тридцать фунтов. Пальма же первенства принадлежит королеве Изабелле, которой могут позавидовать многие мужчины, ибо она весит пять пудов

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ГИЛЬЕРМО ГАРСИА ПОНСЕ — Туннель «Сан-Карлос»	2
Канатоходцы с Малаиты	9
Куда приведет неведомая дорога?	10
Дом дельфина и человека	14
МИШЕЛЬ ПЕССЕЛЬ — Время поднимается в горы	16
МАРК ТВЕН — Зачарованное пустынное море	23
В. ДЕМИДОВ — Штурм Географической	28
Жаркое молодежное лето. Мост через Дунай. Строители старины. Пешком вокруг света	34
ЕВГЕНИЙ ХАЛДЕЙ — Констанца, Бухарест и дальше	34
ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ — Один выстрел	36
Ветер и вышки	40
Экспедиция «Вокруг света». Тетрадь четвертая. Слово о каменной доброте	42
Нельзя ли выкачать вулкан?	47
МОРИС КЕЙН — Вам не страшен серый волк?	48
ДЖОН УОЛШ — Времени мало, вода прибывает	51
ОРЛАНДО ВИЛАС-БОАС — Для чего мы это делаем?	56
Ф. САЛАСАР — Камбои идет на охоту	60
БОРИС ПИСЬМЕННЫЙ — Что Вам известно о неизвестных?	62
Загадки, проекты, открытия	65
УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ — Повелитель мух	66
Пестрый мир	7 8
Листая старые страницы	79
Л. МИНЦ — Носильщик из Чичикастенанго	80

На первой странице обложки: **МЕЛАНЕЗИЯ, ОСТРОВ МАЛЛИТЛ**. Заметку «Канатоходцы с Малаиты» см. на стр. 9.

ПОПРАВКА

К очерку «Английская игра», опубликованному в № 6 нашего журнала, была заготовлена сноска следующего содержания: «Фашистский концлагерь Равенсбрюк был освобожден Советской Армией 30 апреля 1945 года, после чего туда стали прибывать иностранные миссии по репатриации бывших узников». Эта сноска была пропущена по вине сотрудника, готовившего материал к печати.

Главный редактор **В. С. САПАРИН**
 Члены редакционной коллегии:
В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН,
М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, А. А. НОДИЯ (заместитель
 главного редактора), **Ю. Б. САВЕНКОВ** (ответственный секретарь),
А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ПЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ.

Оформление **А. Гусева** и **Т. Гороховской**

• Рукописи не возвращаются. Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сушевская, 21. Телефон для справок: 251-15-00, доб. 2-29; отделы «Наша Родина» — 4-09; иностранный — 2-85; литературы — 3-58, 3-93; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 6/VI 1969 г. ПОДП. к печ. 16/VII 1969 г. А04853.
 Формат 84x108/16. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.
 Тираж 2 700 000 экз. Заказ 1095. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
 Москва, А-30, Сушевская, 21.

НОСИЛЬЩИК

ИЗ

ЧИЧИКАСТЕНАНГО

В империи инков, что простиралась на территории нынешних Боливии, Перу, Эквадора, был закон, суровый и непреложный: никто не смеет покинуть место, где живет, без разрешения и бродить по стране без дела. За выполнением закона следила стража; и каждый человек по первому требованию должен был представить ей доказательство, что он не просто бродит, а выполняет работу. Гонцы, например, несли особый жезл и письмо *киту* — связку шнуров с узлами. Знатные инки передвигались в носилках. Ну, а простолюдины несли на спине какой-нибудь груз.

Давно уже нет империи инков с ее законами, но и сегодня вряд ли кому удастся увидеть на эквадорских горных дорогах «пустого» крестьянина-индейца. Обязательно за спиной у него будет груз: или в город идет он на базар, или с базара возвращается с покупками.

Говорят, что как-то распродал один индеец свой товар на базаре в Чичикастенанго, а ничего сам не купил. Наложил он тогда в заплечную сумку камней и зашагал домой, в горы.

— Эй, Лонго, — кричат рыночные зеваки, — ты зачем камни в горы потащил?

— А что ж, — отвечает индеец, — пустым идти, что ли?

Груз всегда равномерно распределен на спине, а верхняя часть его высоко выдается над войлочной шляпой. Если надо нести связку камыша, или доски, или еще что длинное, тогда груз легко примостить к спине. Для других же вещей употребляют приспособление, напоминающее этажерку, — при этом груз опять-таки лежит на спине равномерно и верхняя часть его выдается над головой.

И на это есть свое объяснение. При инках, мол, стража, стоя на холме или на вершине горы, издали замечала путника и груз его. Было сразу ясно, что человек идет по делу.

Но бог с ними, с преданиями! Кто отличит, где здесь правда, а где вымысел?.. Есть и другое объяснение.

У всего сущего, что приковано к Земле силой притяжения, есть центр тяжести — точка, к которой эта сила приложена. У человека свой центр тяжести, у груза — свой. Чтоб легче нести, надо расположить эти центры по вертикали. Выдвигая груз выше головы, индеец выполняет эту физико-математическую задачу (знать бы ему об этом, труженику-горцу!).

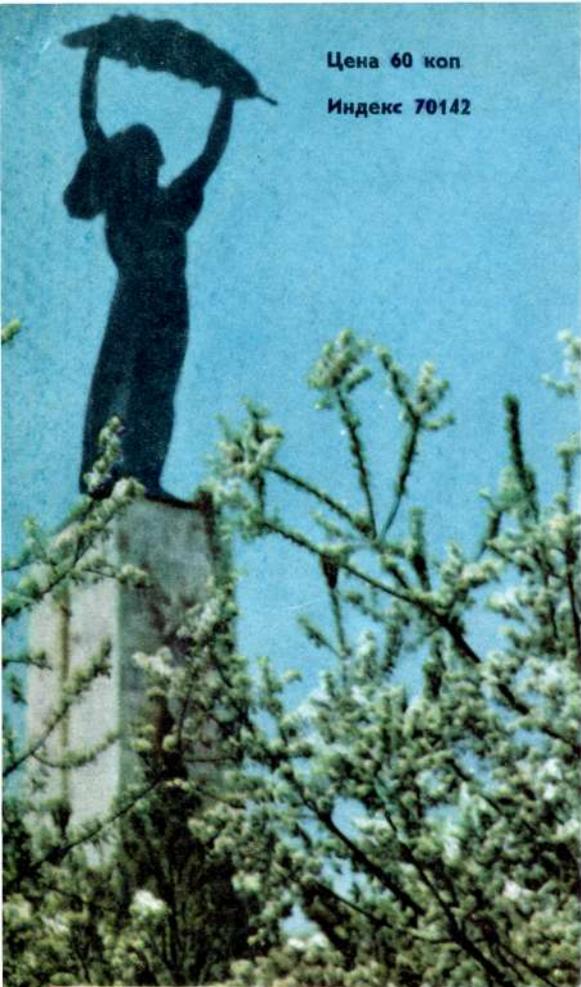
Согнулся слегка индеец, поднимаясь по горной тропе, — центр тяжести груза сместился вперед. Словно неведомая сила подтолкнула индейца в спину, и, чтобы не упасть, делает он шаг. Следующий шаг — опять толчок. И так, пока не дойдет до дому. Получается: вроде бы груз сам дошел и хозяина довел.

Л. МИНЦ

Цена 60 коп

Индекс 70142

ссср

путник

бюро международного
молодежного туризма

ВЕНГРИЯ

